

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Дронов Александр Михайлович

**МЕСТО ВОЕННОЙ ГРАНИЦЫ В КОНЦЕПЦИЯХ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА
КОРОЛЕВСТВА ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ В 40–70-е ГОДЫ XIX в.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(Новое время)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
Хаванова Ольга Владимировна

Москва, 2020

Содержание

Введение	4
Историография	7
Источники	45

ГЛАВА 1.

Военная граница и хорватское национальное возрождение

(1840–1850-е годы)

1.1. Военная граница Габсбургской монархии до 1848 г.	61
<i>1.1.1. Краткая история института Военной границы</i>	<i>61</i>
<i>1.1.2. Особенности социальной структуры Военной границы</i>	<i>71</i>
1.2. Хорватия и Военная граница в 40-е годы XIX в.	
Предмартовский период	73
<i>1.2.1. Три волны хорватского иллиризма</i>	<i>74</i>
<i>1.2.2. Иллирское движение и Военная граница</i>	<i>81</i>
<i>1.2.3. Первые политические партии королевства Хорватии и</i> <i>Славонии: иллиры и мадьяроны</i>	<i>87</i>
<i>1.2.4. «Венгерская Иллирия» и претензии Венгрии</i> <i>на Военную границу</i>	<i>95</i>
1.3. Военная граница и королевство Хорватии и Славонии в период революционных процессов и режима неоабсолютизма (1848–1850-е годы).....	102
<i>1.3.1. Революция в Австрийской империи и</i> <i>участие в ней граничар</i>	<i>102</i>
<i>1.3.2. Место Военной границы в правовых отношениях</i> <i>Хорватии и Венгрии в период революционных событий</i> <i>1848–1849 годов и в 1850-е годы</i>	<i>115</i>

ГЛАВА 2.

Проекты реформ Военной границы и их реализация в двадцатилетие трансформации Габсбургской монархии (конец 1850-х – 1870-е годы)	128
2.1. Активизация политической жизни в королевстве Хорватии и Славонии (рубеж 50–60-х годов XIX в.)	128
2.1.1. <i>Становление и развитие политических партий Хорватии и Славонии в 1860-е годы</i>	128
2.1.2. <i>Военная граница между Военным министерством и Хорватией</i>	135
2.2. Проекты реформ Военной границы 1860-х годов	151
2.2.1. <i>Проекты политических реформ Военной границы первой половины 1860-х годов</i>	151
2.2.2. <i>Политическая и экономическая борьба за Военную границу в период дуалистического преобразования монархии в 1867–1869 годы</i>	158
2.3. «Граничарское движение» и упразднение Военной границы	167
2.4. Военная граница и Сербское княжество	185
Заключение	203
Список источников и литературы	210

Введение

Элементы собственной государственности (разного масштаба и характера автономии) в современной исторической науке считаются одним из главных критериев типологизации процессов образования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В этой связи королевство Хорватии и Славонии, входившее на правах широкой автономии в состав Венгерского королевства и – опосредованно – во владения Австрийского дома, было этапом на пути формирования современной хорватской государственности и нации.

С конца XVII в. территории расселения этнических хорватов не становились объектом государственно- и административно-политических преобразований. С изгнанием османов из среднего Подунавья на территориях, некогда входивших в состав Венгрии, в 1699 г. было создано королевство Славония, объединенное с Хорватией, но сохранившее двойное подчинение: депутаты от славонских комитатов заседали и в хорватском саборе (либо в своем саборе в период его отделения от хорватского), и в венгерском Государственном собрании. С началом XVIII в. территории королевств Хорватии и Славонии были разделены на гражданскую и военную. Последняя не подчинялась гражданской администрации, а относилась к экстерриториальному институту Военной границы Австрийской монархии (с 1804 г. – Австрийской империи).

Военная граница – это милитаризованная территория с особым статусом в Габсбургской монархии на границе с Османской империей. Она охватывала южные области исторического Венгерского королевства, в том числе находившегося с ним в унии королевства Хорватии и Славонии (до 1867 г. также именовавшегося Триединым королевством). В условиях перехода к массовой армии и ослабления османской угрозы к середине XIX в. Военная граница превратилась в отживший административно-

территориальный институт. После преобразования Австрийской империи в 1867 г. на дуалистических началах в Австро-Венгерскую монархию и заключения в 1868 г. венгеро-хорватского соглашения (Нагодба) вопрос принадлежности Военной границы был окончательно решен в пользу ее полного упразднения.

Исследовательской целью диссертации является выявление меняющейся роли фактора Военной границы в административно-политическом развитии королевства Хорватии и Славонии, как это отражено в дебатах сабора, прессе, публицистике, и в какой мере обсуждение проблемы в конечном итоге повлияло на выработку концепции хорватской государственности. При этом решаются такие задачи, как (1) выявление форм вовлечения населения Военной границы в политические процессы в королевстве, признаков того, что граничары испытывали влияние циркулировавших в хорватском обществе идей, ассоциировали себя с территорией и жителями королевства, а в самом Хорватско-Славонском королевстве воспринимались как возможные сограждане; (2) анализ отношения к Военной границе со стороны Венского двора, хорватской элиты, в целом южнославянского населения Австрийской империи; (3) исследование особенностей стратегического положения Военной границы на пограничье двух империй, а также влияния автономного Сербского княжества на граничар.

Хронологические рамки диссертации – период с начала 1840-х до конца 1870-х годов. Начальная дата позволяет реконструировать место и роль Военной границы в общественно-политической жизни королевства Хорватии и Славонии в последнее десятилетие так называемого Предмартовского периода (от немецкого – Vormärz, отрезка времени между Венским конгрессом 1815 г. и революцией 1848 г., начавшейся в марте). Конечная дата – 1873/1881 гг. – дает возможность рассмотреть, каковы были первые результаты и последствия ликвидации особого статуса Военной

границы и ее демилитаризации и ее частичной инкорпорации в Хорватско-Славонское королевство.

Актуальность и новизна исследования связана с недостаточной изученностью автономистских форм хорватской государственности и преемственности хорватских политических институтов в раннее Новое время, а также роли института и населения Военной границы в хорватской истории. Далее, актуальность настоящей работы обоснована широким распространением в последнее время компаративных подходов в изучении феномена военизированных обществ при недостаточной изученности данной темы в российской историографии. Особо следует отметить, что в странах, на чьей территории когда-то находилась Военная граница, ее история нередко остается политизированной и узконационально ориентированной.

Обстоятельное исследование по заявленной теме может представлять методологический интерес, с одной стороны, для специалистов по истории развития общественно-политических институтов, а также парламентаризма, с другой стороны, истории казачества и иных подобных милитаризированных областей с особым статусом, а также истории разделенного общества. Имевшая особый правовой статус территория Военной границы была исторически связана с королевством Хорватии и Славонии, а также комитатами южной Венгрии. Рассматриваемые в данном исследовании проекты по демилитаризации Хорватско-славонской военной границы были важной ступенью на пути развития и становления хорватской государственности в границах Венгерского королевства и Габсбургской монархии. Фактор влияния Военной границы на политические процессы в гражданских Хорватии и Славонии, к сожалению, далеко не всегда учитывался в исследованиях историков разных стран по данному региону. Диссертационная работа позволит продвинуться в направлении устранения данного историографического пробела.

Историография

После преобразования владений Австрийского дома в Австрийскую империю (1804 г.) хорватско-славонская элита получала шанс упрочить свое положение. В ходе освобождения исторических хорватско-славонских земель от турок и присоединения территории венецианской Далмации с большим процентом славянского населения на повестке дня хорватских политических элит оказался вопрос возвращения земель средневекового Хорватского королевства, властные институты которого непрерывно функционировали на протяжении многих веков вплоть до рассматриваемого в диссертации периода, а следовательно, являлись полностью легитимными. Таким образом, королевство Хорватии и Славонии (в 1840–1870-е годы) можно изучать как пример государственности раннего Нового времени, который не соответствует поэтому всем критериям современной государственности. Не вдаваясь в детальное рассмотрение вопроса хорватской государственности, отметим, что основными ее институтами являлись: бан (королевский наместник), банское вече (правительство королевства) и государственный сабор (парламент)¹.

Первые шаги по конструированию особой иллирской нации² были предприняты в Далмации Наполеоном, который считал, что «Иллирия – это стража, поставленная перед воротами Вены»³. Характерна попытка разработки французскими лингвистами единого иллирского языка на основе как словенских диалектов севера провинций, так и хорватских (в центре и на

¹ *Englesfeld N.* Povijest hrvatske države i prava: razdoblje od 18. do 20. stoljeća. Zagreb, 2002; *Perić I.* Hrvatski državni sabor: 1848.–2000. Sv. 1, 2, 3. Zagreb, 2000; *Perić I.* Hrvatska državotvorna misao u XIX. i XX. stoljeću. Zagreb, 2002.

² *Clewing K.* Staatlichkeit und nationale Identitätsbildung: Dalmatien in Vormärz und Revolution. München, 2001; *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в.: К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.

³ *Smičiklas T.* Povijest Hrvatske. Dio II. Zagreb, 1879. S. 413.

юге) и сербских (на востоке и юге)⁴. Обозначение территории как Иллирия указывало на преемственность с одноименной римской провинцией. Даже в 1828 г. всё словенское население в австрийских переписях именовалось «иллирийцами»⁵.

Военная граница Габсбургской монархии в середине XIX в. сохраняла особое военное административно-территориальное управление, и для нее действовало особое законодательство (Закон о Военной границе 1807 г.). Тем не менее, ее территория оказалась ареной политического противостояния двух национальных идей, хорватской и сербской, которые сами находились в стадии своего развития⁶. Российский исследователь М.В. Белов, опираясь на теорию «печатного капитализма» британского политолога и социолога Б. Андерсона, утверждает, что «пространство „нации“ до распространения сплошной грамотности ограничивалось сравнительно узким кругом образованных лиц», которых исследователь считает «прообразом-ядром будущей *большой* нации»⁷.

В начале XIX в. в Венгерском и Хорватско-Славонском королевствах уже существовали предпосылки для формирования гражданских наций по французскому типу, так как они имели признанные административно-политические границы в составе Австрийской империи. Поэтому, по аналогии с Францией, первостепенной задачей для политических элит как

⁴ Марков В. Иллирийские провинции Наполеона // Французский ежегодник 1973. М., 1975. С. 163–175.

⁵ Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999. С. 93. Ссылка на: Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1962. Sv. V. P. 170.

⁶ Beschnitt W.D. Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München, 1980.

⁷ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 389. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

Венгрии, так и Хорватии-Славонии являлось создание и популяризация единого языка для всей территории королевства. Правда, положение Венгрии по сравнению с ее автономными территориальными образованиями Хорватией и Славонией, где к тому времени еще не сложилось единого литературного языка, было гораздо выгоднее. Именно это толкало деятелей хорватского возрождения к поиску варианта для общенационального языка. Данное обстоятельство сближает процессы формирования хорватской нации с аналогичными процессами у других «языковых наций»⁸, которые образовывались в противовес господствующему государственному языку.

Появление языковых наций в Австрийской империи ускорили два события. Во-первых, издание в 1774 г. «Всеобщего школьного устава» для Австро-Чешских провинций и в 1777 г. – учебного плана «Ratio educationis» для Венгерского королевства, где начальное образование провозглашалось обязательным и бесплатным. Во-вторых, введение в Венгрии декретом Иосифа II (1780–1790 гг.) в 1784 г. немецкого языка в качестве обязательного – вместо латыни – в делопроизводстве, управлении и суде. В частности, Т.М. Исламов указывал, что централизация йозефинской эпохи «привела в действие иные, весьма эффективные механизмы, стимулировавшие процессы нациообразования»⁹. К ним отечественный историк относит «эффект реакции ненемецких народов на попытку расширить сферу употребления немецкого языка»¹⁰.

Вопрос о языке обучения вызывал особенно жаркую дискуссию, поскольку именно школы были для народов империи местом, где

⁸ «Языковой» можно назвать нацию, формирующуюся вокруг идеи о том, что люди, говорящие на определенном языке (наречии своих предков), составляют национальную общность. Данный термин близок «лингвистическому национализму» Б. Андерсона, но применим не только к Центральной и Восточной Европе.

⁹Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. М., 1996. С. 63.

¹⁰ Там же.

формировалась идентичность будущих подданных¹¹. Так, французы, опираясь на опыт метрополии, попытались создать общий для местных словенцев, далматинских славян, хорватов и сербов иллирийский язык, поскольку видели в местных славянах потомков древних иллиров, считавшихся тогда автохтонным населением Западных Балкан. На севере Австрийской империи на западных славян повлиял факт возрождения Наполеоном польской государственности в виде Герцогства Варшавского под протекторатом Франции.

Национальное строительство

Долгое время историки использовали восходящую к трудам немецкого философа Ф. Майнеке дихотомию государственно-политической (*Staatsnation*) и культурно-языковой (*Kulturnation*) нации. Эта идеально-типическая конструкция одновременно оказалась несостоятельной при анализе конкретно-исторических процессов в Европе и в мире и дала толчок для дальнейшего осмысления типологических особенностей нациообразовательных процессов у народов с разными стартовыми условиями при вступлении в модерную эру. В советской историографии наиболее плодотворной попыткой создания такой типологии стали труды И.С. Миллера, В.И. Фрейдзона, Т.М. Исламова, А.С. Мыльникова о нациях с полной и неполной социальной структурой. В Габсбургской монархии, как это следует из работ В.И. Фрейдзона¹² и О.В. Хавановой¹³, ряд народов, как венгры или хорваты, обладал признаками как государственно-политической, так и культурно-языковой нации. Более того, нации, которые по отношению к имперскому центру можно рассматривать как культурно-языковые, оказывались в положении государственно-политических по отношению к

¹¹ *Puttkamer J.* Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. München, 2003.

¹² *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. С. 6.

¹³ *Хаванова О.В.* Нация – отечество – патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000. С. 164.

подвластным им народам¹⁴. Это в полной мере справедливо и для венгров, и для хорватов. В.А. Тишков определяет конфликт разнопорядковых субъектов (если этническое меньшинство или нетитульный этнос выступает оппонентом титульному народу или его государственным институтам) как «группа против государства» (*group versus state*)¹⁵. Такое явление попытались объяснить западноевропейские исследователи М. Дюверже и А. Финкелькраут, назвав «вирусом фрагментации»¹⁶.

Тем не менее, В.И. Фрейдзон писал, что в Венгерском королевстве в XIX в. осуществился смешанный вариант государственно-политической и культурно-языковой (или этнокультурной) нации. При этом отечественный историк замечал, что «венгерские господствующие верхи» в XIX – начале XX вв. пытались осуществить «французский путь» формирования нации, при этом «в совершенно иных, в сравнении с Францией, условиях»¹⁷. При всем этом В.И. Фрейдзон считал, что между этими двумя вариантами процесса формирования наций «не было непреодолимой пропасти», поэтому сами термины «*Staatsnation*» и «*Kulturnation*» не могут удовлетворить исследователя, ведь в них «не отражен важнейший компонент, основа национального процесса» – «социально-экономическая эволюция общества»¹⁸. Кроме того, В.И. Фрейдзон пришел к выводу, что «среди критериев типологизации наций наиболее существенными являются два:

¹⁴ Соколовский С.В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., 2016. С. 56.

¹⁵ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2012. С. 634.

¹⁶ Хершак Э. Этничность как форма интеграции (теоретические проблемы и некоторые примеры стран Средней Европы) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 1997. С. 23.

¹⁷ Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. С. 6.

¹⁸ Там же.

принадлежность народа к определенному региону и социальная структура народа на “старте” процесса»¹⁹. Также ученый писал, что в ходе «сложных, противоречивых этнических процессов XVII–XVIII вв. одержала верх этноконсолидационная тенденция»²⁰.

История границ и пограничий

С момента своего возникновения на рубеже XIX–XX вв. исследования границ и пограничий были темой политической географии и рассматривались с точки зрения изменения государственных границ и государственных интересов (немецкая школа Ф. Ратцеля), а также изменения цивилизационного фронта и национальной политики (американская школа Ф. Тёрнера)²¹.

В межвоенный период политическая география характеризуется в основном прикладными, а не теоретическими работами. Причем, в политико-географических описаниях того времени особый упор делался на такие темы, как государственные границы, состав и историю формирования территорий различных государств, спорные районы, сепаратизм и т. п. Это объяснялось, прежде всего, изменением границ в Европе после Первой мировой войны и возникновением новых государств. Географы входили в комиссии по межгосударственному разграничению после обеих мировых войн, а также в межвоенный период²². Именно политико-административные границы в их национально-политическом значении станут с этого времени основным предметом изучения граничных исследований.

Период после Второй мировой войны обозначился появлением новых подходов к данной проблематике. Так, исследователями стала применяться

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Дронов А.М. Междисциплинарная практика изучения границ и пограничий // Историческая экспертиза. СПб, 2017. № 3 (12). С. 128–143.

²² Здесь примером может служить венгерский министр иностранных дел (1920–1921 гг.), географ по образованию Пал Телеки (1879–1941).

методология из области истории культуры, а также общественных наук²³. Теоретики обратили внимание на множество видов границ (межгосударственные, конфессиональные, экономические, между общинами и т. д.), на основе чего появилась необходимость их классификаций и выработки собственной терминологической базы данного направления исследований.

Таким образом, постепенно из направления в рамках политической географии граничные исследования превращаются в междисциплинарное направление со своей базой терминов и методологией с использованием инструментария и подходов других социальных и гуманитарных наук, главным образом, социологии и антропологии.

При этом, как замечает российский исследователь границ В.А. Колосов, у всех подходов граничных исследований второй половины XX в. были и существенные недостатки. Так, исследователи не могли дать ответа на вопрос, почему, например, из-за небольшого изменения границы в одном государстве поднимается буря эмоций, захватывающая всё общество, а в другом – большие территории выходят из-под его юрисдикции без каких-либо последствий²⁴. Кроме того, мало внимания уделялось иерархическим отношениям государств, их различному политическому весу, который сказывается в глобальной политике. В результате, к концу 1980-х годов стало ясно, что граничные исследования нуждаются в свежих теоретических подходах и идеях.

Одним из ярких представителей нового направления граничных исследований является голландец Х. ван Хоутум. Он четко разделяет термины «*boundary studies*» («где расположена граница») и «*border studies*» («как граница организована социально»). Кроме того, он изобрел термин

²³ См.: *Martinstetter H. Die Staatsgrenzen. Berlin, 1952.*

²⁴ *Колосов В.А., Мироненко В.С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 312.*

«*b/ordering of space*» («разграничение/упорядочение пространства»)²⁵. Критикуя своих научных предшественников Дж. Минги и Дж. Прескотта (вторая половина XX в.), Х. ван Хоутум задался вопросами: «Где граница расположена, как она возникла, развивалась и менялась с течением времени»²⁶. Для ответа на вопрос «как?» он призвал руководствоваться тремя аспектами границ: их порядка, инаковости («*othering*») и идентичностей²⁷. Также исследователь задал и третий вопрос – «почему?»: почему мы дорожим границей и воспринимаем ее как данность, почему это считаем своим, а то – чужим²⁸. Таким образом, автор пытается оторваться от существующих стереотипов и по-новому взглянуть на проблему как в истории, так и в современности.

Применение граничных подходов к истории началось в западной науке в 1980-е годы одновременно с развитием и других подходов, таких как проработка дихотомии «свой – чужой» в представлении этносов друг о друге, психоистории, влияния климата в истории и т. д. На рубеже XX–XXI вв. начались попытки применения достижений граничных исследований к изучению истории Габсбургской монархии²⁹.

Необычный феномен представляет в истории Европы позднего Средневековья и Нового времени Военная граница монархии Габсбургов. Этот регион начал изучаться австрийскими историками лишь в последней четверти XIX в., а затем его изучали сербские и хорватские историки в королевской и социалистической Югославии. Однако все они использовали

²⁵ Houtum H. The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. N 10. P. 675.

²⁶ Ibid. P. 674.

²⁷ Ibid. P. 675.

²⁸ Ibid. P. 676.

²⁹ См.: Grenze und Staat. Raßwesen, Staatsbürgerschaft, Heimatrecht und Fremden gesetzgebung in der österreichischen Monarchie 1750–1867 / hrsg. von W. Heindl, E. Saurer. Wien; Köln; Graz, 2000.

классическую историческую методологию в своих работах. Сейчас также большинство исследователей этого исторического явления как в Сербии и Хорватии, так и в других странах пользуются классическим инструментарием. Тем не менее, еще в 70–80-х годах XX в. в Италии для изучения итало-австро-словенского пограничья были основаны два центра граничных исследований: при университете Удине и Институте международной социологии в Гориции. Возможно, этот пример повлиял на австрийских и хорватских ученых.

В 1996 г. югославский и хорватский историк Драго Роксандич и его австрийский коллега Карл Кэзер решили выработать новый методологический подход к изучению региона северо-востока Адриатики и пограничья Габсбургской монархии и Османской империи. Их стараниями возник международный проект «*Triplex confinium*» на базе сотрудничества Исторического отделения Философского факультета Загребского университета, отделения Истории Юго-восточной Европы университета г. Грац (Австрия) и Института Юго-восточной Европы Центрально-европейского университета в Будапеште. Так при Загребском университете появился центр, где вырабатывался комплексный подход в изучении существовавшего на территории Хорватии стыка границ трех государств: Венецианской республики, монархии Габсбургов и Османской империи. Однако троичность, отображенная в названии этого проекта, проявляется не только в этом. Так, Венецианской республике соответствовало католичество, монархии Габсбургов – католичество и православие (в данном регионе), Османской империи – ислам. После распада Югославии в начале 1990-х годов район «трех границ» оказался пересечением исторических территорий хорватов-католиков, сербов-православных и бошняков-мусульман.

Если рассматривать район с позиций относительно молодого направления исследований – экологической истории (изучающей взаимодействия между человеческими культурами и окружающей средой в историческом прошлом), можно выделить три физико-географические зоны:

морская Адриатическая, Паннонская (долина р. Уны) и Динарская (Балканская). В соответствии с таким делением Венецианская республика считается более адриатической, монархия Габсбургов – динарской (горной) и паннонской, а Османская империя – чисто динарской (балканской)³⁰. Также в своей книге «*Triplex confinium*» Д. Роксандич усматривает сходство в едином европейском поясе земель от Польши до Хорватии – сцепление границ нескольких империй³¹. Таким образом, основатель хорватского центра граничных исследований рассматривает Военную границу главным образом как южную часть восточноевропейского пояса межимперского пограничья. Российские историки, занимающиеся изучением «западных окраин» Российской империи, то есть территории, о принадлежности которой к Восточной или Восточноцентральной Европе спорят исследователи границ и пограничий, пока преимущественно используют классические методы исследования. Одна из первых отечественных работ, где используется методология граничных исследований, – статья В.Н. Савченко «Политические границы и этносоциальная ситуация на польско-восточнославянском пограничье. XIX – первая половина XX в.», вышедшая в 1995 г.³²

В отличие от изучаемого проектом «*Triplex confinium*» вертикального пограничья и стыка трех территорий, современный австрийский историк и русист Андреас Каппелер обращает внимание на длинное горизонтальное пограничье Европы, растянувшееся в XVI–XIX вв. от северной Адриатики на

³⁰ Текст доступен по адресу: <http://www.ffzg.unizg.hr/pov/zavod/triplex/goalstc.htm> (дата обращения: 10.05.2016).

³¹ *Roksandić D. Triplex confinium ili o granicama i regijama hrvatske povijesti 1500–1800. Zagreb, 2003. S. 14.*

³² *Савченко В.Н. Политические границы и этносоциальная ситуация на польско-восточнославянском пограничье. XIX – первая половина XX в. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее / редколл. М.Д. Ерещенко, Р.П. Гришина. М., 1995. С. 162–174.*

западе до Южного Урала на востоке. В книге «Казачество. История и легенды» А. Каппелер впервые приходит к идее о сравнении не только отдельных пограничных сообществ с американским фронтиром, но и граничар Военной границы монархии Габсбургов и южнорусских казаков между собой³³. Также австрийский историк пишет о большой степени сходства пограничных сообществ граничар и казаков при их совершенно различном генезисе.

В своих работах А. Каппелер приходит к выводу, что «казачество представляло собой “культурный гибрид”, резко выделявшийся на фоне русского и украинского населения, родственного по языку, религии, этническому происхождению»³⁴, что он иллюстрирует на примере перехода донских старообрядцев, а позже и казаков-некрасовцев в конце XVII – начале XVIII вв. на территорию исторического противника казаков – Крымского ханства (на Кубань). Переводчик и исследователь работ А. Каппелера Н.А. Мининков добавляет, что историк «в понятие о казачестве как о приграничном сообществе вкладывал не столько традиционное понимание этого положения, но новый взгляд на него, который исходит из признания его как сообщества, способного к установлению многообразных контактов с соседями»³⁵. Такой взгляд необходим и при изучении истории Военной границы, где сербское православное население жило как с одной, так и с другой стороны границы, а боснийские мусульмане были в основном славянами по крови.

³³ Каппелер А. Казачество. История и легенды: монография / пер. с нем. Н. Мининкова. Ростов-на-Дону, 2014.

³⁴ Мининков Н.А. Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.) / отв. ред. Д.В. Сень. Ростов-на-Дону, 2014. С. 373.

³⁵ Там же.

Среди современных отечественных историков есть последователи А. Каппелера. Так, его идеи о возможности сравнения австрийских граничар и южнорусского казачества развивает А.Ю. Перетяцько, который выдвинул идею о возможности рассмотрения этих пограничных сообществ в комплексе, как части единой южноевропейской пограничной черты³⁶. Также он, полемизируя с философом и культурологом О.С. Якушенко, предлагает считать описываемый ею феномен «постфронтара» лишь как «культурный постфронтар»³⁷. Сама О.С. Якушенко развивает граничную терминологию таких отечественных исследователей «сибирского фронтара» как М.В. Шиловский («внутренний», «внешний» и «внутрицивилизационный» фронтар³⁸) и А.С. Хромых (теория этапов развития фронтара³⁹), предлагая свою обобщающую концепцию деления истории каждого фронтара на несколько этапов, для каждого из которых

³⁶ См.: *Перетяцько А.Ю.* Оценка роли границы в истории донского казачества авторами 1860-х – 1880-х гг.: Н.И. Краснов, М.Н. Харузин, С.Ф. Номикосо // Границы и пограничье в южнороссийской истории. С. 417–427; *Перетяцько А.Ю.* Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть I // Военный сборник. 2016. № 12. С. 79–99.

³⁷ *Перетяцько А.Ю.* «Военный постфронтар»: к определению феномена военно-социальных институтов Военной границы и Донского Войска второй половины XIX в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2019. С. 45.

³⁸ *Шиловский М.В.* Фронтар и переселения (сибирский опыт) // Фронтар в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 101.

³⁹ *Хромых А.С.* Сибирский фронтар в конце XVI – первой четверти XVII веков // Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы международной конференции. Томск, 2008. Ч. 1. С. 53–261.

характерна «своя особая форма коммуникации»⁴⁰. Историю взаимодействий акторов по обе стороны фронта в историческом развитии О.С. Якушенкова подразделяет на три стадии, рассматривая их в дихотомии «свой–чужой»: 1) «ранний фронт», 2) «активный фронт» и 3) «постфронт», который, однако она трактует в культурном смысле⁴¹. А.Ю. Перетяцько совсем недавно пересмотрел термин «постфронта», расширив его применение до «военного постфронта», который он определяет как «последнюю стадию существования тех фронтальных обществ, для которых была характерна длительная (более века) географическая стабильность, и поэтому в среде этих обществ успели сложиться крайне устойчивые военные традиции и военно-административные управленческие институты»⁴². В настоящее время при Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) формируется методологическая база для создания собственного центра по изучению истории границ и пограничий.

Если в англоязычной литературе граничные исследования называются «*border studies*», пограничные исследования – «*borderlands studies*», а хорваты используют латинский термин «*confinium*», который больше пригоден для обозначения «понятий сопредельного пространства», то в России (и в некоторых странах СНГ) междисциплинарное направление по изучению границ и пограничий емко именуется лимологией (от лат. «*limes*» – рубеж, черта), то есть изучением рубежей и характерных именно для истории России «засечных черт». При этом, как считает белорусский исследователь Н.Н. Беспамятных, лимология с точки зрения своей предметной области,

⁴⁰ Якушенкова О.С., Якушенков С.Н. Трансформация образа Чужого в условиях постфронтальной культурной парадигмы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 114. С. 327.

⁴¹ Там же.

⁴² Перетяцько А.Ю. «Военный постфронт». С. 45.

теоретических подходов и инструментария может рассматриваться как аналогичная или близкая к западным «граничным исследованиям»⁴³.

Однако в последние годы внимание российских исследователей привлекают и проблемы истории русского средневекового понятия «украина» («вкрайна») для обозначения пограничных областей на южных рубежах как Русского государства, так и Великого княжества Литовского, а позже Речи Посполитой⁴⁴. В книге Ф.А. Гайды «Грани и рубежи: понятия “Украина” и “украинцы” в их историческом развитии» говорится, что «во всех западнославянских, церковно-славянском, болгарском, древнерусском, украинском, белорусском языках, а также русских диалектах слова с корнем “край” получили также значение “страна”». Однако автор обращает внимание, что в «русском, словенском, сербохорватском, македонском» языках для слова «край» существуют лишь более ранние значения – «окраина, край, область, окрестности» (в том числе «родной край», «родная сторона», «родная сторонка», но не страна в целом)⁴⁵. При этом понятие «краиште (краище)» в славянских языках означает только «пограничье,

⁴³ *Беспамятных Н.Н.* Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы. Минск, 2012. С. 54.

⁴⁴ См.: *Скобелкин О.В.* «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // *Российская история.* 2015. № 5. С. 54–63; *Антонов В.А.* Слово «украина/ Украина» в письменности XV–XVIII вв. и его использование в позднейшей историографии // *Русский Сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2017. Т. XXIII.* С. 20–21; *Пузанов В.Д.* Годовальщики в Сибири XVII в. (по документам РГАДА) // *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Междунар. науч. конф. (Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.). М., 2008. Ч. 2. С. 533–534.*

⁴⁵ *Гайда Ф.А.* Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. С. 20.

отдаленную окраину»⁴⁶. Также в этой книге проводится аналогия между понятиями «украинник» русского делопроизводства XVI–XVII вв. и «граничар» Военной границы Габсбургской монархии, которые означали в обоих случаях пограничника, а также шире – жителя пограничной области⁴⁷. Кроме того, автор видит сходство между русским понятием «украинцы» и словенским «краинцы» (жители австрийской земли Крайна, нем. *Krain*) в XIII–XVIII вв.⁴⁸.

Стоит заметить, что внимание современных историков в рамках этого междисциплинарного направления исследований привлекает уже не только сам феномен Военной границы, но и Хорватии в целом как пограничной территории. Среди ученых, занимающихся изучением восприятия пограничного положения Хорватии в политических программах хорватских партий, следует назвать чешского историка П. Стеглика. Так, в статье «Мост и бастион: символическая концептуализация пограничного положения Хорватии в раннем югославизме» автор обращает особое внимание на 1) концептуализацию роли хорватов в истории и процессе решения Восточного вопроса, а также в распространении и утверждении западной культуры на Балканах; 2) специфику хорватского ориентального дискурса, который имплицитно проявляется в интерпретациях исторической и культурной миссии народа⁴⁹. Таким образом, этот ученый пытается

⁴⁶ Там же. В качестве примера автор приводит староукраинское слово «краинии», что означает «пограничный», как и схожие слова в иных славянских языках (краинь, краен и т. д.).

⁴⁷ Там же. С. 27–28.

⁴⁸ Там же. С. 21–22. См. также: Кириллина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. М., 2011. С. 94; Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М., 2017. С. 15.

⁴⁹ *Stehlik P.* Both bulwark and bridge: The Symbolic Conceptualization of the Frontier Position of Croatia in the Original Yugoslavism // *Oriens Aliter. Journal for Culture and History of the Central and Eastern Europe.* Prague, 2014. N 2.

соединить сразу несколько подходов в рамках граничных исследований в региональной истории.

Историография хорватской истории

Основы изучения истории Хорватии XIX века у себя на родине заложил Ф. Шишич еще на рубеже XIX–XX вв. В круг его интересов изначально входило изучение биографий лидеров Народной партии Й. Штросмайера (1815–1905) и Ф. Рачки (1828–1894). В 1928–1931 гг. он опубликовал в нескольких томах корреспонденцию Штросмайер–Рачки⁵⁰. В изучении данной темы Ф. Шишичу помогали хорватские историки М. Цепелич и М. Павич⁵¹. Перу Ф. Шишича принадлежит и «Обзор истории хорватского народа»⁵², переиздающийся до настоящего времени в Хорватии. В этой книге разбор важных моментов хорватской истории доведен до 1873 г., а последующие события до начала XX в. представлены лишь тезисно.

После Второй мировой войны заявило о себе новое поколение хорватских историков, среди которых следует особо выделить И. Карамана, Я. Шидака, М. Гросс. Областью научных интересов И. Карамана была история общества и экономики Хорватии⁵³, тогда как Я. Шидак и М. Гросс специализировались на политической истории, в частности, М. Гросс внесла большой вклад в изучение истории Хорватской партии права⁵⁴. Проблемами социально-экономического положения в хорватских землях занимались и

⁵⁰ *Šišić F.* Korespondencija Rački – Strossmayer. Zagreb, 1928–1931. 4 Bd.

⁵¹ *Cepelić M., Pavić M.* J.J. Strossmayer, biskup bosansko-djakački i srijemski g. 1850–1900. Zagreb, 1904.

⁵² *Šišić F.* Pregled povijesti hrvatskog naroda. Zagreb, 1975.

⁵³ *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u XIX stoljeću. Zagreb, 1972.

⁵⁴ *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973; *Idem.* Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1985; *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973.

другие хорватские исследователи⁵⁵. Среди исследований хорватской политической системы следует выделить работы В. Цилиги⁵⁶. Как справедливо замечает отечественный ученый С.А. Романенко, в 1980-е годы в хорватской историографии «оживают романтические воспоминания о монархии Габсбургов»⁵⁷. Среди современных хорватских исследователей, занимающихся разными аспектами хорватской истории – И. Ивелич⁵⁸, С. Маткович, Т. Ципек и др.

Период революционных событий 1848–1849 годов в Габсбургской монархии наиболее активно изучался югославскими историками после Второй мировой войны, причем, первоначально были попытки осмыслить революционную борьбу хорватов и сербов Австрийской империи с помощью марксистской методологии⁵⁹. В дальнейшем проблемы хорватской истории в революционный период затрагивали в своих работах разные исследователи, труды которых подытожил изданный к 150-летию революции 1848–1849 годов сборник «Хорватия в 1848 и 1849 годах»⁶⁰.

Статистические исследования по истории гражданской Хорватии и Славонии начали появляться еще с конца XIX в. Для первой половины XX в.

⁵⁵ *Stulli B.* Prijedlozi i projekti željezničkih pruga u Hrvatskoj 1825–1863. 2 Bde. Zagreb, 1975, 1976; *Despot M.* Industrija gradjanske Hrvatske 1860–1873. Zagreb, 1970; *Kovačević I.* Ekonomski položaj radničke klase u Hrvatskoj i Slavoniji 1867–1914. Beograd, 1972.

⁵⁶ *Ciliga V.* Slom politike Narodne stranke 1865–1880. Zagreb, 1970.

⁵⁷ *Романенко С.А.* Хорватская историография 80-х: между историей и политикой // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 133.

⁵⁸ *Iveljić I.* Banska Hrvatska i Vojna krajina od prosvijećenog apsolutizma do 1848. godine. Zagreb, 2010.

⁵⁹ См., например, научные публикации к 100-летию революции 1848–1849 гг. Васо Богданова: *Bogdanov V.* Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848./49.: prilog historiji naše četrdesetosme. JAZU, Zagreb, 1949.

⁶⁰ *Hrvatska 1848. i 1849.: Zbornik radova / gl. ured. M. Valentić.* Zagreb, 2001.

следует выделить работы Ф. Врбанича и М. Лорковича⁶¹. В социалистический период историографию обогатили труды И. Карамана и И. Мажурана, однако они уделяли больше внимания изменению численности населения Хорватии и Славонии до XIX в.⁶² В этот же период появляются исследования с более широким хронологическим охватом, в которых присутствует либо весь XIX век, либо его половина⁶³. Появились и специальные труды по демографии сербского населения как в гражданской, так и в военной частях Хорватии и Славонии⁶⁴. Исследование данного вопроса продолжается и в настоящее время также и сербскими историками⁶⁵. Среди работ нового поколения хорватских историков заслуживают внимания общие работы по истории демографии отдельно Славонии и Хорватии, а также королевства Хорватии и Славонии в целом⁶⁶.

⁶¹ *Vrbanić F.* Jedno stoljeće u razvoju broja žiteljstva Hrvatske i Slavonije // *Vrbanić F.* Ekonomski spisi. Zagreb, 2005. S. 227–270; *Lorković M.* Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, 1939.

⁶² *Karaman I.* Pregled stanovništva Hrvatske, Slavonije, Srijema i Bačke u doba Josipa II. (1787.) // Zbornik za društvene nauke Matice srpske. 29. Novi Sad, 1961; *Mažuran I.* Popis zapadne i srednje Slavonije 1698. i 1702. Osijek, 1966; *Idem.* Popis stanovništva i njegove imovine u Osijeku 1737. godine // Anali Zavoda za znanstveni rad 2. Osijek, 1982–1983.

⁶³ *Wertheimer-Baletić A.* Stanovništvo SR Hrvatske. Studije. Zagreb, 1971; *Korenčić M.* Naselja i stanovništvo SR Hrvatske 1857–1971 // Djela JAZU 54. Zagreb, 1979; *Krivošić S.* Zagreb i njegovo stanovništvo od najstarijih vremena do sredine XIX stoljeća // Građa za gospodarsku povijest Hrvatske. 19. Zagreb, 1981; *Gelo J.* Demografske promjene u Hrvatskoj od 1780. do 1981. godine. Zagreb, 1987.

⁶⁴ *Szabo A.* Demografski razvoj srpskog stanovništva u civilnoj i vojnoj Hrvatskoj i Slavoniji 1851–1880. // Zbornik radova o povijesti i kulturi srpskog naroda u SR Hrvatskoj. 1988. Sv. 1. S. 53–165.

⁶⁵ *Делић Н.* Српско православно становништво Далмације и Војне крајине (1828–1848) – број, наталитет, морталитет, нупцијалитет, природни и механички прираштај // Српске студије. Београд, 2014. Књ. 5. С. 55–78.

⁶⁶ *Marković M.* Slavonija. Povijest naselja i podrijetlo stanovništva. Zagreb, 2002; *Stipetić V., Vekarić N.* Povijesna demografija Hrvatske. Zagreb–Dubrovnik, 2004; *Vranješ-*

Основы отечественной хорватистики еще в дореволюционный период заложил известный славист и публицист П.А. Кулаковский (1848–1913), в частности, его диссертация на соискание степени доктора славянской филологии была посвящена истории иллиризма и хорватского национального возрождения⁶⁷. Эту работу ученый написал после поездки по хорватским землям Австро-Венгрии. Однако крупнейшим отечественным историком-хорватистом, специалистом по истории нового времени, трудившимся уже во второй половине XX в., можно назвать В.И. Фрейдзона (1922–2004). В своих исследованиях и обобщающих трудах он постарался охватить весь спектр различных аспектов хорватской истории XIX в.: политическое и экономическое развитие, социальные и культурные составляющие в данном регионе⁶⁸. Среди отечественных историков-хорватистов большой вклад в изучение иллиризма внесла Инна Ивановна Лещиловская (1929–2016), автор многих трудов по истории этого политико-культурного феномена хорватской истории первой половины XIX в.⁶⁹. Учеником В.И. Фрейдзона и

Šoljan B. Stanovništvo Banske Hrvatske. Demografska slika Banske Hrvatske u kontekstu društvenih promjena od 1850. do 1910. Zagreb, 2009.

⁶⁷ *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1904.

⁶⁸ *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970; *Он же.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX –начала XX в.: От консервативно-реформистских идей к прогрессивной крестьянской демократии, 1832–1914. М., 1993; *Он же.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в.: К истории югославизма и его неудачи. М., 1997; *Он же.* Нация до национального государства: Историко-социологический очерк Центральной Европы XVII в. – начала XX в. Дубна, 1999. *Он же.* История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

⁶⁹ *Лещиловская И.И.* Иллиризм. К истории Хорватского национального Возрождения. М., 1968; *Она же.* Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848–

продолжателем дела изучения истории Хорватии в России является С.А. Романенко, также занимающийся и югославской историей XX в.⁷⁰ Хорватско-российские связи и отношения в XIX – начале XX вв. являются областью научных интересов М.С. Ващенко⁷¹.

Одной из лучших отечественных общих работ по исследуемой нами проблематике, является коллективная монография «Освободительные движения народов Австрийской империи»⁷² под редакцией В.И. Фрейдзона. Кроме того, еще в 1960-е годы коллективом советских авторов-югославистов был создан фундаментальный двухтомный труд «История Югославии» под редакцией крупного историка-слависта и этнографа Ю.В. Бромлея. В диссертации используется I том этого труда⁷³. К 150-летию революции 1848–1849 годов коллективом российских историков был издан труд «Европейские революции 1848 года. „Принцип национальности“ в политике и

1849. М., 1977; *Она же*. Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.

⁷⁰ Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000; *Он же*. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002; *Он же*. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011.

⁷¹ Ващенко М.С. Хорватский консул: Общественно-политическая деятельность Крунослава Геруца в России в 1880–1930-е гг. Saarbrücken, 2012; *Он же*. Хорватский епископ Й.Ю. Штроссмайер и официальная Россия в 60–70-е гг. XIX в.: попытка диалога // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории Нового и новейшего времени / редкол.: В.С. Кошелев (пред.) и др. Минск, 2012. С. 34–37.

⁷² Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма / отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1981.

⁷³ История Югославии: В 2 т. / под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1963. Т. I.

идеологии»⁷⁴, в котором главу «Хорваты и сербы в революции 1848–1849 гг.» написала югославист Искра Васильевна Чуркина (р. 1931), крупнейший отечественный специалист по истории Словении и словенского народа.

Историография истории Военной границы

Прежде чем говорить об изучении истории Военной границы в южнославянских странах, следует заметить, что на подходы к данной проблеме здесь повлияли изменения ее границ на протяжении всего периода существования. Во времена становления Граница находилась преимущественно на землях современной Хорватии и немного юго-востока Словении, тогда как при максимальном удлинении Военной границы на восток она охватывала также и территории современных Сербии и Румынии.

На протяжении всего существования Военной границы с XVI по XIX вв. менялся ее этнический и конфессиональный состав, да и вообще «профильное» назначение данной территории. Так, сначала Военная граница – это «остатки остатков» на защите ядра владений Габсбургов, затем – «засечная черта» немецкого образца, выполняющая вместе с тем и функцию санитарного кордона, наконец, «резервуар» дешевой армии для всей империи. Кроме того, Военная граница – это оплот традиционного хозяйственного уклада с сохранением задруг (больших семей), исчезнувших у других славянских народов (кроме русских) еще к концу XVI в.

Но главной проблемой Военной границы в XIX в., «веке национализма», стал ее национально-конфессиональный компонент. Особое место Военной границе в иллирийском движении отводил его вдохновитель Людевит Гай. Действительно, территория, на которой бок о бок проживали православные и католики, объединенные общим названием «граничары», была уже прообразом южнославянской Иллирии хорватов, сербов и словенцев. Именно тот факт, что большинство населения Военной границы

⁷⁴ Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001.

говорило на штокавском диалекте сербскохорватской языковой общности, побудил Л. Гая принять именно этот диалект в качестве основы для единого языка хорватов и сербов.

Первая работа по истории и осмыслению настоящего Военной границы вышла из-под пера одного из лидеров хорватской Народной партии Франьо Рачки в 1866 г. Она была посвящена обороне Хорватско-славонской военной границы в XVI и XVII вв.⁷⁵, но в ней уже избран метод изучения проблемы, в дальнейшем характерный именно для хорватской историографии: исследование с позиций хорватского «государственного права».

Однако первым историографом Военной границы все-таки следует считать чеха Франца Ваничека, публициста и одно время преподавателя в граничарской гимназии в Винковцах (Хорватско-славонская граница). В 1872 г. он завершил свою «Специальную историю Военной границы», вышедшую в свет в 4-х томах в 1875 г. в Вене⁷⁶. Работа Фр. Ваничека была написана по заказу военного министерства в Вене, однако уже представляет завершение эпохи статистик и отчетов с историко-географическими опусами по Военной границе австрийских чиновников и открывает эпоху научного изучения феномена института Военной границы. Так, и сам Фр. Ваничек писал, что его предшественники, «Штопфер, Хитцингер и Хостинек, не охватывают историю до 1807., а если и охватывают, то не пишут ничего специального»⁷⁷. Под «специальным» Фр. Ваничек, видимо, понимает именно подробное рассмотрение истории с позиций «строгой объективности»⁷⁸. Уникальный источниковый материал (часть его была

⁷⁵ *Rački F.* Obobrani hrvatsko-slavonske granice u XVI. i XVII veku s gledišta državnopravnoga // Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodneznosti. Zagreb, 1866. Godina III.

⁷⁶ *Vaniček Fr.* Specialgeschichte der Militärgrenze, aus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft. Wien, 1875. Bd. 1–4.

⁷⁷ Ibid. S. V.

⁷⁸ Ibid. S. VII.

известна только Фр. Ваничеку) автор разделил на три части: военно-политический, военный и культурно-исторический⁷⁹. Также Фр. Ваничек внес вклад в периодизацию истории Военной границы, разделив ее на четыре части. Причем, последняя часть охватывает период с 1850 г. по современный окончанию написания труда 1872 г.⁸⁰, ставший и годом упразднения Банатско-сербской военной границы. Фр. Ваничек, хотя и приводит в 4-м томе своего труда Основной закон Военной границы 1850 г., но не анализирует его.

Однако следует учитывать, что Фр. Ваничек не был профессиональным историком, поэтому допустил неточности и ошибки в своей работе, а также выдвинул опровергнутые последующими историками гипотезы. Следовательно, к его труду следует подходить с осторожностью и рассматривать его в комплексе с другими работами по истории Военной границы. Вместе с тем в его труде уже были заложены основы австрийской историографии.

Еще одним представителем австрийской историографии является Иоганн Генрих Швикер, историк и писатель, немец из Баната. Он занимался историей не только Военной границы (напр., издал четыре тома труда Фр. Ваничека одной книгой), но и родного Баната, а также сербской Церкви в монархии Габсбургов. В 1880 г. была опубликована его работа «Политическая история сербов в Венгрии»⁸¹, охватывающая период от Великого переселения сербов в 1690 г. до рубежа 1860–1870-х годов. Для своей работы И.Г. Швикер использовал австрийские государственные и венгерские королевские архивы, в частности, Военный архив в Вене. Следует отметить оптимистичный взгляд И.Г. Швикера на современное ему

⁷⁹ Ibid. S. VI.

⁸⁰ Ibid. S. 24.

⁸¹ См.: *Schwicker J.H.* Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880, а также перевод на сербский язык: *Швикер J.X.* Политичка историја Срба у Угарској / прев. Т. Бекић. Нови Сад; Београд, 1998.

положение сербского народа в Австро-Венгрии. Так, венгерское законодательство 1868 г. кажется ему весьма благоприятным для сербов, Омладина (Объединенная сербская молодежь) называется автором панславистской организацией, а оккупированные австрийцами в 1878 г. Босния и Герцеговина должны были отойти в ведение сербского патриарха, о чем сербы «мечтали еще в 1690 г.»⁸². Все это показывает политическую ангажированность автора и невозможность объективного анализа им современного ему периода истории.

Здесь следует обратить внимание на то, что в основном историки, как австрийские, так и сербские или хорватские, занимались историей Военной границы XVI–XVIII вв., а в истории этого региона в XIX в. больше уделяли внимания первой половине столетия, т. е. до революции 1848–1849 гг.

Крупным исследователем Военной границы является современный австрийский историк из Грацкого университета Карл Кэзер. Важнейшей его работой по этой проблематике является двухтомный труд «Свободный крестьянин и солдат». В диссертации использовался перевод на хорватский язык второго тома этого труда «Милитаризованное общество (1754–1881)»⁸³. К. Кэзера как автора отличают построение работы на широчайшей базе источников, а также меньшая политическая ангажированность, чем у хорватских или сербских историков. Основное внимание он уделяет Хорватско-славонской части Военной границы.

В «Истории Австрии»⁸⁴ австрийского историка Карла Воцелки Военной границе отводится лишь периферийное место. Этот милитаризованный регион рассматривается им как окраина империи, и

⁸² Швикер *J.X.* Политичка историја Срба у Угарској. С. 317, 319.

⁸³ *Käser K.* Slobodan seljak i vojnik / prev. J. Brkić od «Freier Bauer und Soldat». Zagreb, 1997. Т. 2. Povojačeno društvo (1754–1881).

⁸⁴ *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика / пер. с нем. М., 2007.

фрагменты ее истории «всплывают» только в связке с историей австро-турецких войн и южной окраины монархии Габсбургов.

Похожее отношение к Военной границе, как периферии большого государственного образования, отразилось и в «Истории Венгрии»⁸⁵ венгерского историка Ласло Контлера, который рассматривает историю Военной границы в связи с историей Хорватии и Славонии, как частей Венгерского королевства.

Также Военная граница привлекает внимание и некоторых исследователей вне государств региона исследования. Например, Гюнтер Ротенберг, выходец из Германии, написал книгу «Военная граница в Хорватии 1740–1881»⁸⁶. Автор отмечает, что «сфокусировал внимание на военных и административных аспектах», однако изучение Военной границы заслуживает всестороннего рассмотрения⁸⁷.

Несколько иное отношение к истории Военной границы у сербских и хорватских историков. Как уже говорилось выше, еще с периода хорватского национального возрождения история Военной границы, особенно Хорватско-славонской ее части, рассматривалась ими в качестве временно отторгнутой от «матери земли» территории. Сербская школа изучала историю Военной границы неразрывно с историей пречанских сербов (здесь: сербов в монархии Габсбургов) вообще, т. е. как граничар, так и гражданских.

В ФНРЮ (затем СФРЮ) историческая область Военной границы оказалась на территории двух союзных республик: СР Хорватии и СР Сербии. Поэтому история региона стала объектом изучения ученых главным образом из этих республик. И именно в этот период можно говорить

⁸⁵ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / пер. с англ. М., 2002.

⁸⁶ *Rothenberg G.* The Military Border in Croatia 1740–1881. A study of an Imperial Institution. Chicago, 1966.

⁸⁷ *Ibid.* P. 3.

об окончательном формировании особенностей хорватского и сербского подходов к изучению истории данного региона.

Тематика Военной границы затрагивалась в научных статьях хорватских исследователей на страницах «Архивного вестника», «Хорватской христианской периодики», «Журнала современной истории», «Исторического сборника», «Исторических заметок», «Труда ХАНИ», «Трудов Института хорватской истории Философского факультета Загребского университета» и других изданий.

В 1952 г. в загребском «Историческом сборнике» были опубликованы две критические рецензии Я. Шидака и Б. Сучевича на книгу Ф. Чулиновича «Крестьянские восстания в Хорватии» с замечаниями как методологического характера, так и по поводу серьезных аналитических и интерпретационных ошибок, допущенных автором книги. В частности, Я. Шидак обвинил Ф. Чулиновича в том, что тот «не имеет ясного представления об отношениях гражданской Хорватии и Военной границы в XVIII в.»⁸⁸, а Б. Сучевич отметил, что автор книги «определяет некоторые граничарские восстания того периода как “крестьянские”, как восстания “крестьян” в рамках феодальных отношений, тогда как организацию жизни граничар нельзя просто называть феодальной»⁸⁹. Подобная критика дала повод для полемики между историками, использующими марксистскую терминологию.

Ф. Чулинович отстаивал свой вывод о том, что Военная граница это «феодальная область», и писал, что Я. Шидак и Б. Сучевич так и не смогли опровергнуть его основное утверждение о классификации граничар как крестьян и их движения, по своей природе представляющего собой крестьянские восстания⁹⁰. Б. Сучевич в ответ подчеркивал, что Военная

⁸⁸ Šidak J., Sučević B. Ferdo Čulinović. Seljačke bune u Hrvatskoj// Historijski zbornik. 1952. N 1–2. S. 125.

⁸⁹ Ibid. S. 128.

⁹⁰ Čulinović F. Mogu li se pokreti krajišnika uvrstiti u seljačke bune? // Historijski zbornik. 1952. N 3–4. S. 33–436.

граница «развивалась внутри себя самой, а ее положение относительно других частей страны было различным в разные периоды, как и положение граничар в самой Границе в их отношении к другим слоям общества в Хорватии и за ее пределами»⁹¹. На вопрос о социальном положении граничар, согласно Б. Сучевичу, можно ответить, рассматривая развитие Военной границы за три периода: 1) от начала XVI в. до 1630 г., 2) от 1630 до 1754 г. и 3) от 1754 г. и до упразднения. Также он призвал Ф. Чулиновича к «серьезному анализу, чтобы рано или поздно принять правильное решение, ибо проблема Военной границы является очень важной для истории наших земель»⁹². А Я. Шидак, согласившись с Б. Сучевичем, констатировал, что история Военной границы «всё еще недостаточно изучена»⁹³.

Произошедшая в 1952 г. научная дискуссия оказала влияние на написание «Истории народов Югославии»⁹⁴, вышедшей семь лет спустя (в 1959 г.). В «Истории» впервые давался наиболее полный обзор истории Военной границы, который был написан Я. Шидаком и Ф. Моачанином. Таким образом в данном случае, победил подход, при котором история Военной границы рассматривалась отдельно от остальной территории Хорватии и Славонии.

Крупным историком Военной границы второй половины XX в. является Ф. Моачанин, автор «Периодизации истории Военной границы (XV–XIX вв.)»⁹⁵. В отличие от Фр. Ваничека, его периодизация включает пять периодов, однако последний из них всё равно совпадает с четвертым периодом чешского исследователя: 1848–1881 гг.⁹⁶. Ф. Моачанин критикует Фр. Ваничека и И.Г. Швикера за периодизацию исключительно на основе

⁹¹ *Sučević B.* Šta su bili krajišnici? // *Historijski zbornik.* 1952. N 3–4. S. 437–448.

⁹² *Ibid.* S. 437–448.

⁹³ *Ibid.* S. 448

⁹⁴ *Historija naroda Jugoslavije.* Zagreb, 1959. I, II.

⁹⁵ *Močanin F.* Periodizacija historije Vojne Krajine (XV–XIX st.) // *Historijski zbornik / ured. J. Šidak.* 1960. God. XIII. S. 111–117.

⁹⁶ *ibid.* S. 116.

развития австрийской военной институции, однако он не идеализирует и государственно-правовой подход к периодизации хорватских историков (таких как Ф. Шишич). Поэтому Ф. Моачанин предлагает свою комбинированную версию периодизации, совмещающую оба подхода.

Первым югославским историком сербского происхождения, заложившим основы комплексного подхода к истории пречанских сербов (с учетом их народов-соседей и географических особенностей территории), стал академик Славко Гаврилович. Однако его работы посвящены в основном истории сербов в монархии Габсбургов до середины XIX в. Вместе с тем именно С. Гаврилович окончательно сформировал сербскую школу по изучению истории Военной границы и Венгрии, в которой предполагалось занимать исключительно просербскую позицию при анализе взаимоотношений сербов Габсбургской монархии как с властями, так и с другими народами. Фундаментом для такой позиции стал тезис о раннем формировании у сербов монархии своего этнического самосознания, что доказывалось особой церковной организацией. Так, например, С. Гаврилович указывал на существование «консервативного национализма» в среде духовенства уже на рубеже XVIII–XIX вв. и даже в XVIII в.⁹⁷ С. Гаврилович принял активное участие в публикации многих архивных документов по истории сербов Венгрии и Военной границы.

Среди крупнейших специалистов последней четверти XX – начала XXI вв. по проблематике южных рубежей («подбрюшья») монархии Габсбургов следует назвать югославских историков – хорвата Мирко Валентича и серба Василие Крестича. Наиболее важной работой В. Крестича по проблеме Военной границы является его книга «Сербы в Венгрии: 1790–1918»⁹⁸, затрагивающая и историю Банатско-сербской военной границы, хотя

⁹⁷ *Гавриловић С.* Срби у Хабсбуршкој монархији (1792–1849). Нови Сад, 1994. С. 9.

⁹⁸ *Крестић В.* Срби у Угарској: 1790.–1918. Нови Сад, 2013. См. рецензию: *Кокунина Л.К.* [Рец. на кн.] Крестић В. Срби у Угарској: 1790.–1918 // Славяноведение. 2015. № 5. С. 19–120.

основное внимание уделяется автором именно венгерским сербам и сербской Воеводине. Труд В. Крестича – первая комплексная работа, охватывающая историю всех пречанских сербов от Темешварского⁹⁹ собора 1790 г. до присоединения Воеводины к Сербии при создании Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918 г.). Непонятным, правда, является решение автора, чтобы «не отвлекать читателя от основного текста», обойтись без сносок на источники и научную литературу¹⁰⁰. В книге лишь приводится список использованной литературы и источников после каждой главы (без привязки к тексту). Тем не менее, это полностью научная работа, итог разработки автором этой темы, длившейся более 10 лет¹⁰¹.

Еще одной крупной работой В. Крестича в контексте исследуемой нами проблемы является монография «Сербско-хорватские отношения и югославянская идея во второй половине XIX века»¹⁰², написанная еще во времена социалистической Югославии. Цель автора: исследуя «разнородные темы, охватить все существенные политические вопросы в отношениях между сербами и хорватами»¹⁰³. Отсюда и желание разобраться отдельно в истории Военной границы, где особенно остро сталкивались сербские и хорватские интересы.

Хорватско-сербским отношениям посвящена также статья В. Крестича «Существенные спорные вопросы между сербами и хорватами на протяжении истории»¹⁰⁴. В ней автор пытается показать, что в основе сербско-хорватских

⁹⁹ Темешвар – совр. Тимишоара, Румыния.

¹⁰⁰ *Крестич В.* Срби у Угарској. С. 11.

¹⁰¹ Там же. С. 12.

¹⁰² *Krestić V.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. Beograd, 1988. Нами использовано 2-е издание этой книги, впервые вышедшей в свет в 1983 г.

¹⁰³ Ibid. S. 7.

¹⁰⁴ *Крестич В.* Суштинска спорна питања Срба и Хрвата током историје // *Крестич В.* Из историје Срба и српско-хрватских односа. Београд, 1994. С. 97–109.

противоречий лежит конфликт между переселявшимися в монархию Габсбургов в XVI–XVII вв. сербами и хорватским дворянством¹⁰⁵. А из этого конфликта, по мнению автора, появилось в дальнейшем понятие «политического» хорватского народа, а также выросла правашская идеология противостояния «двух рас»: хорватской и сербской.

В отличие от В. Крестича, изучавшего всех сербов Габсбургской монархии, главным научным интересом хорватского исследователя Мирко Валентича является история непосредственно всей Военной границы. Хотя следует заметить, что его книга «Военная граница и вопрос ее соединения с Хорватией 1849–1881»¹⁰⁶, тоже написанная еще в социалистической Югославии, посвящена исключительно изучению Хорватско-славонской военной границы. Собственно, цель работы М. Валентича – доказать, что Хорватско-славонская военная граница всегда в правовом отношении была неотъемлемой частью Тринединного королевства Далмации, Хорватии и Славонии. Этой же цели посвящена и статья М. Валентича «Хорватско-славонская военная граница 1790–1881»¹⁰⁷, опубликованная в сборнике «Военная граница в Хорватии», который был выпущен для выставки в честь 100-летней годовщины упразднения Военной Границы. Из текста статьи не совсем ясно, почему автор взял именно 1790 год в качестве начала исследуемого им периода истории Границы (у В. Крестича на эту дату были более веские основания – Темешварский собор сербов Габсбургской монархии). Возможно, по восшествию на престол нового венгерского (и хорватского) короля – императора Священной Римской империи Леопольда II (1790–1792 гг.).

¹⁰⁵ *Krestić V.* Суштинска спорна питања Срба и Хрвата током историје. С. 229.

¹⁰⁶ *Valentić M.* *Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881.* Zagreb, 1981.

¹⁰⁷ *Valentić M.* *Hrvatsko-slavonska Vojna Krajina 1790–1881 // Vojna Krajina u Hrvatskoj / ured. F. Moačanin, M. Valentić.* Zagreb, 1981. S. 42–77.

Именно В. Крестич в Сербии и М. Валентич в Хорватии сформировали две школы изучения Военной границы, вступившие между собой в научно-политическую дискуссию. М. Валентич в исследованиях опирается на хорватское историческое право, тогда как В. Крестич называет это право «глубоко консервативным, реакционным и далеким от истинных демократических тенденций»¹⁰⁸. Впрочем, эта оценка дана сербским историком в 1993 г., т. е. в разгар войны в Хорватии и может быть не совсем объективной. М. Валентич оперирует следующими терминами:

1) «территориальная интеграция» – объединение хорватских земель лишь в отношении Военной границы и Гражданской Хорватии;

2) «национальная интеграция» – подчеркивание особой роли территориальной интеграции в ходе исторического развития хорватского народа.

Для В. Крестича территория Военной границы настолько же сербская, насколько и хорватская¹⁰⁹.

М. Валентич считает, что интересы Центральной Европы были важны для Австрии с 1701 г. (война за Испанское наследство) до 1866 г. (изгнание Габсбургов с Апеннинского полуострова и из Союза германских государств, т. е. до австро-прусской войны). Затем интересы Австрии устремились на юг – аннексия Боснии и Герцеговины. На основе этого М. Валентич определяет в полтора столетия «упущенное время» для национального возрождения хорватского народа, которому должна была помочь Австрия¹¹⁰. В то же время он отмечает, что на рубеже XVII–XVIII вв. Хорватия вместе с Военной границей и ее санитарным кордоном приобрела большую роль в политической и военной стратегии Вены¹¹¹. В. Крестич обращает внимание на конституирование понятия «политический народ» и приходит к выводу,

¹⁰⁸ *Krestić V.* Суштинска спорна питања Срба и Хрвата током историје. С. 99.

¹⁰⁹ *Krestić V.* Srpsko-hrvatski odnosi. S. 223.

¹¹⁰ *Valentić M.* Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja. S. 18.

¹¹¹ *Ibidem.*

что этот термин был перенят хорватами у венгров в начале 1860-х годов¹¹². Таким образом, по мнению сербского историка, хорватские политики стали вести себя по отношению к сербам Хорватии так же, как венгры по отношению к народам своего королевства, т. е. началась политика хорватизации. Точкой невозврата в данном направлении В. Крестич определяет политику бана И. Мажуранича, создавшего «пропасть между сербами и хорватами»¹¹³.

На выход книги М. Валентича «Военная граница и вопрос ее соединения с Хорватией 1849–1881» В. Крестич написал статью-рецензию, где подверг труд хорватского исследователя жесткой критике вплоть до того, что признал его «лишенной научной основы» работой. Из Института истории рабочего движения Хорватии В. Крестичу ответили, что таких «лично окрашенных определений в научной дискуссии не должно быть»¹¹⁴. В. Крестич подчеркивает антисербский характер книги М. Валентича. Вторым обвинением в адрес хорватского историка является использование им «полуправд», превращающихся в «неправды»¹¹⁵. К ним В. Крестич относит, например, вопросы Срема и вообще Воеводины¹¹⁶.

Различен взгляд двух историков и на происхождение Огнеслава Утешеновича Острожинского (автора мемуаров, важных для реконструкции истории края, и программ переустройства Военной границы). Несмотря на указание самого О. Утешеновича, что он – серб и родным языком его является сербский, М. Валентич упорно говорит о его «хорватском происхождении». В. Крестич защищает также патриарха Й. Раячица, которого, по его мнению, М. Валентич хочет представить «подстрекателем

¹¹² *Krestić V.* Суштинска спорна питања Срба и Хрвата током историје. С. 100–101.

¹¹³ *Ibidem.*

¹¹⁴ *Krestić V.* Srpsko-hrvatski odnosi. S. 460.

¹¹⁵ *Ibid.* S. 391.

¹¹⁶ *Ibidem.*

хорвато-сербских конфликтов»¹¹⁷. Задругу М. Валентич считал виновницей неразвитости капиталистических отношений на территории Военной границы, тогда как современник тех событий О. Утешенович, наоборот, видел в задругах оплот самобытной граничарской культуры. В итоге лишь некоторые замечания В. Крестича, видимо, были учтены в дальнейших переизданиях книги М. Валентича, в целом же хорватский историк не изменил своих взглядов.

В начале 1980-х годов в научном журнале «*Naša tema*» над проектом «Военная граница и “новая история”» работали Миряна Гросс, Драгутин Павличевич, Никша Станчич, Мирко Валентич и Драго Роксандич. Все они были сторонниками набравшей тогда популярность на Западе французской школы «Анналов»¹¹⁸. М. Гросс занималась написанием «социальной истории» Военной границы, вместо «традиционной событийной истории», при этом она стремилась переосмыслить устоявшиеся тогда в югославской и собственно хорватской историографии взгляды и терминологию по Военной границе¹¹⁹. Н. Станчич пришел к выводу, что наука только начинает по-настоящему изучать социальные процессы на Границе, где специфика структуры общества привела к особенностям национальной интеграции данной территории¹²⁰. Д. Павличевич отмечал, что несмотря на существование объемной литературы о задругах, к началу 1980-х годов так и не было проведено всеобъемлющего анализа по этой теме, особенно это

¹¹⁷ *Krestić V.* Srpsko-hrvatski odnosi. S. 395.

¹¹⁸ *Gross M.* O značaju francuske “nove historije” // *Časopis za suvremenu povijest*. Zagreb, 1983. N 2. S. 237–270.

¹¹⁹ *Gross M.* Kak opisati “historiju društva”? // *Naša tema*. Zagreb, 1989. N 7–8. S. 1881–1885; *Idem.* Socijalna historija i istraživanje Vojne krajine // *Naša tema*. Zagreb, 1982. N 11. S. 1886–1887.

¹²⁰ *Stančić N.* Socijalna struktura i nacionalna integracija // *Naša tema*. Zagreb, 1982. N 11. S. 1901–1907.

касалось самой Военной границы¹²¹. Д. Роксандич соглашался с М. Гросс в том, что традиционные методы «событийной» истории применительно к изучению феномена Военной границы уже не работают, поэтому следует отходить от исключительно политико-исторических вопросов¹²². Эти историки пришли к выводу, что нужно изучать менталитет граничар, организацию их быта, уровень образования и саму школьную систему Границы. Некий итог десятилетию исследований в русле «новой истории» подвела книга Д. Роксандича, вышедшая в 1991 г., «Сербская и хорватская история и “новая история”»¹²³. Именно на 1980-е годы пришелся расцвет направления «новой (социальной) истории» в югославской историографии, однако в 1990-е годы этот подход не получил развития, а его приверженцы занялись поиском новых методов исследования. Как, например, уже упоминавшийся выше Д. Роксандич, который специализируется в основном на изучении истории Военной границы с XVI по начало XIX в. В диссертации используется его книга «Военная Хорватия»¹²⁴, вышедшая в серии «Исторические исследования». В ней югославский историк рассматривает Хорватскую военную границу конца XVIII – первых десятилетий XIX в., подробно анализирует общественное устройство этой части Границы, а также Основной закон Военной границы 1807 г.

Исследователь считает, что изучению монархии Габсбургов, особенно в XVIII и XIX вв. «мешают идеологические ценности»¹²⁵. Отстаивая право на беспристрастный подход к написанию истории Военной границы, Д. Роксандич разошелся во взглядах с В. Крестичем и переехал из Белграда в

¹²¹ *Pavličević D.* Kućne zadruge u Vojnoj krajini // *Naša tema*. Zagreb, 1982. N 11. S. 1890–1900.

¹²² *Roksandić D.* Vojna krajina i “nova historija” // *Naša tema*. Zagreb, 1982. N 11. S. 1917–1926.

¹²³ *Roksandić D.* Srpska i hrvatska povijesti “nova historija”. Zagreb, 1991.

¹²⁴ *Roksandić D.* Vojna Hrvatska. La Croatie Militaire. Zagreb, 1988.

¹²⁵ *Ibid.* S. 11.

Загреб. Следуя в русле методологии «новой истории», он, например, для ответа на вопрос, в каких местностях на Военной границе жило больше женщин или мужчин, использует не только данные статистики, но и проводит анализ местных песен на предмет женской или мужской их основы.

Попыткой разобраться в дискуссионно-конфликтных вопросах хорватской и сербской историографии в отношении истории сербов в современной Республике Хорватия является статья Д. Роксандича «Сербы в хорватской и сербской историографии: проблемы сопоставления двух традиций интерпретации»¹²⁶. По мнению автора, корень проблемы хорвато-сербских отношений заключается в том, что в XVI в., когда в Европе началась эпоха модерна, «(прото)модерные социальные и национальные общности хорватов и сербов, пропитанные в разных отношениях позднесредневековыми традициями своих исторических земель, в общественном, хозяйственном и культурном смысле были встроены внутрь имперской структуры трех сил: Габсбургской монархии, Османской империи и Венецианской республики»¹²⁷. Сочетание Д. Роксандичем понятий «(прото)модерн» и «пропитанные традициями» говорят скорее о поиске историком терминов для обозначения предмодерна (традиционного общества) у хорватов и сербов того времени.

Как уже отмечалось выше, с середины 1990-х годов Д. Роксандич, помимо направления «новой истории», занялся и близкими к граничным исследованиями совместно с австрийскими и венгерскими коллегами. Под его руководством в Хорватском институте истории с 2002 по 2006 гг. шла работа над проектом «Военная граница», а с 2007 по 2013 гг. – над проектом «Военная граница: общественно-культурные интеграционные процессы и национальные идентичности». Такая деятельность при сотрудничестве между Загребским университетом и Хорватским институтом истории дала

¹²⁶ *Roksandić D.* Srbi u hrvatskoj i srpskoj historiografiji: problemi usporedbe dvije interpretacijske tradicije // *Dijalog povjesničara-istoričara*. Zagreb, 2002. Sv. 5. S. 211–230.

¹²⁷ *Ibid.* S. 213.

целую плеяду современных хорватских исследователей Военной границы. Это, по сути, второе поколение именно хорватских историков Военной границы, как сейчас считает Д. Роксандич, берущий за начало отсчета рубеж 1970–1980-х годов, когда и появилась его группа «новых историков». Прежние поколения, по мнению ученого, являются общегославскими.

Одним из крупнейших исследователей нового поколения является Александер Бучиньский, который преимущественно занимается историей XVIII в. и городами Военной границы¹²⁸. Несмотря на то, что высшее образование он получил в университетах Амстердама и Утрехта, свою кандидатскую диссертацию «Военные коммуны – центры буржуазии на Хорватской границе. Привилегированные города Границы Беловар, Сень и Петриня в 1787–1872 гг.» он защитил на Философском факультете Загребского университета в 1993 г. В 2007–2013 гг. именно он руководил проектом «Военная граница: общественно-культурные интеграционные процессы и национальные идентичности». В его рамках А. Бучиньский издал сборник документов кантональной реорганизации Военной границы 1787 г. в правление Иосифа II¹²⁹.

Крупным исследователем, основной интерес которого представляет история каждого полка (режима) Военной границы, является декан Философского факультета Загребского университета Желько Холевац¹³⁰. Совместно с Ненадом Моачанином он принял участие в написании раздела «Хорватско-славонская Военная граница и хорваты под властью Османской

¹²⁸ *Buczynski A. Gradovi Vojne krajine. Zagreb, 1997. Knj. 1–2.*

¹²⁹ *Buczynski A. Pa to su samo Hrvati! Građa za povijest kantonske reorganizacije Vojne krajine 1787. godine. Zagreb, 2011.*

¹³⁰ *Holjevac Ž. Gospić u Vojnoj krajini (1689.–1712.–1881.). Prilog slici gospićke prošlosti. Hrvatski zemljopis. Zagreb, 2002; Idem. Ivan Dominik Vukasović. Zemljopisni i povijesni noviopis Karlovačkog generalata u Kraljevini Hrvatskoj (1777.). Državni arhiv. Gospić, 2005; Idem. Ogulinska pukovnija (1746.–1873.). Polazišta. Matica hrvatska. Ogulin, 2012.*

империи в раннее Новое время» второго тома «Хорватской истории» (2007 г.).

Современным сербским исследователем политических партий и деятелей у пречанских сербов во второй половине XIX в. является Деян Микавица. В его монографии «Сербский вопрос в венгерском парламенте 1690–1918»¹³¹ анализируются венгеро-сербские взаимоотношения в монархии Габсбургов. Для написания своей работы Д. Микавица использовал материалы венгерских, австрийских и сербских архивов, периодику, выходившую на сербском и венгерском языках в Будапеште и Нови Саде, а также мемуары влиятельных политических и общественных деятелей. В последнее время среди сербских историков появился интерес к истории Банатско-сербской военной границы. Важнейшей работой по этой тематике является монография Иваны Спасович «Банатская военная граница и ее упразднение в 1872 г.»¹³².

Среди общих работ по исследуемому периоду наибольшее внимание заслуживает многотомная «История сербского народа»¹³³ (в диссертации используется второй том 5-й книги этого труда), созданная коллективом авторов, среди которых С. Гаврилович и В. Крестич, а также «История хорватов»¹³⁴, Хорватской АН под редакцией М. Валентича и Л. Чоралича. Здесь отразились различные подходы двух историографий: если в сербском многотомнике рассмотрение истории пречанских сербов проводится в комплексе, то в «Истории хорватов» в разделах по Военной границе внимание уделяется лишь хорватско-славонской ее части.

¹³¹ Микавица Д. Српско питање на Угарском сабору: 1690–1918. Нови Сад, 2011.

¹³² Спасовић И. Банатска војна граница и њено укидање 1872. године. Панчево, 2004.

¹³³ Историја српског народа. Књ. 5: Од Првог устанка до Берлинског конгреса: 1804–1878. Београд, 2000. Т. 2.

¹³⁴ Povijest Hrvata. 2 Knj.: Od kraja 15. stoleća do kraja Prvog svetskog rata. Zagreb, 2005.

В отечественной историографии интерес к Военной границе появился уже после Великой Отечественной войны и возрождения славистики как науки в Советском Союзе. Но до сих пор тема Военной границы изучена фрагментарно и явно недостаточно.

Среди исследователей Военной границы следует назвать, в первую очередь, крупнейшего отечественного хорватиста В.И. Фрейдзона. Его перу принадлежит статья «К характеристике положения на Хорватско-славонской Военной границе в 1850-х – начале 1870-х гг. (кризис и ликвидация военной системы)»¹³⁵. Выбор для изучения именно этой части Границы не случаен – В.И. Фрейдзон не отходит здесь от хорватской проблематики. В своей статье российский ученый анализирует также и причины упразднения Военной границы. Так, «потрясения, пережитые Границей в 1848–1849 гг.» он называет «ударом, от которого Граница в социально-экономической обстановке третьей четверти XIX в. до конца не могла оправиться»¹³⁶. В.И.Фрейдзон анализирует и некоторые статьи Основного закона Военной границы 1850 г., используя книгу О. Утешеновича Острожинского «Военная граница и конституция». На широкой источниковой базе В.И. Фрейдзон показывает недовольство граничар военной системой, однако выводы о желании упразднения Границы делает на основе только хорватской правашской газеты «Нervatska», выступавшей за немедленное упразднение Военной границы (и присоединение ее к королевству Хорватии и Славонии), а также за хорватизацию сербов. Помимо этой статьи В.И. Фрейдзон затрагивал тему Военной границы и в своих общих работах. Так, в «Истории Хорватии»¹³⁷ он пишет, что в 50-е годы XIX в. Хорватия и особенно Военная

¹³⁵ *Фрейдзон В.И.* К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной границе в 50-х – начале 70-х годов XIX в. (кризис и ликвидация военной системы) // Ученые записки Института славяноведения. М., 1963. Т. XXVI. С. 80–115.

¹³⁶ Там же. С. 87.

¹³⁷ *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

граница оставались «беднейшими» землями империи («беднее только Далмация»)¹³⁸. При этом в 1860–1870-е годы в качестве основных национальных движений у хорватов российский ученый выделяет югославизм и старчевичанство. История сербов-граничар затрагивается в отдельных работах современных российских исследователей¹³⁹.

Источники

Основную часть используемого в диссертации комплекса источников представляют опубликованные источники. Их языками являются немецкий и сербский/хорватский язык (в том числе славяносербский). Привлечены также источники и на русском языке. Поиск неопубликованных документов по исследуемой проблеме велся в рукописных отделениях Хорватской и Сербской академий наук и искусств, в библиотеке Матицы Сербской в Нови Саде, Архиве внешней политики Российской империи и Российском государственном военно-историческом архиве. Следует отметить, что важные источники по теме Военной границы находятся также в Военном архиве Вены и некоторых других архивах Австрии, а также в хорватских архивах, в первую очередь, в Загребе.

Корпус источников, использованных в нашем исследовании, можно разделить на следующие категории:

- 1) документы государственных учреждений;
- 2) статистические исследования, отчеты, описания;
- 3) документы политических деятелей, а также политических партий и движений.

¹³⁸ Там же. С. 125.

¹³⁹ *Кузьмичева Л.В.* Сербский вопрос в период демилитаризации и реинкорпорации Военной Границы в 60–80 гг. XIX века. Истоки сербо-хорватских политических конфликтов // Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Воронеж. 2005; *Костяшов Ю.В.* Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

Правовые документы и документы официального происхождения

В 1578 г. между императором Священной Римской империи Рудольфом II (1576–1612 гг.) и австрийским эрцгерцогом Карлом II (1564–1590 гг.) Габсбургами было заключено соглашение об отделении Военной границы от гражданской администрации королевств Хорватии и Славонии. Этот шаг не был согласован Габсбургами с хорватскими или венгерскими сословиями, а лишь с австрийскими. С этих пор до своего окончательного упразднения в 1881 г. Военная граница находилась под особым военным управлением, которое регулировалось специальными статутами. Первый такой статут был издан в 1630 г. под названием «Statuta Valachorum», а затем несколько раз переиздавался.

Первое особое законодательство для Военной границы было издано при императрице-королеве Марии Терезии (1740–1780 гг.) в 1754 г. Следующее, исправленное и дополненное, вышло в 1807 г. Также к нему вышел сборник дополнительных актов, подробнее регламентирующих те или иные стороны жизни граничар. Наконец, последний сборник законов Границы вышел в 1850 г.

По мнению немецкого историка и антрополога Райнхарта Козеллека, который создал понятийную базу исторической науки, в период между 1750 г. и 1850 г. произошел переход от сословного общества к буржуазному, вместе с которым произошло изменение фундаментальных общественно-политических понятий¹⁴⁰. Изменения в законодательстве Военной границы Габсбургской монархии приходятся главным образом на этот период: с середины XVIII по середину XIX вв.

Первое законодательство Военной границы 1754 г. было издано на немецком языке (служебный язык данной милитаризованной территории)¹⁴¹, несмотря на господство в то время латыни в качестве основного языка

¹⁴⁰ Koselleck R. Begriffsgeschichten. Frankfurt-am-Main, 2006.

¹⁴¹ Militar-Gränitz-Rechten von Ihro Kaiserl. Königl. Majestät für das Karlstädter- und Varasdiner-Generalat vorgeschrieben im Jahr 1754. Wien, 1754.

делопроизводства в государстве. Закон состоит из семи глав, каждая из которых содержит от 10 до 100 статей (параграфов). Следует обратить внимание, что законы регулируют в основном судебные вопросы и разграничивают сферы управления военных чиновников. Данный сборник законов затрагивался в работах уже самых первых исследователей темы Военной границы, таких как Ф. Ваничек и Й. Швикер. В дальнейшем его использовали в своих трудах все историки Военной границы XVIII в. – сербы С. Гаврилович и В. Крестич, хорваты М. Валентич и А. Бучиньский.

Новое законодательство от 7 сентября 1807 г. содержит шесть глав и 155 статей. Позднее этот закон был включен в структуру «Общего гражданского сборника законов» 1811 г. В «Основных законах Границы» 1807 г. впервые были кодифицированы традиционные формы быта и ведения хозяйства граничар – домовые задруги. Также впервые текст законов был официально переведен и издан, помимо государственного немецкого, и на языках граничар. В 1808 г. вышло издание «Законов» на так называемом «славонском» языке, представлявшим собой штокавско-икавский диалект сербскохорватского языкового единства, записанный на латинице, и славяносербском языке (кириллица), которым пользовались, помимо представителей православного духовенства, также сербские торговцы и зарождавшаяся интеллигенция. В диссертации использовался текст «Основных законов Военной границы 1807 г.», любезно предоставленный нам современным хорватским историком Военной границы Кристиной Милкович¹⁴². Именно в тексте этих «Законов» в переводе на «славонский» язык впервые официально было закреплено равноправие двух слов для обозначения понятия «граничар», затем прижившееся как в хорватской, так и

¹⁴² *Milković K.* Grundgesetze für die Carlstädter-Warasdiner, Banal, Slavonische, und Banatische Militär-Gränze. Wien, 1807. Также см.: *Milković K.* Krajiška prava (1754.) i Osnovni krajiški zakon (1807.) // *Povijesni prilozi*. Zagreb, 2006. S. 161–182. N 31.

в сербской историографии: «*Kraishnici, iliti Granicsari*» («краишники или граничары»)¹⁴³.

Третьим в ряду этих законодательных актов является Основной закон Военной границы от 7 мая 1850 г., изданный в виде восьмистраничной брошюры на немецком языке стандартным немецким канцелярским шрифтом¹⁴⁴. Этот Статут для Хорватско-славонской и Банатско-сербской Военной границы содержал новые «Основные права граничара». Согласно этому акту, повинности за пользование землей окончательно отменялись и на всей Военной границе (после отмены барщины и других остатков зависимого состояния части населения в Австрийской империи весной 1848 г.), так что с этого времени граничар становился полновластным владельцем земли, которую обрабатывал.

В 1850 г. для обнародования законов для королевства Хорватии и Славонии в Загребе в типографии Л. Гая начала печататься газета «*Zemaljsko-zakonski i vladni list za krunovinu Hérvatsku i Slavoniu*», выходившая на двух языках (хорватском и немецком), поэтому немецкое название газеты («*Landesgesetz- und Regierungsblatt für das Kronland Kroatien und Slavonien*») было равноправным хорватскому.

Статистические исследования

Внимание к Военной границе австрийских властей выразилось не только в создании отдельного законодательства для этой особой территории Габсбургской монархии на протяжении второй половины XVIII–XIX вв., но и в подробном статистическом изучении населения Военной границы, а также экономики этого милитаризованного территориального образования. Главным заказчиком сбора информации о Военной границе выступало

¹⁴³ *Milković K.* Grundgesetze für die Carlstädter-Warasdiner, Banal, Slavonische, und Banatische Militär-Gränze. Wien, 1807. S. 9.

¹⁴⁴ Архив Сербской академии наук и искусств (далее – АСАНУ). 7370. Основни Закон о Хрватско-Славонској и Банатско-Српској војеној Граници. У Бечу 7 маја 1850 (делопроизводственный номер отсутствует).

Военное министерство в Вене, а его заказы на исследования породили целую плеяду профессиональных военных статистиков XIX в. Кроме того, именно с начала XIX в. в Габсбургской монархии произошел переход на прусскую модель составления статистик, т. е. на прусский шаблон сбора информации о той или иной территории. Статистика по такому шаблону предполагала получение данных о территории; ландшафте, природных ресурсах и климате; населении (страты, национальный и религиозный состав); экономике и о краткой истории региона. Статистика могла также включать полное или частичное цитирование законодательных актов для данной территории.

Одной из первых крупных попыток всеобъемлющего статистического исследования Военной границы следует признать труд Карла Бернхарда фон Хитцингера (1786–1864) «Исследования статистики Военной границы Австрийской империи»¹⁴⁵, вышедший в двух частях в 1817–1820 и 1823 гг. К. фон Хитцингер занимался в Военном министерстве в Вене делами Военной границы на разных должностях, начиная с 1808 г.

«Статистики» Хитцингера использовал и его последователь М. Штопфер, преподаватель в Институте управления Границей в Граце. В диссертации используется составленный под его авторством «Учебник по статистике Военной границы Австрийской империи»¹⁴⁶. Данное учебное пособие явно предназначалось для высших учебных заведений Граца и Вены, в которых готовили, в том числе, и управленцев непосредственно для Военной границы. В первой части учебника дается краткая история Границы, далее – общие сведения о ландшафте и климате, затем об экономике данной территории и торговле. Вторая часть посвящена административному устройству и управлению Военной границы. Здесь приводится краткий исторический очерк законодательства Границы от момента ее образования, а

¹⁴⁵ *Hietzinger C.B., von.* Statistik der Militärgrenze des österreichischen Kaiserthums: 3 Bände. Wien, 1817–1821.

¹⁴⁶ *Stopfer M.* Lehrbuch über die Statistik der Militär-Gränze des österreichischen Kaiserthums. Gratz, 1840.

затем уже даются сведения по текущему правовому состоянию, а также актуальные на момент составления учебника статистические данные. Последние сведения (статистика за 1839 г.) актуальны и для нашего исследования, например, для сравнения со статистикой Й. Хостинека 1859 г. Тем более что при написании своего труда ученый использовал сведения «Статистики» М. Штопфера, с изменениями по «деловым и личным источникам»¹⁴⁷.

Для анализа системы организации Военной границы после революции 1848–1849 гг. была привлечена фундаментальная работа австрийского статистика и правоведа Йозефа Хостинека «Военная граница, ее организация и конституция» (1861) в двух томах¹⁴⁸. В его труде также приводится Основной закон Военной границы 1850 г., но с дополнениями и комментариями с учетом принятых законодательных актов вплоть до самого года издания (1861). Помимо описания структуры управления и вообще организации Военной границы, Й. Хостинек приводит немаловажные данные статистики.

К этому же виду источников следует отнести и «Новейшее статистическо-географическое описание королевства Венгрия, Хорватии, Славонии и венгерской Военной границы»¹⁴⁹ (издано в Лейпциге в 1832 г.). Список источников этого труда свидетельствует о серьезности исследования: это статистические и историко-географические работы XVIII в., написанные на латыни, а также немецкоязычные и венгероязычные работы первых 30-ти лет XIX в., в том числе и «Статистики» К.Б. фон Хитцингера.

¹⁴⁷ *Hostinek J.* Die k.k. Militär-Grenze. Theil 1. S. 1.

¹⁴⁸ *Hostinek J.* Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Wien, 1861. Theile 1–2.

¹⁴⁹ *Neueste statistisch-geografische Beschreibung des Königreichs Ungarn, Kroatien, Slavonien und der ungarischen Militär-Grenze. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1834.*

Следующей в этом ряду статистик Венгеро-хорватского королевства стала «Статистика королевства Венгрии»¹⁵⁰ венгра Элека Фенеша, вышедшая в двух томах через 10 лет после предыдущей. По своему содержанию она соответствует прусскому шаблону и делится на две части: в первом томе приводится статистическое описание королевства, тогда как во втором – тексты законов Венгрии. В данном труде в числе земель, принадлежащих Венгерскому королевству, помимо гражданских Славонии и Хорватии с портом Фиуме (Риека) фигурирует и вся Военная граница, тогда пролегавшая от Адриатики до границы с Валахией и Молдавией. Собранные венгерским статистиком данные о Военной границе можно сравнивать со сведениями по королевству Хорватии и Славонии, а также по остальной Венгрии.

Последним серьезным статистическим исследованием региона Военной границы следует считать труд Л. Крайнца «Императорско-королевская Военная граница и ее Основной закон»¹⁵¹, составленный в 1866 г. специально для тогдашнего главнокомандующего Хорватско-славонской военной границей и по совместительству хорватского бана Й. Шокчевича. Важность этой работы связана со временем ее создания: она зафиксировала состояние Военной границы накануне дуалистического преобразования монархии Габсбургов, за которым последовали решения императора о поэтапном упразднении Границы.

Данные сборники, составленные лучшими статистиками Австрии, предназначались, в первую очередь, для высших должностных лиц империи. Такие подробные географическо-статистические исследования (также с опубликованием старых и новых законов по региону) проводились примерно каждые 10–20 лет, совпадая с очередными подробными переписями населения. Поэтому сведения, приводимые в них, заслуживают наибольшего доверия.

¹⁵⁰ *Fényes E.* Statistik des Königreichs Ungarn. Theil I–II, Leipzig, 1843, 1844.

¹⁵¹ *Krainz L.* Die k. k. Militärgrenze und deren Grundgesetz. Wien: Geitler, 1866.

Труд Й. Хостинька «Военная граница, ее организация и конституция» достаточно известен в австрийской, югославской и современной сербской историографии. Причем, его начали использовать еще в XIX веке при последующих географическо-статистических описаниях региона. Например, в двухтомном труде Л.В. Березина «Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница»¹⁵². Л.В. Березин (1836–1889) – русский географ и историк, действительный член Императорского Русского географического общества, в 1860–1870-х годах служил русским вице-консулом в Риеке. Его работа представляет собой первое фундаментальное описание заявленных в ее заголовке регионов монархии Габсбургов на русском языке. Она составлена по типу «статистик» вышеупомянутых австрийских исследователей (т. е. во многом компилятивная работа, написанная на основе огромного массива источников), но ее специфику определяет предназначение для русского, а не австрийского императора, вследствие чего сведения по истории и разбор законов у Л.В. Березина подробнее, нежели в работах австрийцев.

Аналитические записки

Близко к категории официальных отчетов стоят несколько записок по истории южнославянских земель Боголюба Каталинич¹⁵³, граничарского офицера, перешедшего на русскую службу. Они были частично

¹⁵² Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. СПб., 1879. Т. 2.

¹⁵³ Выпускник Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Нигалатий посвятил изучению этой исторической личности дипломную работу: «Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе» (2005 г.), а также главу кандидатской диссертации «Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е – нач. 70-х гг. XIX в.» (2009 г.). См.: Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 3. С. 148–161.

опубликованы на русском языке в 1961 г.¹⁵⁴. Из них для истории Военной границы наиболее актуальна записка «О путешествии через южнославянские земли в месяцах июле и августе 1870 года»¹⁵⁵, написанная на немецком языке, а затем переведенная на русский самим автором. Хотя Б. Каталинич еще в 1868 г. написал свою первую записку «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии»¹⁵⁶ (на основе впечатлений от путешествия того же года), но в 1870 г. он смог побывать непосредственно на территории Границы дольше, и качество полученных сведений о ней было уже выше. Поэтому в нашем исследовании будет рассмотрена именно частично опубликованная записка 1870 г.

Сами даты записок указывают на то, что Б. Каталинич застал важный для истории Военной границы период. Он был знаком со многими деятелями славянского национального возрождения, как югославянского, так и болгарского происхождения, кроме того он выполнял разведывательную работу как русский агент.

О положении в королевстве Хорватии и Славонии, на Военной границе и у венгерских сербов сообщали в российский МИД русские консулы в Фиуме (совр. Риека, Хорватия). В 1862–1873 гг. эту должность занимал Леонид Васильевич Березин (1836–1889), которого сменил Андрей Дмитриевич Петкович (1837–1897)¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюбца Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869–1870 гг. // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1961.

¹⁵⁵ Там же. С. 219–236.

¹⁵⁶ Эта записка хранится (в виде микрофильма) в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

¹⁵⁷ Дронов А.М. Русские консульства в Далмации в контексте политических процессов у южных славян Австро-Венгрии и на габсбургско-османском пограничье в 70-е гг. XIX в. // Славянский альманах. М., 2018. № 3–4. С. 70–84.

Публицистика

В хорватской историографии период от 1835 г. до 1848 г. получил название иллиризма. Иллирское движение охватило почти все области общественной мысли хорватов, не ограничиваясь лишь сферой литературы. Иллиры (сторонники иллирского движения) издавали газеты, открывали читальни, из которых загребская (1838) стала центром всего движения. В 1840-е годы движение иллиризма распространилось из Хорватии и Славонии также на Военную границу, населенную сербами Южную Венгрию и населенные словенцами южные наследственные земли Габсбургов, Далмацию и даже в османскую Боснию.

Сторонники иллиризма, апеллировавшие к интересам хорватов по отношению к южным славянам Габсбургской монархии, а также турецким славянам в целом, большое внимание уделяли истории. В частности, Л. Гай был уверен, что сможет в ней найти одну из самых мощных опор, чтобы реализовать свои идеи по «пробуждению» хорватского народа. В издававшейся им газете «*Danica*» («Заря») он напечатал несколько своих размышлений на историческую тему. Среди них следует назвать следующие публикации: «Наш народ»¹⁵⁸, где Л. Гай писал о первых славянах и иллирах, «Краткое введение в прошлое Иллирии великой»¹⁵⁹ и «Кто были древние иллиры»¹⁶⁰.

Следующим периодом в развитии хорватской общественно-политической мысли стало послереволюционное время, когда с 1860 г., ознаменовавшегося изменением отношения австрийских властей к Венгерскому королевству и его постепенному возрождению, хорватские политики, являвшиеся не только лидерами политических партий, но и локомотивами общественного мнения, пытались заново переосмыслить

¹⁵⁸ Naš Narod // Danica. N 34. 1835.

¹⁵⁹ Danica. N 18. 1836.

¹⁶⁰ Danica. N 10–13, 15. 1839.

исторический и современный им статус королевства Хорватии и Славонии по отношению к Венгрии. Этому посвящены работы Йосипа Юрая Штросмайера¹⁶¹, Франьо Рачки¹⁶², Ивана Мажуранича, Эугена Кватерника¹⁶³, Анте Старчевича¹⁶⁴, в которых они апеллировали к истории государственности Хорватии, ее непрерывной правовой истории, а также особому положению в составе Венгерского королевства.

Ценным источником по истории Военной границы является публицистическое наследие граничарского политика и литератора Огнеслава Утешеновича Острожинского. Его главные работы, написанные на немецком языке («Домовые задруги» и «Военная граница и конституция»), посвящены истории, политическому развитию и быту Военной границы¹⁶⁵.

Личность и политические взгляды самого О. Утешеновича можно понять, исследуя его автобиографию под названием «Золотая книга семьи Утешеновича»¹⁶⁶, в которой события своей жизни он изложил от рождения по июль 1888 г. Вероисповедание своих предков О. Утешенович в предисловии к автобиографии определяет как «православную восточную церковь», причем, «всякому честному сербу, кто сам или чьи дети, отойдет от своих святынь в угоду любви какого-то чуждого неславянского народа или другой церкви», О. Утешенович не давал благословения¹⁶⁷. Свой труд о

¹⁶¹ *Smičiklas T.* Nacrt života i djela biskupa J.J. Strossmayera. Izabrani njegovi spisi: govori, rasprave i okružnice. Zagreb, 1906.

¹⁶² *Rački F.* Odlomci iz državnoga práva hrvatskoga za narodne dynastie. Beč, 1861.

¹⁶³ *Kvaternik E.* Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreiches Kroatien zu der ungarischen St. Stephans-Krone. Agram, 1860; *Idem.* Was ist die Wahrheit!? Eine Erwiederung auf das Szalay'sche Pamphlet, betitelt: "Zur kroatischen Frage" (A' horvátkérdéshez). Agram, 1861.

¹⁶⁴ *Starčević A.* Ime Serb. Zagreb, 1868.

¹⁶⁵ *Povijesna istraživanja.* Zagreb, 1988.

¹⁶⁶ *Утјешеновић Острожински О.* Златна књига породице Утјешеновића // Зборник о србима у Хрватској. Београд, 1995. Књ. 3. С. 213–303.

¹⁶⁷ *Ibid.* С. 214.

задругах «Домовые задруги» («*Die Hauskommunionen der Südslaven*», 1859)¹⁶⁸ он посвятил полемике с венскими и хорватскими политиками, сторонниками упразднения задруг. В диссертации используется перевод этой работы О. Утешеновича на хорватский язык по публикации, вышедшей в Загребе.

В следующей работе – «Военная граница и конституция» («*Die Militärgrenze und die Verfassung*», 1861)¹⁶⁹ – О. Утешенович выдвигает свою собственную политическую программу на основе современного ему законодательства Военной границы.

Периодическая печать

Первой политической газетой в гражданских Хорватии и Славонии стали «*Novine horvatzke*» («Хорватская газета»), издававшиеся Л. Гаем сначала на кайкавском, а затем на штокавском диалектах хорватского языка. В 1840-х годах, когда произошло разделение на партии в связи с партийной борьбой в Венгрии, «*Novine horvatzke*» (в виде «Хорватско-славонско-далматинской газеты») становятся основным органом «народной» («иллирской») партии, тогда как у противостоящей ей мадьяронской основным органом была газета «*Agramer Zeitung*» («Загребская газета»). Такая ориентация изданий сохранялась до революции 1848–1849 гг.

«Императорско-королевские служебные народные новости» выходили в Загребе на хорватском языке с 1835 г. по 1860 г. шесть раз в неделю (кроме воскресенья). Главной задачей данной газеты являлось информирование населения о новых законах и событиях как в Хорватии и Славонии, а также вообще в империи, так и во всем мире. В 1850-е годы колонка в газете, посвященная местным событиям, выходила под заголовком «*Hérvatska, Slavonia, Dalmacia i vojvodina Sérbia*» («Хорватия, Славония, Далмация и воеводина Сербия»), т. е. Военная граница вообще не упоминалась.

¹⁶⁸ *Utješenić Ostrožinski O. Kućne zadruge južnih Slavena / Prev. S. Joka // Povijesna istraživanja. Zagreb, 1988. S. 19–176.*

¹⁶⁹ *Utješenić Og. Die Militärgrenze und die Verfassung. Wien, 1861.*

С 1861 г. газета была переименована в «Narodne novine» («Народная газета») и выходила теперь с гербом Хорватии на передовице. В 1868 г. ее до этого бессменный издатель Л. Гай продал газету хорватско-славонскому земельному правительству.

С 1830 г. выходила газета унионистов «*Agramer Zeitung*» под названием «*Agramer politische Zeitung*» («Загребская политическая газета»). Это была первая и долгое время единственная ежедневная газета в Загребе. Она выходила на немецком языке и была очень популярна среди читающей публики. С 1849 г. газета потеряла унионистский уклон и была переименована в «*Agramer Zeitung*».

С 1860 г. свою газету выпускала Хорватская народная партия. По важности и охвату читательской аудитории это была одна из главных хорватских газет второй половины XIX в. (издавалась на хорватском языке). Сначала она носила название «*Pozor*» («Воззрение», «Взгляд»), затем «*Obzor*» («Обзор»). В 1867 г. в связи с переездом типографии из Загреба в Вену газета была переименована в «*Novi Pozor*» («Новый Взгляд»), затем, в 1869 г. – в «*Zatočnik*»¹⁷⁰ («Поборник»¹⁷¹); какое-то время газета называлась «*Branik*» («Заслон»), а с 1871 г. снова стала выходить под прежним названием – «*Obzor*». В нашем исследовании используются номера газеты из Государственного архива Хорватии (там хранятся бумажные подлинники номеров газет за отдельные годы), а также из Национальной библиотеки Хорватии.

Самые большие тиражи среди новостных изданий в Габсбургской монархии в изучаемый период имели венские газеты, принадлежавшие либо

¹⁷⁰ См.: *Ćorić A. Novine Zatočnik u Vojnoj Krajini. Zagreb, 2018. URL: <https://repozitorij.hrstud.unizg.hr/en/islandora/object/hrstud%3A1759/datastream/PDF/view>* (дата обращения: 15.12.2019).

¹⁷¹ Слово «*zatočnik*» можно перевести двумя способами: 1) (*старосерб.*) человек, который поклялся что-либо сделать (обычно, выйти на поединок), 2) носитель какой-либо идеи, поборник.

к политическому крылу либералов («Die Presse» («Пресса»), «Die Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса»), «Das Neue Wiener Tagblatt» («Новая венская ежедневная газета»)), либо консерваторов («Vaterland» («Отечество»)). Крупнейшие периодические издания национальных окраин зачастую многие международные и общеимперские новости перепечатывали именно из ведущих венских газет. Следует заметить, что принадлежность издателей газет к тому или иному политическому лагерю совсем не означало их поддержки соответствующих «либеральных» или «консервативных» партий национальных окраин.

Материалы саборов

В диссертации используются материалы хорватского государственного сабора (ландтага) 1848 г.¹⁷², издававшиеся под редакцией Й. Колановича и при участии И. Ивелич и Н. Станчича. Стенограммы сабора 1848 г., официальные письма участников революционных событий 1848 г. приведены с соблюдением оригинальной орфографии и языка подлинника. На основе данных материалов представляется возможным узнать, какие политические решения принимались разными сторонами в 1848 г., а также о подготовке самого сабора. Об участии депутатов-границар на саборе, а также о пожеланиях населения Военной границы, которые были выданы делегатам, дает информацию том 3 данного многотомника¹⁷³.

Для изучения работы хорватских саборов 1860-х годов используются как «Протоколы сабора»¹⁷⁴, так и «Ежедневник сабора Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии (1868–1871)»¹⁷⁵. «Ежедневник» является подневной стенограммой заседаний этого представительного органа

¹⁷² Hrvatski državni sabor 1848. Zagreb. Sv. 1, 2001; Sv. 2, 2007; Sv. 3., 2008.

¹⁷³ Hrvatski državni sabor 1848. Zagreb. 2008. Sv. 3.

¹⁷⁴ Saborski spisi sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od godine 1865.–1867. Zagreb, 1900.

¹⁷⁵ Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu godine 1868.–1871. Zagreb, 1884.

королевства Хорватии и Славонии. «Ежедневник» велся на хорватском языке, официальном языке хорватского сабора. С конца 1869 г. стенографируются только речи депутатов на заседаниях, но не приводится текст зачитываемых в стенах сабора документов, как это было ранее. С этого времени тексты оглашавшихся на заседаниях документов приводятся в «Протоколах сабора». Такой сборник «Протоколов сабора» стал сборником именно письменных (печатных) документов сабора, тогда как в «Ежедневнике» после этого напечатаны только речи депутатов. В используемых в диссертации «Протоколах сабора» есть много отсылок к 1861 г., что делает возможным реконструировать основные решения, принятые на саборе 1861 г.

Источники разного происхождения, опубликованные в сборниках архивных документов

Изданный в Белграде в середине 1990-х годов академиком В. Крестичем сборник документов о жизни сербов на территории Хорватии и Славонии с 1848 г. по 1914 г., затрагивает главным образом именно историю Военной границы, так как в сербской историографии сложилось представление о православных граничарах как сербском населении. Хронологическим рамкам нашего исследования соответствует первый том данного двухтомника¹⁷⁶. Документы в сборнике опубликованы на языке оригинала, однако источники на славяносербском языке переданы в оригинальной орфографии, но набраны вуковицей, а не славяносербской кириллицей.

Документы о связях между правительством Сербского княжества с хорватами, а также дипломатами разных стран и государственными деятелями представлены в книге «Политическая акция Сербии на

¹⁷⁶ Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). Књ. 1. 1848–1883 / Уред. В. Крестић. Београд, 1995.

южнославянских окраинах Габсбургской монархии 1859–1874»¹⁷⁷. Данное собрание сформировано на материалах сербских, хорватских, венгерских и австрийских архивов.

¹⁷⁷ Вучковић В. Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859–1874 / уред. Ј. Тадић. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. I. Књ. XXVII. Београд, 1965.

Глава 1.

Военная граница и хорватское национальное возрождение (1840–1850-е годы)

1.1. Военная граница Габсбургской монархии до 1848 г.

1.1.1. Краткая история института Военной границы

В XV в. из-за возникновения турецкой угрозы южным рубежам Венгеро-хорватского королевства в области Савы и Дуная, где Балканский полуостров граничит с Паннонской равниной, возникли предпосылки формирования защитных рубежей от османских вторжений. Предтечей Военной границы стала цепь укреплений на левом, сремском, берегу Савы, которые построил сербский деспот Стефан Лазаревич (1389–1427 гг.), вассал венгерского короля, по приказу своего сюзерена. Сам венгерский король Сигизмунд Люксембургский (1387–1437 гг.) предписал деспоту Стефану содержать «столбовую» (пограничную) армию, по величине равную всей королевской. Формирование особой военной пограничной территории на венгерском (славонском) берегу Савы и вплоть до хорватского Приморья началось уже при венгерском короле Матяше Хуняди (Корвине). В 1462 г. он организовал первую территориальную единицу будущей Военной границы – Сеньскую капитанию.

Однако непосредственно институт Военной границы окончательно создали уже Габсбурги. В 1576 г. на территории «остатков остатков» средневековой Хорватии, юго-западной Венгрии и юго-восточных рубежей наследных земель династии Габсбургов был образован «виндишко-хорватский постоянный генералат», который возглавил эрцгерцог Карл Габсбург (племянник императора Рудольфа II). При этом Карлу приходилось делить власть над генералатом с хорватским баном. В 1577 г. была учреждена должность надвоеводы Военной границы (им стал Карл), резиденция которого находилась во Внутренней Австрии. А в 1578 г. в г. Брук (Штирия) состоялся сейм, в котором участвовали и хорватские

представители. Постановления сейма вошли в историю как «*Brucker Libell*». Согласно ним, «виндишско-хорватский генералат» разделялся на два генералата, что дало начало дальнейшему увеличению числа генералатов Границы. При этом генералаты Границы административно окончательно отделялись от Хорватии и Славонии, подчиняясь Военному совету в Граце, который находился на содержании сословий Внутренней Австрии. Этот Военный совет был в ведении эрцгерцога Карла, ставшего в отношении территории Границы фактически равным по статусу хорватскому бану.

В генералатах Границы вводилось повсеместное военное управление, а их содержание возлагалось на наследные земли Габсбургов. Так, Штирия содержала Виндишский (Славонский) генералат, а Каринтия, Крайна и Горица – Хорватский. В том же 1578 г. Рудольф II Габсбург принял условия эрцгерцога Карла, что тот получает неограниченную власть над Военной границей и ему подчиняется хорватский бан. Соглашение 1578 г. между Рудольфом II и эрцгерцогом Карлом – это, по сути, переломный момент в истории Хорватии. С 1578 г. до 1873–1881 гг. существует деление хорватских и славонских земель на Военную границу и Гражданскую Хорватию и Славонию. В своей периодизации хорватской истории югославский историк Ф. Моачанин указывает, что именно с конца XVI в. история Границы приобретает «двойной характер»: с этого времени это «больше не только история военной институции, но и история народа, который населяет определенную территорию»¹.

В 1627 г. был завершен процесс «на земле» институализации Военной границы и передачи ее территории от местных гражданских властей под управление австрийской военной администрации. Австрийцы были заинтересованы в переманивании на территорию Габсбургской монархии православного населения Османской империи, однако, в отличие от

¹ Моачанин Ф. Periodizacija historije Vojne Krajine (XV–XIX st.). S. 114.

хорватских и венгерских помещиков, рассматривавших беженцев из турецких владений в качестве своих новых крестьян, они старались рекрутировать новоприбывших в граничары, для чего надо было создать привлекательные условия. В связи с этим уже в 1630 г. был разработан «Валахский статут» («*Statuta Valachorum*»), защищавший личную и религиозную свободу граничар. Это был ответ императора и короля Фердинанда II Габсбурга (1617/1618–1637 гг.) на попытку хорватского дворянства, при поддержке венгерского парламента, навязать граничарам свой статут, ущемлявший их права, но зато инкорпорировавший Военную границу обратно в состав Венгеро-хорватского королевства. Хорватская историк И. Ивелич называет выделение Габсбургами территории Военной границы «экскорпорацией через юрисдикцию», что означало, по ее мнению, «изъятие влашских общин из-под власти хорватских сословий»². Проблема идентификации влашского населения как предков сербов или хорватов уже на протяжении долгого времени вызывает горячие дискуссии историков, представляющих соответствующие национальные историографии³. Тем не

² *Iveljić I. Banska Hrvatska i Vojna krajina od prosvijećenog apsolutizma do 1848. godine. Zagreb, 2010. S. 135.*

³ А. Прибичевич приводит данные, частично взятые им у хорватского историка Векослава Клаича о том, что в XIV в., т. е. еще до массовых переселений сербов в северном направлении, на территорию Хорватии, Далмации и Истрии через северную Боснию стали проникать романоязычные влахи. Причем, даже в XIX в. их поселения можно было найти на о. Крк, а также по реке Драва (*Прибићевић А. Населѡавање Срба по Хрватској и Далмацији. С. 9.*). Отсюда, по мнению А. Прибичевича, и берет свои корни восприятие всех православных переселенцев с юга, в частности, позднее переселявшихся сербов, как «влахов». Однако сербский историк Д. Кашич считает, что сербы на занятой ими территории постепенно проникали в горы и там смешивались с аборигенным «иллирско-романским» скотоводческим населением. Когда это население было ассимилировано полностью, то бывший этноним «влахи» перешел на сербов-скотоводов и стал обозначать не этническую принадлежность, а «скотоводческий образ жизни». Таким

менее, следует отметить, что преобладание «влашского» наименования (экзонима) будет сохраняться на пограничье монархии Габсбургов и Османской империи до XVIII в., а затем сменится господством «иллирского» экзонима.

Важным событием, изменившим этническую карту Южной Венгрии, стало Великое переселение сербов 1690 г. под руководством сербского патриарха Арсения III Чарноевича. До 1690 г. сербы в Габсбургской монархии, если они не были граничарами, жили на большой территории от Северной Хорватии до Восточного Баната и Трансильвании, образуя анклав и не имея единой церковной организации. Но после Великого переселения все гражданские сербы Монархии оказались под протекцией «защитного патента» императора Леопольда I Габсбурга (1658–1705 гг.). Патриарх Арсений III согласовал с покинутой им Печской патриархией титул своих преемников («первый митрополит»). Его резиденция с 1718 г. находилась в Сремски-Карловцах. Великое переселение сербов превратило новый сербский район Южной Венгрии (Нови Сад, Сремски-Карловцы и Петроварадин) в ядро притяжения для всех сербов Габсбургской монархии.

Однако через полвека после Великого переселения сербов в Срем, Банат и Бачку началась немецкая католическая колонизация этих областей, достигнув пика в 1770-е годы, в эпоху наиболее благоприятствовавшей

образом, слова «влах» и «скотовод» стали синонимами. Далее из этой своей теории Д. Кашич делает вывод, что и система родовой («катунской») организации сербов-скотоводов была перенята именно у аборигенного населения (влахов) (*Кашич Д. Срби и православље у Славонији и Сјеверној Хрватској*. С. 19.). При этом следует учитывать, что использование слова «влахи» для обозначения всех православных переселенцев из Османской империи, согласно Д. Роксандичу, стало употребляться лишь с конца XVI в. (*Roksandić D. Srbi u hrvatskoj i srpskoj historiografiji: problemi usporedbe dvije interpretacijske tradicije*. S. 220.). Тогда как переселенцы «в Хорватию» из Сербии в источниках XV в. фигурируют под «сербским или рашским названием» (*Ibid.* S. 219).

колонизации окраин Габсбургской монархии политики императрицы-королевы Марии Терезии. Кроме немцев в этот регион переселялись и венгры. Переселенцы наделялись участками земли, а также обеспечивались тяглом и сельскохозяйственным инвентарем.

На рубеже XVII–XVIII вв., в результате успешных войн с турками, произошли существенные изменения в конфигурации южной границы Габсбургской монархии. В ходе Великой войны 1683–1699 гг. турки-османы были отброшены за реки Дунай и Муреш, а Габсбургам удалось присоединить к своей монархии всю Венгрию (в том числе Славонию) и Трансильванию, однако Банат еще оставался под властью османского султана. Поэтому Военная граница была растянута на восток по реке Саве, а по приграничным с турецким Банатом рекам Тисе и Мурешу в 1701 г. Придворным военным советом (*Hofkriegsrat*) были созданы новые границы: Потисская (центр в Петроварадине) и Помурешская (центр в Араде) военные границы. Основным элементом нового участка границы стала крепость Петроварадин, одна из лучших в Габсбургской монархии, а опорными пунктами являлись шанцы (военные поселения) вдоль рек Савы, Тисы и Муреша. На противоположном берегу от Петроварадина вырос г. Нови Сад – культурная столица сербов монархии Габсбургов. При этом в 1702 г. был учрежден Славонский генералат (вдоль рек Савы и Тисы до впадения в Дунай реки Муреш). В результате новый Петроварадинский полк («военный Срем») тогда оказался в составе Славонской военной границы. В ходе австро-турецкой войны 1716–1718 гг. от турок был освобожден весь Банат.

По итогам новой австро-турецкой войны (1737–1739 гг.) граница по Саве и Дунаю установилась надолго, поэтому в 1741 г. вместо границ по рекам Тисе и Мурешу были образованы две новые границы в Славонии, Среме и Банате – Посавская и Подунайская, входившие в состав Славонского генералата. Это было связано с полным освобождением Баната от турок-османов и превращением этой территории и Трансильвании в приграничные

регионы. Упразднение Потисско-Помурешской военной границы можно считать одним из первых масштабных опытов демилитаризации приграничных территорий в Габсбургской монархии. Населению демилитаризованных районов предложили выбор: либо переселиться на другие территории Границы, либо стать венгерскими крестьянами. Однако на новых границах жизнь населения была хуже, чем на старой Хорватско-Банской границе: на них зачастую не распространялись граничарские привилегии, и население несло различные повинности наряду с обязанностью воинской службы. Поэтому часть граничар с Потисско-Помурешской границы, которые не захотели становиться ни венгерскими крестьянами, ни граничарами на новой Подунайской границе, в 1751–1752 гг. переселилась в Россию.

Продление Военной границы на восток завершилось созданием Трансильванской военной границы, состоявшей из располагавшихся на пограничье с вассальным от Османской империи княжеством Валахия Секейской военной границы (1764 г.) и Валашской военной границы (1766 г.). Последним расширением Военной границы стали небольшие территориальные приращения в Северной Далмации, полученные Габсбургской монархией в 1791 г. по итогам очередной австро-турецкой войны.

В эпоху «просвещенного абсолютизма» в монархии Габсбургов и унификации всей правовой системы страны Военную границу тоже ждало включение в общее правовое поле. Еще в 1705 г. Придворный военный совет в Граце был подчинен венскому Придворному военному совету, а в 1743 г. – ликвидирован, и управление Военной границей полностью перешло в Вену. С 1748 г. финансирование Границы осуществлялось через Придворный военный совет. Правда, в 1848 г. он был преобразован в Военное министерство, в ведении которого вся Граница оставалась до своего полного упразднения.

Правовые реформы Границы также были начаты при императоре-короле Карле VI Габсбурге (1711–1740 гг., как венгерский король Карл III). В 1735 г. принц Йозеф Фридрих Саксен-Гильдбургхаузен вместо «Валашских статуты» для Вараждинской военной границы принял новые статуты, которые упраздняли прежние привилегии «влахов», а также должности местных предводителей (воевод и князей), ограничивали владение землей, а суд передавали из рук сельских старейшин военным судьям⁴. Годом ранее граф Ф. Кевенхюллер предлагал реформу и Славонской границы, однако его план не был одобрен.

В 1742 г. императрица-королева Мария Терезия поручила преобразования в Карловацком генералате именно Й. Саксен-Гильдбургхаузену, учитывая имевшийся у него положительный опыт. Он провел перепись населения и предложил деление территории Границы на полки. В течение 1745–1747 гг. на Хорватской и Славонской военных границах было сформировано 11 полков как административно-территориальных единиц. С этого времени Военная граница получила жесткую военно-административную и территориальную структуру управления. И. Ивелич называет полки и домовые задруги «двумя инструментами сохранения внутреннего равновесия милитаризированного граничарского общества», причем полки были выражением внешней власти, а задруги – механизмом внутренней самоорганизации⁵. Несмотря на то, что территории полков были нарезаны не на основе природных границ, а исходя из военных соображений, полковые администрации были уполномочены не только военной, но и гражданской властью над всем населением полка, в том числе осуществлением судебной власти, а также политического и экономического управления. Все 11 полков Границы в целом насчитывали

⁴ *Iveljić I. Banska Hrvatska i Vojna krajina od prosvijećenog apsolutizma do 1848. godine. S. 136.*

⁵ *Ibid. S. 137.*

примерно 45 тыс. солдат (в возрасте от 16 до 60 лет)⁶, однако в отличие от предыдущего периода, когда после окончания военной кампании граничар распускали по домам, теперь они должны были и в мирное время нести службу, периодически проходя ротацию.

При этом граничары составляли на момент окончания Семилетней войны 20–25 % всей императорской армии, а выходцы с Хорватской и Славонской границ – 13–16 %⁷. К 1767 г. каждый 12-й житель Военной границы был охвачен военной службой, тогда как на остальной территории монархии Габсбургов – лишь каждый 62-й⁸.

Полки (регименты) состояли из сотен (рот), которых обычно было 12 в каждом полку. Также внутри полка могли существовать батальоны как особые военные единицы. Пехотным батальонам придавались гусары (легкая конница), а позже и гренадеры (элитная пехота). Реформа Военной границы предполагала формирование жесткой иерархичности с минимизацией самоуправления нижних офицерских чинов. В 1787 г. император-король Иосиф II Габсбург попытался реформировать Военную границу, введя кантональное управление, предполагавшее создание в параллель к военной еще и гражданской вертикали управления, однако эта реформа провалилась, и в 1798–1799 гг. была возвращена прежняя структура управления всей территорией Границы.

В середине XVIII в. Придворный военный совет в Вене состоял из военно-политического, судебного и экономического отделов. В 1765 г. был учрежден генеральный инспекторат Военной границы, занимавшийся вопросами ремесел, сельского хозяйства и военной службы. А в 1768 г. этот инспекторат был преобразован в особый отдел Придворного военного совета

⁶ Ibid. S. 138.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

по делам Военной границы. После Наполеоновских войн этот орган был разделен на 15 отделов, делами Границы стал заниматься Второй отдел.

Именно в 1760-е годы, после окончания Семилетней войны, главный инспектор Военной границы генерал Ф. Бек проводил реорганизацию Вараждинской, Карловацкой и Славонской военных границ, а также добивался увеличения финансирования Границы Придворным военным советом⁹. Ключевым событием для дальнейшей истории института Военной границы и одновременно итогом терезианских реформ в отношении этой области Габсбургской монархии стало издание «Законов о Военной границе» («*Militär Graenitz Rechte*») в 1754 г. для Вараждинской и Карловацкой, а в 1769 г. – для Славонской и Банатской границ. Следует отметить, что данные законы решили проблему унификации таких исторически и географически разных частей Военной границы, сильно разросшейся за первую половину XVIII., а также вводили на всей территории Границы немецкий язык в качестве официального и единственного командного языка, что способствовало инкорпорации граничар в армию Габсбургов. Именно при Марии Терезии, как считает Фр. Ваничек, было завершено формирование Военной границы в том виде, в каком она существовала до своего упразднения¹⁰.

Следует также отметить, что Мария Терезия в 1743 г., несмотря на противодействие хорватского сабора и венгерского парламента, подтвердила «влашские» привилегии, которые для Вараждинского генералата отменялись при ее отце. Тем не менее, как считает сербский историк С. Чиркович, именно с 1744 г., когда на сербском народно-церковном соборе в Сремски-Карловцах митрополит Арсений IV принял присягу на Карловицкую митрополию в присутствии двух комиссаров (от Австрийской короны и

⁹ Ibid. S. 136.

¹⁰ Vaniček Fr. Specialgeschichte der Militärgrenze, aus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft. Bd. 1. S. V.

венгерского парламента), «обостряется спор по вопросу, является ли управление сербами внутренним делом Венгерского королевства или же относится к юрисдикции Австрийского дома»¹¹. В 1745 г. Мария Терезия издала «защитный декрет», обеспечивавший неприкосновенность сербских привилегий на Военной границе.

Окончательно унифицировать правовое положение всех частей института Военной границы и разработать единое законодательство для этой милитаризированной области удалось лишь в начале XIX в. В 1807 г. вышел новый закон, теперь уже один для всей территории Военной границы. Согласно этому «Основному закону», домовая задруга признавалась основной ячейкой граничарского общества, а ее земля поделена на «дедовину» (неотчуждаемую часть, *Stammgut*) и «излишки» (*Überland*). При том, что неотчуждаемая часть должна была составлять не менее четверти граничарского владения. Однако граничар не мог стать полным собственником земли, так как владение землей было связано с несением военной службы. В 1808 г. была введена единая обязательная военная униформа для всех граничар, что явилось кульминацией унификационных реформ в отношении Военной границы Придворного военного совета.

Только уже в 1850 г. был принят следующий и последний Основной закон Военной границы, отразивший послереволюционную систему управления этой милитаризованной частью империи. Сербская исследовательница И. Спасович считает, что законы для всей Границы 1807 и 1850 гг. были продолжением политики «упрощения управления и предоставления прав граничарам, начатой в XVIII веке»¹². По закону 1850 г. граничары возвышались до положения реальных собственников своих землевладений. Также жители Границы наделялись равными правами с

¹¹ Чиркович С. История сербов. С. 200.

¹² Спасовић И. Банатска војна граница и њено укидање 1872. године. С. 133.

подданными других королевских земель в обучении ремеслу, торговле, экономике и искусству. Содержание и обмундирование военнообязанных граничар переходило к государственной казне.

1.1.2. Особенности социальной структуры Военной границы

В Габсбургской монархии на начало XIX в. хорваты жили на территории королевства Хорватии и Славонии, но также хорватское самосознание было распространено среди части населения Далмации и Военной границы¹³, главным образом, среди их католического населения¹⁴. Сербы в Австрийской империи не имели своей территориальной единицы в рассматриваемый период, однако составляли существенную часть населения Военной границы¹⁵, а также компактно проживали в Южной Венгрии¹⁶.

¹³ Судить о численности хорватского населения Военной границы в исследуемый период представляется сложным: во-первых, далеко не все славяне-католики Границы идентифицировали себя как хорватов на заре национальных движений у южных славян Габсбургской монархии; во-вторых, перепись 1837 г. учитывала также население Трансильванской военной границы, поэтому славяне в целом составляли лишь немногим более 70% от общего числа населения всей Границы (*Stopfer M. Lehrbuch über die Statistik der Militär-Gränze des österreichischen Kaiserthums. Gratz, 1840. S. 47.*). Разделять славянское население Границы по национальному признаку австрийские и венгерские статистики стали уже накануне ее демилитаризации.

¹⁴ *Povijest Hrvata. 2 Knj.: Od kraja 15. stoleća do kraja Prvog svetskog rata. Zagreb, 2005; Roksandić D. Vojna Hrvatska. La Croatie Militaire. Zagreb, 1988; Rothenberg G. The Military Border in Croatia 1740–1881. A Study of an Imperial Institution. Chicago, 1966.*

¹⁵ Представить примерную численность сербского населения Военной границы в исследуемый период можно лишь, ориентируясь на данные статистики по конфессиям. Согласно данным сербского историка Н. Делича, православных на Военной границе в 1828 г. было 50,58% от общей численности населения, а в 1848 г. – 48,99%, несмотря на общий рост численности населения Границы как среди православного, так и неправославного населения (*Делић Н. Српско православно становништво Далмације и Војне крајине (1828–1848) – број, наталитет, морталитет, нупцијалитет, природни и*

Кроме того, после двух восстаний начала XIX в. на пограничье Австрийской и Османской империй возрождалась Сербия¹⁷, прошедшая к 1830 г. путь от «княжеской автономии до автономного княжества»¹⁸.

Следует обратить внимание на социальный состав населения региона Венгрии, Хорватии, Славонии и Военной границы в первой половине XIX в. Венгерский статистик Алерий фон Фенеш составил описание королевства Венгрия, в котором предпринял попытку посчитать количество венгерской знати. Как он сам признавался, в его исследовании ему помогли местные власти комитатов, предоставив сведения о местном населении. Всего численность населения Венгрии, согласно статистике, составляла 11 млн 178 тыс. 288 чел., причем сюда же была включена и вся Военная граница. Центральным местом статистического исследования стало выявление количества знатных семей – их оказалось 136 тыс. 93 чел. А. Фенеш подсчитал и примерное число представителей высшего сословия, приняв в расчет среднее количество человек в семье равное четырем. В итоге получилась цифра 544 тыс. 372 чел. или каждый 20-й из всего населения Венгрии и Военной границы. Венгерский статистик делает вывод, что

механички прираштај // Српске студије. Београд, 2014. Књ. 5. С. 55, 64). Для сравнения в 1857 г. православные в целом составляли ровно 55% от общего (1059221 душ) населения Военной границы уже без упраздненной Трансильванской (*Hostinek J. Die k. k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Wien, 1861. Theil I. S. 19*).

¹⁶ *Гавриловић С.* Срби у Хабсбуршкој монархији (1792–1849). Нови Сад, 1994; *Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880*; *Микавица Д.* Српско питање на Угарском сабору: 1690–1918. Нови Сад, 2011; *Крестић В.* Срби у Угарској: 1790.–1918. Нови Сад, 2013; *Костяшов Ю.В.* Сербь Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

¹⁷ *Карасев А.В.* Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815–1856 гг.) // История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012. С. 372–392.

¹⁸ *Чиркович С.* История сербов / пер. с серб. М., 2009. С. 242.

венгерская знать является крупнейшей в Европе и даже превосходит польскую. Интересно его сравнение с поляками, у которых тогда не было независимого государства. При этом из общей численности он смог выделить представителей высшего сословия немадьярского происхождения: 58 тыс. славян, 21 тыс. «валахов и немцев». При этом собственно мадьяр получалось 464705 чел. Отдельно была подсчитана знать Военной границы, составлявшая, по данным 1837 г., «не больше 833 человек»¹⁹. Таким образом, хорватско-славонская элита была почти в пять раз меньше собственно венгерской. В 1839 г. население Военной границы, согласно данным австрийского статистика Й. Хостинека, составило 1016976 душ (без учета тогда еще существовавшей Трансильванской военной границы)²⁰. Сопоставление общей численности населения с числом офицерской знати, релевантным для того же периода, говорит о том, что граничар можно рассматривать как общество без крупной сословной верхушки.

1.2. Хорватия и Военная граница в 40-е годы XIX в.

Предмартовский период

После преобразования владений Австрийского дома в Австрийскую империю хорватско-славонская элита получала шанс упрочить свое положение. В ходе освобождения исторических хорватско-славонских территорий от турок и присоединения территории Венецианской Далмации с большим процентом славянского населения на повестке дня оказался вопрос реставрации средневекового Хорватского королевства. Ведь в Приморской части находились столицы первых хорватских королей.

¹⁹ Agramer Zeitung. N 27. 1845. 2 IV.

²⁰ Hostinek J. Die k. k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. I. Theil. S. 12.

Именно в Далмации первые шаги по конструированию особой иллирской нации²¹ были предприняты Наполеоном, который считал, что «Иллирия – это стража, поставленная перед воротами Вены»²². Характерна попытка разработки французскими лингвистами единого иллирского языка на основе как словенских диалектов севера провинций, так и хорватских (в центре и на юге) и сербских (на востоке и юге)²³. Обозначение территории как Иллирия указывало на преемственность с одноименной римской провинцией. После территориальной перекройки карты Европы на Венском конгрессе (1815 г.), зафиксировавшей вхождение Далмации в состав Австрии, на части старых и новых владений Гасбургов от Истрии и Кварнерских островов на юге до земель герцогств Штирия и Зальцбург на севере было создано Иллирийское королевство со столицей в Лайбахе (Любляна, Словения), просуществовавшее в таких границах с 1816 по 1848 гг. В соответствии с административным названием территории, всё славянское население нового королевства в австрийских переписях именовалось «иллирийцами», в том числе и словенское население²⁴.

1.2.1. Три волны хорватского иллиризма

В политической борьбе внутри монархии каждая часть империи опиралась на исторически сформировавшиеся представительные институты. Причем, если венгры отстаивали свои права только перед лицом Вены, то

²¹ *Clewing K. Staatlichkeit und nationale Identitätsbildung: Dalmatien in Vormärz und Revolution. München, 2001; Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в.: К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.*

²² *Smičiklas T. Povijest Hrvatske. Dio II. Zagreb, 1879. S. 413.*

²³ *Марков В. Иллирийские провинции Наполеона // Французский ежегодник 1973. М., 1975. С. 163–175.*

²⁴ *Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999. С. 93. Ссылка на: Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1962. S. 170. Sv. V.*

хорватам приходилось решать свои вопросы еще и с Пресбургом/Пожонью (Братислава, Словакия)²⁵.

Венгерский историк Э. Арато замечает, что, «обосновывая свое отношение к Австрии, венгры использовали как этническую, так и территориально-историческую концепцию в качестве аргументов к расширению дворянских привилегий, а в целях обуздания национальных стремлений меньшинств использовали вторую концепцию»²⁶. Подобное разделение исследователь видит и у хорватов в 1830–1840-е годы²⁷. Смысл борьбы за территориальную автономию королевства Хорватии и Славонии выразил в 1790 г. хорватский бан Янош (Иван) Эрдеди: «*Regnum regno non praescribit leges*» («Королевство королевству не предписывает законы»)²⁸. И именно 1790 год хорватский историк Д. Чепуло считает началом появления «прото-модернизационных» настроений в венгерском парламенте²⁹.

Политическая элита Венгрии старалась распространить венгерский язык на всю территорию королевства, в том числе на Хорватию и Славонию, а там шла борьба за создание и активное внедрение единого литературного языка. Венгерское Государственное собрание в Пресбурге перешло с латинского языка на венгерский в 1830 г., тогда как сабор Хорватии и

²⁵ *Schödl G.* Ungarn und Kroaten: Wechselbeziehungen und Identitätsbildung zwischen Tradition und Konstruktion // Beitrag zur Eröffnung des II. Panels «Identitätsformen im Wandel zwischen modernen Nationalstaatskonzeptionen und ständischer Lebenswelt». Berlin, 2010.

²⁶ *Aramo Э.* Венгеро-славянские культурные отношения в первой половине XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978. С. 346.

²⁷ Там же.

²⁸ *Švoger V., Tvrković T.* Između ugrofilije i ugrofobije. Slika Mađara u Hrvatskoj od 16. do 19. stoljeća // *Á horvát-magyar együttélés fordulópontjai. Prekretnice u suživotu Hrvata i Mađara.* Budimpešta, 2015. S. 728.

²⁹ *Čepulo D.* Hrvatski državno-pravni identitet i hrvatsko-ugarski odnosi 1790–1868. // *Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.–1918. Zbornik radova.* Zagreb, 2004. S. 229.

Славонии на хорватский лишь в 1847 г., или через три года после речи одного из лидеров иллиризма Ивана Мажуранича, впервые произнесенной в стенах этого сословно-представительного органа на родном языке³⁰.

Территория королевства Хорватии и Славонии находилась в окружении крупных и влиятельных языковых массивов (венгерского, немецкого и итальянского), тогда как местные славяне говорили на нескольких наречиях, наиболее распространенным из которых было штокавское (в Славонии, Далмации и на Военной границе). В 1820-е годы слависты из других частей Австрийской империи воспринимали штокавщину в качестве языка сербов, тогда как с хорватами как народом ассоциировалась лишь кайкавщина. Например, чешский будитель П.Й. Шафарик в книге «История славянского языка и литературы всех наречий», вышедшей в 1826 г., к сербскому языку относил славонское, далматинское и боснийское наречия. Самих далматинцев, славонцев и боснийцев П.Й. Шафарик включал в «католических славяносербов»³¹.

Реакцией на такое положение хорватского языка, которое не соотносилось с непрерывно существовавшей хорватской государственностью, явилось движение иллиризма³². В развитии этого движения можно проследить три главных направления.

Во-первых, это движение в среде хорватского духовенства, еще со времен Средневековья и потери Хорватскими землями политической

³⁰ Kolar M. Politička pitanja i ideologije u Hrvatskoj od 1790.–1868. (s posebnim osvrtom na hrvatsko-mađarske veze) // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004. S. 211.

³¹ Šafařík P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Prag, 1869. S. 226.

³² В хорватской историографии период развития хорватского национального движения до Л. Гая рассматривается как «иллиризм перед иллиризмом». См., например: Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma. Zagreb, 2008.

независимости отличавшегося повышенным вниманием к сохранению славянской культурной традиции в виде глаголицы и богослужения на славянском языке. Хотя к Новому времени такое богослужение почти исчезло, уступив место общекатолической латыни, но его традиция всё равно не была прервана. Именно духовенство стало в начале XIX в. одним из первых вдохновителей хорватского иллиризма. Важную роль здесь сыграл епископ загребский М. Врховац (1752–1827), который выступал за сотрудничество хорватов и сербов, был близок идеям панславизма, а к концу жизни превратился в сторонника иллиризма. Епископ отдавал предпочтение кайкавскому наречию хорватского языка и собрал группу священников для перевода на это наречие Библии. Среди шести священников, взявшихся за перевод Ветхого и Нового Завета на кайкавщину, помимо хорватов были двое чешского происхождения и один – немецкого. Преемник М. Врховаца А. Алагович (1760–1837) продолжил кайкавскую традицию и издал календарь «*Danicza zagrebeckka*» («Загребская заря») на кайкавщине. При этом он активно сотрудничал с Л. Гаем в деле просвещения народа. С 1837 г. епископом Загребским являлся Юрай Вараяи Гавлик (1788–1869), словак из венгерского Надьсомбата (Трнава, Словакия). С 1840 по 1842 и с 1845 по 1848 г. он являлся еще и исполняющим обязанности бана Хорватии и Славонии и показал себя активным сторонником иллиризма.

Во-вторых, это вызванное языковой «революцией сверху» Иосифа II движение за свои права хорватского дворянства. Благодаря сохранению своих королевских институтов Хорватия и Славония сохранили и свое дворянство. Именно второе сословие, ощущавшее себя в качестве представителей хорватской политической нации, могло выдвинуть свои требования к королю в связи с претензиями их коллег из других частей империи. Кроме того, назревала проблема поиска средств идеологической защиты от стремлений венгров лишить хорватское дворянство исторических прав, а королевство прочно интегрировать в свое правовое поле. Одним из

наиболее ярких примеров здесь сто́ит назвать «Диссертацию» (1832) графа Яноша (Йована, или Янко) Драшковича. Этот проект будущего хорватского государства (подробнее см. ниже) был написан на штокавском наречии, которое и предлагалось автором в качестве «иллирского языка». При этом выбор именно штокавщины граф объяснял тем, что большинство известных ему литературных произведений за всю историю написано хорватскими авторами именно на этом наречии.

В-третьих, городская, в первую очередь, загребская интеллигенция, организовавшая хорватский вариант распространявшегося среди многих славянских народов Австрийской и Османской империй движения будителей – активистов национального, культурного и языкового возрождения. С этой волной иллирского движения рука об руку шел и так называемый «литературный иллиризм»³³. Именно на этом этапе хорватское движение приобретает национальный характер и становится массовым, охватывая широкие слои, в первую очередь, городского населения. Идеи иллиризма начинают поддерживаться меценатами из торгово-финансовых кругов.

В качестве основы для иллирского литературного языка Л. Гай, так же, как и Я. Драшкович, выбрал штокавское наречие. Не исключено, что так он хотел перехватить инициативу у сербского национального движения, развивавшегося параллельно хорватскому и ознаменовавшегося восстаниями в Османской империи, созданием вассального от султана Сербского княжества и разработкой В. Караджичем сербского литературного языка на основе господствовавшей среди сербов штокавщины. Иначе привязка хорватского письма к кайкавщине могла привести к формированию исключительно кайкавской хорватской нации, что было чревато потерей территорий в будущем. В то же время в качестве письменности для

³³ *Leto M.R. Danica Ilirska i pitanje hrvatskog književnog jezika // Slavica tergestina. 2004. N 11/12. S. 163–190.*

хорватского языка Л. Гай выбирает латиницу на основе чешского письма (до этого хорваты не имели единого письменного стандарта)³⁴.

До Л. Гая на ниве хорватского «национального возрождения» трудились лишь интеллектуалы-одиночки, как, например, А. Миханович, написавший песню «Хорватское отечество», которая с 1891 г. будет гимном Хорватии, или уже упоминавшийся епископ М. Врховац и др. Однако эти отдельные личности, выступавшие с хорватских патриотических позиций, не имели широкой поддержки. Л. Гай начал политическую деятельность со своей группой, ядро которой составляли Д. Раковац, В. Бабукич, П. Штос, Л. Вукотинович, И. Мажуранич. При этом необходимо отметить, что большинство лидеров движения иллиризма не были этническими хорватами. Так, Людвиг (Людевит) Гай и Август Шеноа были чешского происхождения, Людевит Фаркаш (Вукотинович) – венгерского, Фердинанд Визнер (Фердо Ливадич) и Игнац Фукс (Ватрослав Лисинский) – немцы, Димитрие Деметер был цинцаром, Якоб Фрасс (Станко Враз) – словенцем и т. д.³⁵ Таким образом, лидеры движения иллиризма были представителями разных народов многонациональной Австрийской империи. Тем не менее, они были вдохновлены идеями иллиризма и смогли встать во главе этого движения. Идентификация себя иллирами или хорватами привела отдельных представителей иллиризма к необходимости укоренения в хорватской среде и смене не только фамилий, но и имен. Например, немец Игнац Фукс стал Ватрославом Лисинским, переложив свою немецкую фамилию на славянский лад. То же самое сделал со своей венгерской фамилией и Людевит Фаркаш³⁶.

³⁴ Stančić N. «Naš narod» Ljudevita Gaja iz 1835. godine // Radovi. Zagreb, 1990. Vol. 23. S. 53–80.

³⁵ Vukcevič I. Croatia: Ludvig von Gaj and the Croats are Herrenvolk Goths Syndrome. New York, 2012. P. 10.

³⁶ Сходные примеры патриотически мотивированной смены фамилий см.: Хаванова О.В. Чиновничество в монархии Габсбургов XVIII века. Сочетания и конфликты

Таким образом, приверженность идеям иллиризма не носила четкой национальной окраски. Скорее это было увлечение романтикой своеобразного национального движения в духе того времени³⁷. В кружке Л. Гая даже разработали отличительные знаки движения. Хорватская традиционная верхняя одежда (сурка) отдавала приоритет народному духу и его глубинным крестьянским корням³⁸, красный колпак показывал симпатию идеям Великой французской революции и традицию хорватских народных бунтов типа восстания Матии Губеца. В основе иллирской символики был своеобразный герб Иллирии – звезда над молодым месяцем и лира, созвучная самому названию этой географической территории.

Вместе с тем, после объединения Л. Гаем всех трех течений иллиризм позволил охватить широкие слои населения: среднее и мелкопоместное дворянство, интеллигенцию, учащуюся молодежь, низшее католическое духовенство и даже отдельных представителей аристократии. Под началом Л. Гая в деле просвещения населения, выпуска газет и другой печатной продукции, организации культурных мероприятий трудились бок о бок графы и бароны, представители католического духовенства и разночинцы. Также национальному движению симпатизировали и многие офицеры Военной границы, о чем свидетельствуют письма «иллиров с Границы» в редакцию газет Л. Гая и их стихотворения или рассуждения, одухотворенные идеей «великого и свободного» иллирского народа (подробнее см. ниже).

идентичностей // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 54. 2016. С. 266–290.

³⁷ *Бернштейн С.Б.* Культурный язык – письменный язык – литературный язык // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 106–111.

³⁸ *Лещиловская И.И.* Хорватия в XVII–XIX веках. С. 245.

1.2.2. Иллирское движение и Военная граница

Военная граница, сохранявшая в первой половине XIX в. свою особую территорию и законодательство, тем не менее, была отделена от соседних южнославянских территорий Габсбургской монархии лишь административно, тогда как в церковном и культурном плане была тесно связана с ними. В частности, все католические приходы на ее территории находились в юрисдикции венгерской Калочско-бачкской архиепископии, при этом полки были поделены между Сеньской, Загребской, Осиекской и Темешварской епископиями³⁹. При этом будущие полки сформированной в 1850 г. Хорватско-славонской военной границы, на которую будут претендовать хорватские политики, подпадали под юрисдикцию епископий, окормлявших как гражданскую, так и военную территории Хорватии и Славонии каждая. Кроме того, все три епископии вместе территориально соответствовали границам королевства Хорватии и Славонии, закрепленным в Хорвато-венгерском соглашении 1868 г., а затем воплощенным в реальность с окончательным упразднением Военной границы в 1881 г. Православное население Военной границы находилось в юрисдикции Сремско-Карловицкой митрополии Сербской православной церкви. Таким образом, каждая из двух основных религиозных общин Военной границы воспринимала себя частью гораздо большего территориального церковного образования, чем отдельный полк или даже генералат.

В культурном плане Военная граница также не была изолирована, однако каждая из двух главных религиозных общин использовала для письма и при обучении в народных и церковно-приходских школах разное письмо: разные варианты латиницы католики и также разные варианты кириллицы –

³⁹ Почти вся территория Трансильванской военной границы находилась под окормлением Дюлафехерварской епископии (совр. название города – Альба-Юлия в Румынии), также относившейся к юрисдикции Калочи.

православные. В связи с нуждами просвещения населения, как уже отмечалось выше, одним из центральных для деятелей национального возрождения хорватов и сербов стал языковой вопрос, который для сербов выражался в отходе от славяносербского (высокого) литературного языка в пользу народного, а для иллиров – в переходе с кайкавского (загребского) на штокавский диалект, практически идентичный сербскому языку и распространенный в Славонии, Далмации и на Военной границе. В обоих случаях данные шаги преследовали как одну из целей интеграцию простых граничар в то или иное национальное движение, хотя православное духовенство Габсбургской монархии (в том числе и Военной границы) оставалось верным славяносербскому письму еще до 1860–1870-х годов.

Большую роль играли печатные органы хорватских иллиров⁴⁰, попадавшие на территорию Военной границы и получавшие обратную связь в виде присылки писем читателями из среды образованных граничар. Причем, граничары часто подписывались «иллир из (далее название населенного пункта Границы)» или «иллир с Военной границы», чем показывали свою заинтересованность в иллирском движении⁴¹. Чешский историк П. Стеглик замечает, что помимо просвещения для того, чтобы занять «равноправное положение в семье культурных народов» Европы,

⁴⁰ В этих газетах среди прочих печатались стихи хорватских и сербских поэтов «национального возрождения», целиком посвященные Военной границе или лишь упоминавшие о ней. Среди писавших стихи о граничарах были и сами выходцы с Границы. Например, автор «Граничарского мальчика» С. Марьянович происходил из Брода-на-Саве (Славонски-Брод), находившегося на территории Бродского полка Военной границы.

⁴¹ Эти письма печатались в главной газете иллиров «*Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske*» («Хорватско-славонско-далматинская газета», или «*Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske*» («Далматинско-хорватско-славонская газета»)) и особенно в приложении к ней «*Danica ilirska*» («Иллирская заря»).

иллиры считали нужным сохранять культурное разнообразие⁴², что подтверждается и записками Л. Гая: «Пусть будучи иллиром брат-хорват сохранит не только свое имя, но и всё хорватское; пусть будучи иллиром брат-славонец сохранит не только свое имя, но и всё славонское; пусть будучи иллиром брат-серб сохранит не только свое имя, но и всё сербское»⁴³. На основе этого можно сделать вывод, что, с одной стороны, иллирская самоидентификация части граничар не замещала их локальное, граничарское, и тем более религиозное самосознание, а лишь делала их принадлежащими к конструируемой хорватскими идеологами «*Kulturnation*»⁴⁴. С другой стороны, Л. Гай и его сторонники никогда не упоминали никакую особую «граничарскую» идентичность, поэтому граничары-иллиры, по-видимому, должны были примкнуть к какой-либо национальной (хорваты, сербы и др.) или локальной (славонцы, сремцы, банатцы и др.) идентичности.

Территориальные претензии сторонников иллиризма всех этапов его развития опирались на тезис о непрерывности истории Хорватии от Средневековья до их времени, а потому иллиры считали легитимным апеллировать к историческому праву на те или иные земли, когда-то якобы входившие в состав хорватского государства. Н. Станчич пишет, что «на основе хорватского государственного права хорватское дворянство в состав триединого королевства включало помимо реальной территории Хорватии и Славонии также и “виртуальные” территории, то есть ту часть исторической территории хорватского государства, которая была потеряна главным образом во времена турецких завоеваний – Военную границу, Далмацию,

⁴² *Stehlik P.* Između hrvatstva i jugoslavenstva: Bosna u hrvatskim nacionalno-integracijskim ideologijama 1832–1878. Zagreb, 2015. S. 17–18.

⁴³ *Пирске народне novine.* 1842. 7 XII.

⁴⁴ *Соколовский С.В.* Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., 2016. С. 56.

Боснию до Врбаса, которую называло “турецкой Хорватией”, и три северо-восточных котара (округа. – *А.Д.*) Истрии»⁴⁵. Таким образом, Военная граница (часть от Адриатики до Срема) рассматривалась в конгломерате утраченных хорватских земель. Романтики из окружения Л. Гая поначалу особенно выделяли Лику и Крбаву (приморская часть Границы) как важные для хорватов земли⁴⁶. В «Диссертации или разговоре» (1832) граф Я. Драшкович будущее большое хорватское королевство представил в виде «Великой Иллирии», в которую помимо Хорватии, Славонии, Военной границы, Далмации, Боснии и Истрии включил также словенские земли⁴⁷, что было логично, учитывая существовавшее тогда Иллирийское королевство, в которое входили Крайна и Каринтия с существенной долей словенского населения. Также следует заметить, что помимо хорватской и славонской Военной границы в это политическое образование должны были войти и два полка Банатской границы с преимущественно православным населением. Такое королевство на границе двух империй, как замечает немецкий историк В. Бешнитт, предусматривало и возможность федерализации монархии Габсбургов⁴⁸. Таким образом, Я. Драшковича можно считать зачинателем идеи выделения особой южнославянской территории в Габсбургской монархии, которая потом получит развитие в антидуалистических проектах Военного министерства и части хорватских политиков на рубеже 1860–1870-х годов.

⁴⁵ Hrvatski narodni preporod 1790–1848: Hrvatska u vrijeme Ilirskog pokreta. S. 12–13.

⁴⁶ См., например: Danica Horvatzka, Slavonzka y Dalmatinzka. 1835. 7 II.

⁴⁷ *Drašковић Ј.* Disertacija iliti razgovor, darovan gospodi poklisarom zakonskim i budućem zakonotvorcem kraljevinah naših, za buduću dietu ungarsku odaslanem, držan po jednom starom domorodcu kraljevinah ovih. U Karlovcu, pritiskano slovima Joana Nep. Prettnera 1832. // Građa za povijest književnosti hrvatske: Knj. 12. Zagreb: JAZU. S. 301.

⁴⁸ *Beschnitt W.D.* Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München, 1980. S. 138.

Сами проблемы политического будущего монархии этот хорватский аристократ и депутат сабора предлагал решать напрямую с императором-королем, а не через венгерские институции. Так, одним из первых среди лидеров иллиров он обратил внимание на то, что вопрос принадлежности Военной границы нужно поднять перед монархом, так как когда-то уже «саборы сделали ошибку», допустив отдельное законодательство для этой территории⁴⁹. Отдельные хорватские политики последовали этому совету. Так, в 1842 г. в представлении императору-королю от лица родной ему Вараждинской жупании один из лидеров иллиров М. Ожегович тесно увязывал демилитаризацию Военной границы и присоединение Боснии к империи, так как в этом случае граничарам не придется «в тяжелейших условиях» нести службу по охране и обороне южных границ Габсбургской монархии⁵⁰. Таким образом, иллиры, с одной стороны, видели Военную границу (до Дуная на востоке) обязательной частью будущей большой Хорватии (или Иллирийского королевства), а с другой, вписывали планы по расширению территории своего королевства на юг за счет османских Боснии и Герцеговины в общеимперские интересы, стараясь заручиться поддержкой императора-короля.

Несколько других взглядов придерживались представители сербской интеллигенции монархии Габсбургов, группировавшиеся, главным образом, вокруг Матицы сербской в Пеште, а также имевшие своими культурными центрами Сремски-Карловцы и Нови Сад. Так, в 1845 г. в «Летописи Матицы сербской» была напечатана статья священника из Дубровника. В ней население Лики и Крбавы, входивших в состав Хорватской военной границы, оценивается «однородно славяно-сербским», таким же, как «в Боснии, в

⁴⁹ *Drašковић J.* Disertacija iliti razgovor. S. 311.

⁵⁰ Predstavka županije varaždinske na Njegovo c. kr. Veličanstvo za zaštitu kršćana u turskom carstvu (1842.) // Njekoji spisi iz javnoga političkoga djelovanja Metela baruna Ožegovića Belskoga i Barlabaševačkoga. Zagreb, 1887. S. 10.

Герцеговине, в Черногории, в княжестве Сербии и в Среме», а хорваты, «как особое славянское племя», находятся, согласно автору, только на территории «Провинциальной Хорватии»⁵¹. Также здесь объяснялось, что «хорватской» данная часть Военной границы называется лишь по историко-географическим соображениям, а этнически ее население целиком относится к сербскому народу⁵².

Кроме того, следует заметить, что на рубеже 1830–1840-х годов в изданиях австрийских сербов стало появляться всё больше критики иллиризма, в том числе и от сербов Военной границы. Так, некий «серб граничар Алекс. Андрос» как военный прагматик выражал недовольствие иллиризмом, приводя такую ситуацию: если черногорцы одержат в сражении победу над турками, то почему эта победа должна считаться иллирской и распространяться также на хорватов и словенцев, которые не имеют к такой победе вообще никакого отношения⁵³. Кроме того, он замечал, что иллиризм является всего лишь «продолжением далматинско-дубровникской» традиции, но только с другим вариантом латинского письма⁵⁴. Другой серб, П. Попович, ссылаясь на текст еще одного автора, чье мнение он разделял, выражал опасение, что иллиры могут вытеснить в школах на Военной границе кириллицу латиницей, что, по мнению автора, представляло угрозу для самосознания молодых граничар⁵⁵. Авторы подобных статей видели в

⁵¹ Сербскій Лѣтопись Матице сербске. 1845. Ч. 2. С. 28.

⁵² Подобное говорится и в комментариях к стихотворению католического священника с Военной границы Й. Марича, посвященном кончине серба-граничара, главы Карлштадтского генералата (идентичного Хорватской военной границе) П. Радивоевича (Плачь крайшника // Сербскій Лѣтопись Матице сербске. Будим, 1831. Ч. 3. С. 81).

⁵³ Сербскій народный листь. 1840. 14 I.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. 1840. 6 VI.

иллиризме завуалированную экспансию католицизма и хорватизма на православное сербское население разных частей Габсбургской монархии.

В Предмартовский период Военная граница, с одной стороны, стала ареной распространения хорватской (в виде иллиризма) и сербской национальной пропаганды, с другой, хотя и наметились конфликтные зоны двух движений как в территориальном, так и в языковом и культурном плане, однако из-за сохраняемого данной милитаризированной областью своего особого статуса противостояние между ними в данный период не приобрело еще остроты.

1.2.3. Первые политические партии королевства Хорватии и Славонии: иллиры и мадьяроны

В хорватской историографии национальным Возрождением считается период 1830–1848 гг., который является временем появления, расцвета и упадка иллиризма⁵⁶. Следует рассмотреть предпосылки зарождения как иллиризма, так и противостоящего ему мадьяронства.

Изначально иллиры не были настроены сугубо антивенгерски. Л. Гая устраивала хорвато-венгерская политическая уния. Он писал: «Да хранит Бог конституцию венгерскую, королевство Хорватию и национальность иллирскую!»⁵⁷ Й. Шидак здесь замечал важность сохранения венгерской конституции, коей должна руководствоваться иллирская национальность⁵⁸. Однако необходимо обратить внимание на центральное место Хорватского королевства, в котором иллирская национальность живет по венгерской конституции. Именно так следует понимать логику Л. Гая и его взгляд на

⁵⁶ *Флакер А.* Структура культуры хорватского национального Возрождения // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 48–56.

⁵⁷ *Švoger V., Tvrtković T.* Između ugrofilije i ugrofobije. S. 729.

⁵⁸ *Šidak J.* Jugoslavenska ideja u hrvatskoj politici do I svjetskog rata. Zagreb, 1973. S. 66.

положение Хорватии внутри Габсбургской монархии. Таким образом, уже здесь проявилось желание Л. Гая заявить свои права как представителя новой хорватской элиты на выражение интересов своего национального государства.

Невозможности делать радикальные шаги в отношении Венгрии способствовала политическая ситуация, сложившаяся к началу 1830-х годов. Рассмотрим, какая информация имелаась у делегатов хорвато-венгерской партии в венгерском парламенте о том, когда идеи панславизма и иллиризма появились на «политическом поле нашей родины и в Хорватии»⁵⁹. Примечательно, что для венгров иллиризм и панславизм были понятиями, неотделимыми одно от другого. В своем выступлении представитель мадяронов замечал, что «до 1830 года хорваты были друзьями нашей народности», именно от них «пришло напутствие, что в высших школах учителем не может быть тот, кто не знает венгерский»⁶⁰. Действительно, как говорилось выше, с 1790 г. венгры делали всё больше шагов по интеграции территории королевства Хорватии и Славонии в правовое поле Венгерского королевства и «*natio Hungarica*»⁶¹. Как утверждает венгерский историк Э. Арато: «Понятие “нация хунгарика”, объединившее историческое и территориальное понятие нации, находилось тем не менее в противоречии с венгерской идеей “одной политической нации”»⁶². Однако О.В. Хаванова объясняет, что понятие «*natio Hungarica*» является исключительно сословным и применимо лишь к венгерскому дворянству – «от герцога до

⁵⁹ Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske. N 57. 1844. 17 VII.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Kessler W. Politik, Kultur und Gesellschaft in Kroatien und Slawonien in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Historiographie und Grundlagen. Oldenbourg, 1981.

⁶² Арато Э. Венгеро-славянские культурные отношения. С. 347.

безземельного дворянина»⁶³. Эта корпорация венгерского «единого и равного дворянства» позволяла ему противостоять как королевской власти, так и непривилегированным сословиям⁶⁴. Поэтому, можно сказать, что на смену противостояния хорватского «иллирского» дворянства венгерскому «хунгарскому» шло противоборство в целом хорватской (иллирской) элиты и венгерской как представителей своих политических наций.

Хорватские и славонские аграрии, помимо участия в политической деятельности напрямую, также организовывали общества и клубы, исходя из своих экономических интересов. Еще в 1770 г. по инициативе отдельных представителей сословий Хорватии и Славонии было создано Земледельческое общество (*Societas Agriculturae*), которое было взято под покровительство тогдашним баном графом Францем фон Надашди. Однако это общество в скором времени распалось «из-за недостатка любви к общему благу и коллективности»⁶⁵. И вот загребский епископ Юрай Гавлик в 1841 г. решил создать новое такое же общество, которое на момент 1845 г. насчитывало уже более 800 членов, причем их «значительную часть» составляли представители Военной границы и духовенства⁶⁶. Такой рост организации был связан с тем, что как в Хорватии и Славонии, так и на Военной границе важнейшей экономической отраслью было как раз сельское хозяйство, в котором была занята подавляющая часть населения. Постепенно общество превращалось помимо бизнес-клуба крупных аграриев также и в околополитическую площадку, где можно было решать экономические вопросы региона. Ориентация общества на местные, региональные интересы в политике сближало его с позицией народняков (иллиров) и

⁶³ Хаванова О.В. Нация – отечество – патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000. С. 8.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Agramer Zeitung. N 74. 1845. 13 IX.

⁶⁶ Ibidem.

сочувствовавшей ей части хорватско-славонского дворянства. Это же отталкивало от вступления в общество провенгерски настроенную знать. «*Agrarer Zeitung*», несмотря на сочувствие мадьяром, поддерживала вступление аграриев в Земледельческое общество и расширение кооперации на селе⁶⁷.

Следует заметить, что на первом заседании возрожденного хорватско-славонского земледельческого общества 24 ноября 1841 г. председательствовавший загребский епископ Ю. Гавлик положительно отметил рост национального самосознания, а также сказал «очень лестные слова о нашей Военной границе»⁶⁸. Тогда же был принят устав общества, предполагавший, что каждый может высказаться на том языке, на котором посчитает нужным, а протокол заседаний будет вестись на немецком и хорватском языках⁶⁹. Однако, несмотря на такую расположенность учредителя к национальному движению и граничарам, вскоре у общества возникли некоторые проблемы. Так, в октябре 1844 г. Центральный комитет хорватско-славонского земледельческого общества предостерегал своих членов с Военной границы о недопустимости неуплаты членских взносов, так как «без средств общество не может достичь своих целей»⁷⁰. Тогда как, было отмечено, что сами граничары-предприниматели, очевидно, из высшего офицерства (называются, например, капитаны), наоборот, стараются получить вспомоществования на ведение своего хозяйства от этого общества, периодически навещаясь в Загреб⁷¹. Это же заявление центрального комитета потом перепечатывалось еще в ряде номеров газеты.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Ibid. N 95. 1841. 27 XI.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibid. N 84. 1844. 19 X.

⁷¹ Ibidem.

В ходе сессии парламента в Пресбурге в 1825–1827 гг. было решено вводить венгерский язык в школах и администрации всех уровней для земель короны св. Иштвана. В Хорватии сословия в 1827 и 1830 гг. проголосовали за придание венгерскому языку статуса обязательного для гимназий. При этом в качестве официального языка делопроизводства они сохранили латынь, боясь потерять автономию в случае согласия на введение венгерского. Подобные опасения особенно возросли в 1830 г. после того, как на имперском рейхстаге Хорватию обозначили не как обычно в качестве «*regnum socium*» («союзное королевство») по отношению к Венгрии, а в виде «*partes adnexae*» («присоединенные части»)⁷².

И именно в 1830–1833 гг. иллиризм начал конституироваться в качестве ответа на такой вызов для Хорватии со стороны правительства и парламента Венгрии. В 1830 г. с программой реформы правописания выступил Л. Гай, изучавший право и философию в университетах Граца, Пешта и Лейпцига. В 1832 г. с политической программой «Диссертация» на политическую сцену вышел Я. Драшкович. Таким образом, делегат-венгр, с одной стороны, оказался прав, говоря, что за начало отсчета появления иллиризма в политике нужно брать 1830 или 1832 гг., что он относит к «делу д-ра Гая», которое «вышло на поверхность» с 1827 г. С такой датировкой согласен В.Д. Бешнитт, который в качестве идей, повлиявших на складывание иллиризма, называет не только «теории славистов» Я. Коллара и П.Й. Шафарика, что согласуется с позицией венгерских депутатов, но и идеи французской революции, немецкого романтизма, а также содержание славянской главы в книге «Мысли, относящиеся к философической истории человечества, по разумению и начертанию Гердера» (1829). А кроме того актуальные на 1830–1831 гг. процессы в Европе: «Июльскую революцию во Франции, восстания поляков и итальянцев, возникновение Бельгии,

⁷² *Beschmitt W.D. Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. S. 134.*

расширение автономии Сербии»⁷³. Как начальную точку отсчета своей «Истории иллиризма» 1830 год взял и современник этих событий немецкий историк В. Вахсмут. Однако надо иметь в виду, что иллиризм развивался к этому времени не только Л. Гаем – предпосылки для успеха начали закладываться еще раньше.

Видные представители иллиризма выступали в печати со своими программными текстами по различным вопросам этого национального движения. Так, до 1842 г. статьи писали И. Кукулевич, С. Млинарич, Ф. Жерявич. Общим посылом их работ были защита и восхваление иллирского языка и народности, а также размышления о месте иллиров в современной им политической обстановке.

Осенью 1842 г. одни из лидеров иллиризма Д. Раковец и Л. Вукотинович выступили с новыми программными заявлениями. В сентябре вышел памфлет Д. Раковца «Малый катехизис для больших людей», который был выстроен в форме вопросов и ответов и показывал основные различия между сторонниками иллиризма и провенгерской партией. «Малый катехизис» обобщал размышления главных деятелей иллирского национального движения и, по сути, являлся политической программой.

В целом посыл катехизиса был, скорее, рассчитан на интеллектуала, чем на простого обывателя. На первый вопрос, «какова причина сегодняшней распри между хорватами», автор отвечал, что «одна, не особо большая, часть хорватов, в основном состоящая из дворян, отрекшись от своей природной народности и языка, хочет навязать целому народу язык и народность венгерскую». Тогда как «другая, гораздо большая, часть хорватов защищает свою природную народность и язык славянский». Первых автор называет

⁷³ Ibid. S. 134–135.

«псевдомадьярской» партией, а вторых – иллирской партией⁷⁴. Здесь Раковец сразу обозначает численное и моральное превосходство иллиров над мадьяронами. Слово «псевдомадьяры» для обозначения мадьяронов автор объясняет во втором вопросе: так он обозначает тех, кто «имеют венгерские намерения, но не являются настоящими, по рождению, крови и языку мадьярами»⁷⁵. Важно, что Д. Раковец, обвиняя мадьяронов в непатриотичности, указывает, что они «стремятся омадьярить крестьян и везде ввести обычаи, привычки и одежду венгерские»⁷⁶. В этой фразе явственен национальный посыл: третьему сословию, которое иллиры считали своим, грозит изменение идентичности.

Следует отметить, что «непатриотичность», любовь к венгерской культуре, родственные связи с венграми и т. п. были лишь одной из причин, побуждавших «хорватов по крови» становиться сторонниками хорвато-венгерской (мадьяронской) партии. О второй причине Л. Гай написал в «Извещении и приглашении на подписку на первое полугодие 1843 г. девятого года “*Ilirske Narodne Novine*” и “*Danica ilirska*”». Так, по его словам, некоторые католики не желали поддерживать иллирское движение, так как опасались, что иллиры склоняют «римо-католиков» к принятию «греческой веры» (православия. – А.Д.)⁷⁷.

Была еще и третья причина, осмыслить которую пытались лидеры иллиризма в своих работах. Это приверженность части хорватских интеллектуалов кайкавскому наречию и нежелание принимать штокавщину в

⁷⁴ *Ilirske narodne novine*. N 72. 1842. 6 IX.

⁷⁵ *Ibidem*.

⁷⁶ *Ibidem*.

⁷⁷ *Ankündigung und Einladung zur Pränumeration für das erste Semester 1843 des neunten Jahrganges “Ilirske Narodne Novine“ (Illirische Nationalzeitung) und der “Danica ilirska” (Illirischer Morgenstern) // Wachsmuth W. Geschichte des Illyrismus oder des süd-slawischen Antagonismus gegen die Magyaren. Leipzig, 1849. S. 185.*

качестве литературного языка для хорватов. Например, И. Кристианович, хорватский епископ и духовник загребской семинарии в первой половине 1830-х годов был ярким противником иллиризма и не принимал штокавское наречие, поэтому писал на кайкавщине и делал на нее переводы с немецкого и латыни даже после Венского литературного соглашения 1850 г.⁷⁸

С третьей была тесно связана четвертая причина: желание называться привычным именем «хорваты», а не «иллиры». Так думали, в первую очередь, отдельные представители духовенства и дворянства, для которого самым главным было отстаивать муниципальные права королевств Хорватии и Славонии, а не менять идентичность на искусственную иллирскую или заниматься лингвистическими проблемами.

В подражание «Малому катехизису» в ноябре 1842 г. вышел памфлет Л. Вукотиновича «Иллирские вопросы», имеющий то же построение, что и брошюра Д. Раковца: вопросы и ответы. Однако необходимо отметить, что если Д. Раковец адресовал свой текст скорее интеллектуалам («большим людям»), то Л. Вукотинович в качестве целевой аудитории своего послания рассматривал скорее простой народ. Об этом говорит житейский характер вопросов его творения. Так, первый вопрос гласит, «нужно ли нам оставаться иллирами», ответ положительный, краткий и написан в разговорной форме; второй вопрос: «иллиризм – это хорошая вещь?»⁷⁹ Далее он простыми словами объяснял, что такое государство и почему людям оно нужно и т. д. В отличие от катехизиса Д. Раковца, где основное внимание уделяется языковому и территориальному вопросам, в брошюре Л. Вукотиновича

⁷⁸ Венское литературное соглашение – первый из двух договоров о единстве сербскохорватского языка, подписанный 28 мая 1850 года в Вене крупнейшими сербскими, хорватскими и одним словенским учеными. Его инициаторами были Вук Стефанович Караджич с сербской стороны и Людевит Гай с хорватской.

⁷⁹ *Pirske narodne novine*. N 90. 1842. 9 XI.

рассматриваются главным образом вопросы веры и преданности королю, что еще раз доказывает ее предназначение для простого народа.

Если мадяроны в основном следовали курсу правительства Венгрии и выступали за усиление интеграционных процессов двух королевств, то в «Малом катехизисе» Д. Раковец приводил пять основных политических требований, смысл которых сводится к защите народного языка и литературы, просвещения народа, а также к сохранению «неоскверненными» муниципальных прав как политического фундамента. При этом он выступал против двух пунктов программы мадяронов, по его мнению, заключавшихся в ассимиляции и национальном унижении иллирского народа⁸⁰.

1.2.4. «Венгерская Иллирия» и претензии Венгрии на Военную границу

В том же «Малом катехизисе» 1842 г. Д. Раковец задается вопросом, какое бы слово могло стать заменой названию «иллир», и сам предлагает как менее выразительное – «юго-западные славяне». Однако приоритет он отдает всё же «иллиру», хотя его и упрекают в том, что исторические иллиры не были предками славян. У автора катехизиса есть аргумент, что и этноним «русские» немецкого происхождения, но он помог объединить «северных славян»⁸¹. Важно, по мнению Д. Раковца, то, что в средневековых книгах сами венгры, «говоря о Далмации, Хорватии и Славонии вместе, давали этим королевствам название Иллирия», а в описании земель венгерского географа конца XVIII в. (1779) он нашел запись, что «Иллирия делится на венгерскую, венецианскую и турецкую». Причем, Д. Раковец считает, что под «венгерской Иллирией» следует понимать «королевства Славонию, Хорватию и Далмацию», а их язык географ определяет как «иллирский», что

⁸⁰ Ibid. N 73. 1842. 10 IX.

⁸¹ Pirske narodne novine. N 73. 1842. 10 IX.

значит «славянский»⁸². Таким образом, Д. Раковец географическое понятие «венгерская Иллирия» превратил в политический термин, означавший находившуюся в политической унии с Венгрией Хорватию в виде, по сути, триединого королевства, которое потом будет хорватской мечтой во второй половине XIX в. Такое определение было актуальным на фоне рассмотрения в венгерском парламенте формулы взаимоотношений Венгрии и Хорватии. Так, в том же 1842 г. Л. Кошут предложил в венгерском парламенте закон о переводе венгеро-хорватских отношений на основу «чисто персональной унии»⁸³.

Вместе с тем следует отметить, что Д. Раковец ясно отдавал себе отчет об искусственности понятий «Иллирия», «иллиры» – при сохранении всех различий между исторически сформировавшимися народностями. Так, он указывает на три причины, которые мешают «полному соединению всех иллиров» в одну нацию: различие имен (хорваты, сербы и словенцы), различие вероисповеданий (католики и православные) и различие письменности (латиница и кириллица)⁸⁴.

В начале 1840-х годов успехом иллиров в Хорватии озаботились уже не только хорватские мадяроны, выступавшие за сохранение статус-кво в отношениях Хорватии и Венгрии, но и сами венгры. Так, провенгерские делегаты от Хорватии в венгерском парламенте в 1844 г. предложили поставить цель: «разлучить иллирскую партию с хорватским народом, с которым нас соединяют исторические связи»⁸⁵. Уже сама цель мотивировала мадяронов бороться против иллиров их же оружием: исторической памятью. Согласно новой политике мадяронов, хорватам разрешалось

⁸² Ibidem.

⁸³ *Fónagy Z. Paralelnosti i konflikti u eri nacionalnog preporoda // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004. S. 206.*

⁸⁴ *Piirske narodne novine. N 72. 1842. 6 IX; N 73. 1842. 10 IX.*

⁸⁵ *Ibid. N 57. 1844. 17 VII.*

использовать свой язык у себя на родине, тогда как венгерский становился «дипломатическим языком» для общения с венгерским правительством, парламентом, административными и судебными органами⁸⁶. Кроме того, предполагалась активная поддержка провенгерских групп в Хорватии, при этом все хорваты именовались «братьями» и «братским народом» для венгров. Председатель парламента в конце заседания одобрил и утвердил новую тактику хорватских мадяронов. Таким образом, это заседание по выработке противодействия «панславизму и иллиризму» можно считать поворотным для политической борьбы провенгерских сил королевства Хорватии и Славонии.

Также в Государственном собрании венгерскими депутатами поднимался и вопрос принадлежности тех или иных частей Хорватской и Славонской границы. В мае 1844 г. в парламенте Венгрии решили выяснить, почему хорватский Карлштадт (Карловац) имеет право представлять Сень, входящий в Военную границу. Причем, половина депутатов от Карлштадта были именно представители Сени, которые ко всему прочему плохо знали венгерский⁸⁷. Следует отметить, что эти сеньцы от Карлштадта являлись единственными представителями Военной границы в венгерском парламенте.

Каких же взглядов придерживались депутаты венгерского парламента от города Сень? На заседании парламента 6 сентября 1844 г. обсуждался императорский закон об эмансипации евреев, предполагавший отмену особого «пакта толерантности» и делавший евреев полностью равноправными с не принадлежавшими к высшему сословию подданными. Принятие этого закона Венгрией автоматически распространяло его действие и на Хорватию со Славонией, но не на Военную границу, в силу ее особого

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Agramer Zeitung. N 37. 1844. 8 V.

управления из Вены. И именно депутаты от Карловаца потребовали распространения закона на территорию Военной границы, что не было в компетенции венгерских властей⁸⁸. Таким образом, представители Сень были не против подчинения Военной границы венгерским законам. Возможно, это диктовалось экономическими возможностями города, ограничивавшимися особым военным управлением.

Более решительно действовали венгерские представители на общеимперском уровне. Так, на заседании нижней палаты Рейхстага (палаты сословий) 17 сентября 1844 г. военные коммуны Сень и Карлобаг, входящие в состав Хорватской военной границы, было решено подчинить суду города Фиуме (Риеки), т. е. хорватско-венгерской судебной инстанции⁸⁹. В ноябре того же 1844 г. на уровне верхней палаты Рейхстага (палаты магнатов) не прошел финансовый закон, предложенный венграми. В качестве обоснования своей позиции магнаты указали на «протест в полках [имеется в виду Военной границы. – *А.Д.*] аудиторов, а в общинах синдиков», в связи с чем закон требовал дополнительного обсуждения⁹⁰. Суть закона сводилась к расширению финансовой независимости Венгрии от Австрии и предполагал введение особой должности ответственного за финансы, как указывали авторы закона, по типу аналогичной в наследственных землях. Но почему недовольство таким законом охватило именно Военную границу, никак не подчинявшуюся Венгрии? Закон представлял собой переработку более раннего от 1840 г. (№ 25), но с включением в текст, помимо новых финансовых деталей, также формулировки о Военной границе как «интегрированной части Венгрии»⁹¹. Видимо, уступки по Сению и Карлобагу венгры постарались использовать для более решительного наступления в

⁸⁸ Ibid. N 77. 1844. 25 IX.

⁸⁹ Ibid. N 78. 1844. 28 IX.

⁹⁰ Ibid. N 91. 1844. 13 XI.

⁹¹ Ibidem.

территориальном вопросе. Интересно, что, во-первых, этот закон после ряда дискуссий успешно был принят нижней палатой, а во-вторых, одновременно венгерские власти добивались того, чтобы на территории Венгрии офицерский состав был укомплектован исключительно уроженцами королевства. Таким образом, наступление шло сразу по трем направлениям: финансовому, военному (шаг к созданию собственной армии) и подспудно территориальному расширению. После возврата на обсуждение в нижнюю палату парламента ее венгерские депутаты подали ходатайство лично императору о принятии закона в обход верхней палаты, но оно не имело успеха.

Тем не менее, на таком фоне в империи, когда венгерские власти всё больше пытались реализовать свои амбиции в хорватско-славонском регионе, успех мог сопутствовать мадьяронам лишь в случае плохого отношения к иллирам со стороны хорватских властей. Но епископ загребский уже высказывал естественность поддержки иллиров, а столичный жупан вообще носил красный иллирский колпак в знак солидарности с движением.

Однако в самом иллиризме продолжались дискуссии о векторе развития, хотя главная цель была достигнута: у хорватов появилось мощное национальное движение⁹². Чтобы убедиться, что иллиризм в основе оставался именно хорватской идеей, нужно проследить эволюцию новостных изданий главного его идеолога Л. Гая. В 1835 г. это «*Novine horvatzke*» с приложением «*Danicza horvatzka, slavonzka y dalmatinzka*» («Хорватская, славонская и далматинская заря»), выходящие на кайкавщине. Тут в центре внимания находилась именно кайкавская Хорватия. В следующем 1836 г., усиливая мотив иллиризма, Л. Гай меняет название своей газеты на «*Ilirske narodne novine*» («Иллирская народная газета») и печатает ее на штокавщине, а приложение к газете теперь называется «*Danica Ilirska*». Этот печатный

⁹² Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. М., 2018. № 1. С. 55–69.

орган формирует у читателей представление о большом иллирском народе южных славян, авторы статей и творческих зарисовок именуют себя иллирами и т. д. При этом наибольшее внимание уделяется именно осознанию единства Хорватии, Далмации и Славонии. Когда в 1843 г. император пошел на уступки венграм и запретил название «иллиры», то оказалось, что семь лет развития иллиризма не прошли даром. Теперь Л. Гай издавал «*Narodne novine*» с приложением «*Danica horvatska, slavonska i dalmatinska*», т.е. возвратился к названию 1835 г., но уже на штокавщине, и адресуется именно к народу Хорватии, Славонии и Далмации.

В такой ситуации нет ничего странного, что сформулированная в 1842 г. Д. Раковецем идея о «венгерской Иллирии» оказалась живучей. Тем более при бане-мадьяроне Ф. Галлере в 1843 г. наименование «иллиры», как уже говорилось выше, было запрещено, а в 1845 г. вообще произошли кровавые столкновения между сторонниками иллиризма и мадьяронами в Загребе, что вынудило бана подать в отставку. В этих условиях находившийся в эмиграции в Белграде и издававший там запрещенную австрийскими властями газету «*Branislav*»⁹³ словак и иллир Б. Шулек развил идею Д. Раковца. В 1844 г. в брошюре «Каковы намерения иллиров?» он предложил объединяться хорватам и славонцам против общей угрозы – венгров – и до конца отстаивать свои муниципальные права. В территориальном смысле Б. Шулек видел «венгерскую Иллирию» как Хорватию, Славонию, Далмацию, Военную границу и северо-западную Боснию («турецкая Хорватия» или «турецкая Граница»). Причем, Далмацию необходимо было присоединить к королевству Хорватии и Славонии. Следует отметить, что слова Б. Шулека о северо-западной Боснии имели под собой обоснование. Так, в 1837 г. глава Боснийского пашалыка Мехмед-паша

⁹³ Šurmin Đ. Hrvatske novine u Beogradu 1844 godine // Srpski književni glasnik. XXVII/11. Beograd, 1911. S. 827–835; Šidak J. O uredniku i značenju ilirskog “Branislava” (1844–45) // Historijski zbornik. XIV. Zagreb, 1961. S. 75–87.

написал жалобу хорватскому бану и главнокомандующему Военной границы по поводу влияния идей Л. Гая среди боснийского населения⁹⁴.

Если борьбу иллиров и мадяронов рассматривать как противостояние идеи «большой (штокавской) Хорватии» и «малой (кайкавской) Хорватии», то мадяроны одержали верх. Ведь они призывали вернуться в 1835 год, отрицая путь национального строительства, проделанный иллирами к середине 1840-х годов. А на это как раз и вынуждены были пойти иллиры из-за запретов властей и требований венгров: Л. Гай вернул прежние названия газет, где не было слова «иллир», а Б. Шулек возродил, по сути, программу территориального объединения Я. Драшковича 1832 г., являвшуюся порождением хорватского высшего сословия.

Однако иллирам удалось через мега-идею сформировать суверенную нацию королевства Хорватии и Славонии уже к 1848 г., т. е. к моменту первой битвы наций в монархии Габсбургов. Это доказывает то, что в 1847 г. хорватский сабор (ландтаг) перешел с латыни на хорватский язык, причем, в его штокавском варианте. Поэтому здесь можно согласиться с немецким историком В. Кесслером. В отличие от чешского исследователя М. Гроха, относившего складывание хорватской нации к рубежу XIX–XX вв., он признает победу уже к середине 1840-х годов «политического хорватизма» и формирование к 1848 г. «хорватско-славонской нации»⁹⁵. Отсюда и претензии Венгрии на Военную границу уже не были угрозой самому формированию хорватской и сербской наций, так как граничары говорили в основном на том же языке, что и жители соседних с ними земель королевства Хорватии и Славонии, а также Южной Венгрии, и поэтому рассматривались

⁹⁴ *Wachsmuth W.* Geschichte des Illyrismus. S. 175.

⁹⁵ *Kessler W.* Vom Recht der Stände zum «kroatischen Staatsrecht» // Reiche und Territorien in Ostmitteleuropa. Historische Beziehungen und politische Herrschaftslegitimation. Oldenbourg, 2006. Bd. 2. S. 384.

деятелями народного движения (народняками) южных славян Габсбургской монархии как часть именно их общности и среды.

Следует подчеркнуть, что в отношении будущего Хорватско-славонской военной границы как иллирская политическая модель, так и унионистская (мадьяронская) предполагали одну и ту же конечную цель: демилитаризацию Границы и ее инкорпорацию в Венгеро-хорватское королевство. Однако в основе иллирской модели лежала руссоистская идея о праве народов на самоопределение, таким образом, и граничары рассматривались как часть общей «иллирской нации», а следовательно, должны были воссоединиться с остальным народом путем унификации территориального законодательства и уничтожения отделяющих их от Хорватии и Славонии административных границ. Унионистская политическая модель опиралась на исторические права хорватской и славонской земельной знати на территории Военной границы.

1.3. Военная граница и королевство Хорватии и Славонии в период революционных процессов и режима неабсолютизма (1848–1850-е годы)

1.3.1. Революция в Австрийской империи и участие в ней граничар

1848 год для Габсбургской монархии стал переломным. Австрийскую империю затронули начавшиеся во Франции революционные процессы. В центре были вопросы равноправия перед законом (удар по сословному делению общества) и национального суверенитета, прямо выходящий из первого вопроса. Эти две проблемы решались разными методами, зачастую одновременно. Во-первых, путем политической борьбы и противостояния между уже существовавшими к 1848 г. представительными органами, с одной стороны, и центральной властью в лице монарха и органов исполнительной власти – с другой. Во-вторых, политическая борьба выходила на улицы, а лидеры и вдохновители массовых акций в качестве

инструментов по реализации своих целей использовали спектр от мирного протеста (шествий, забастовок и т. п.) до вооруженных столкновений с силами своих противников.

Из всех земель монархии Габсбургов своим собственным национальным суверенитетом к 1848 г. обладали лишь две территории – королевство Венгрия и королевство Хорватии и Славонии. При этом Хорватия и Славония состояли в политической унии с 1102 г. с Венгерским королевством. Оба государственных образования имели как собственную исполнительную власть (палатин в Венгрии и бан в Хорватии), так и законодательную (государственное собрание и сабор, соответственно). Таким образом, лишь у венгров (мадьяр) и хорватов были свои национальные территориальные единицы, тогда как остальные народы Австрийской империи таковыми не обладали. Этот фактор повлиял на особенности развития конфликта «центр – окраины» и ход гражданской войны⁹⁶.

Сам запрет названия «иллир» со стороны имперских властей не смог воспрепятствовать успехам, которых добилась Народная партия при получении мест в комитатских (жупанских) и городских органах власти. В 1845 г., уже имея достаточно мандатов в саборе, народняки добились

⁹⁶ *Stančić N.* Godina 1848. u Hrvatskoj, središnje državne institucije u transformaciji. Zagreb, 2010; *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848.–1849. Zagreb, 1979; *Gergely A.* Das staatsrechtliche Problem im Jahre 1848 // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 89–100; *Valentić M.* Vojna krajina u događajima 1848./49. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 111–122; *Buczynski A.* Trojna zapovjedna podređenost Vojne krajine 1848. godine // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 123–134; *Potrebica F.* Ban Josip Jelačić i narodni pokret u Slavoniji tijekom ljeta 1848. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 167–182; *Авербух Р.А.* Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970. См. также главу «Хорваты и сербы в революции 1848–1849 гг.» авторства И.В. Чуркиной в книге «Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии» (М., 2001).

принятия закона, позволявшего сгладить государственно-правовые уступки 1790 г., а в 1847 г. сабор официально перешел на хорватский язык.

В 1845 г. в отставку ушел бан Франьо Галлер⁹⁷. Полномочия перешли к епископу Юраю Гавлику. В октябре 1847 г. состоялось последнее заседание хорватского сабора, и он прекратил работу. Начало работать Государственное собрание Венгрии. В марте 1848 г. все высшие хорватские чиновники, а также епископ Ю. Гавлик находились в Пресбурге/Пожони на заседаниях венгерского Госсобрания⁹⁸. В связи с этим одним из первых требований хорватского движения 1848 г. стал созыв собственно хорватского сабора как единственного легитимного выразителя интересов хорватских сословий, а вторым требованием стало избрание нового бана⁹⁹.

События 13–15 марта 1848 г. в Вене и переход венгерских политиков к решительным действиям в направлении расширения автономии Венгрии требовали быстрые действия и от Загреба¹⁰⁰. 17 марта 1848 г. на заседании заградской городской администрации было принято решение об отправке делегации во главе с И. Кукулевичем к императору с требованием созыва нового сабора¹⁰¹. 25 марта на Великой народной скупщине в Загребе были приняты «Требования народа», основным из которых было избрание Йосипа

⁹⁷ Жестокие столкновения, случившиеся при нем в 1845 г. между иллирами и мадяронами, годы спустя нашли отражение на страницах газет. См.: Neues Fremden-Blatt. N 176. 1865. 6 XI; Agramer Zeitung. N 119. 1897. 25 V.

⁹⁸ 1848. ožujak 22. Bratislava. – Biskup Juraj Haulik kralju Ferdinandu: prijedlog za imenovanje bana // Hrvatski državni sabor 1848. Zagreb, 2001. Knj. I. S. 91.

⁹⁹ 848. ožujak 22. Zagreb. – Želje naroda (iskazane u 22 točke), donesene na velikoj narodnoj skupštini grada Zagreba // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 95.

¹⁰⁰ Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979; Stančić N. Das Jahr 1848 in Kroatien: unvollendete Revolution und nationale integration // Südost-Forschungen, 1998. N 57. S. 103–128.

¹⁰¹ 1848. ožujak 17. Zagreb. – Predstavka grada Zagreba kralju Ferdinandu // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 74.

Елачича баном Хорватии¹⁰². Благодаря стараниям Л. Гая и Франьо Кулмера при Дворе и во взаимодействии с эрцгерцогом Иоганном в Граце удалось добиться одобрения 22 марта этой кандидатуры имперской Государственной конференцией, которая фактически управляла страной при недееспособном императоре Фердинанде I (1835–1848 гг.)¹⁰³. Уже 23 марта вышел императорский декрет о назначении Й. Елачича хорватским баном¹⁰⁴.

Процедура утверждения кандидатуры хорватского бана Государственной конференцией в обход венгерских органов власти создавала прецедент прямого управления королевством Хорватии и Славонии из Вены и не могла понравиться венгерским политикам. Хотя Й. Елачич присягнул императору 8 апреля 1848 г. и получил под свое управление помимо гражданской Хорватии и Славонии еще и Хорватско-славонскую военную границу, сменив главнокомандующего Андреаса Ауэрсперга¹⁰⁵, управителем Славонской военной границы по настоянию венгров остался генерал Иоганн Храбовский, который, благодаря поддержке им венгерских устремлений к автономии, получил контроль и над гражданской Славонией. Резиденцией генерала остался Петроварадин. Таким образом, венгры пытались всеми силами политически нейтрализовать неподконтрольного им бана Й. Елачича, забрав у него управление над важной для Венгрии Славонией. Имперский центр не мог воспрепятствовать венграм в полной мере и делал уступки в

¹⁰² 1848. ožujak 25. Zagreb. – Zahtijevanja naroda // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 115.

¹⁰³ *Valentić M.* Vojna krajina u događajima 1848./49. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 1998. S. 113.

¹⁰⁴ 1848. ožujak 23. Beč. – Ručno pismo kralja Ferdinanda banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 103; 1848. ožujak 23. Beč. – Kralj Ferdinand I. staležima i redovima Kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 107.

¹⁰⁵ *Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske.* N 34. 1848. 13 IV.

связи со сложной обстановкой в империи, связанной с множеством вызовов от региональных элит, стремившихся одновременно добиться внимания к себе и реализации своих интересов.

23 марта епископ Ю. Гавлик получил императорское письмо, в котором его просили самостоятельно договориться с баном Й. Елачичем о дате созыва сабора¹⁰⁶. 25 марта императором были получены требования загребской народной скупщины¹⁰⁷. Однако на заседании 1 и 2 апреля Государственная конференция в Вене признала лишь сам сабор единственным легитимным представительным органом Хорватии и Славонии, тогда как скупщина была признана «неуполномоченным собранием»¹⁰⁸. Тогда же, 2 апреля, уполномоченным за созыв сабора стал венгерский подканцлер в Вене Ласло Сёдени, которому вместо Й. Елачича вменялось согласовать с венгерским палатином Степаном и Ю. Гавликом дату созыва сабора¹⁰⁹. Об этом изменении был уведомлен и Ю. Гавлик¹¹⁰. Однако 4 марта, в связи с предстоящей инаугурацией Й. Елачича, Ю. Гавлик покинул пост королевского поверенного¹¹¹. Таким образом, с хорватской стороны уже никто не отвечал за созыв сабора. 11 апреля, когда весь Загреб был украшен

¹⁰⁶ 1848. ožujak 23. Beč. – Kralj Ferdinand I. biskupu Jurju Hauliku // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 105.

¹⁰⁷ 1848. ožujak 25. Zagreb. – Zahtijevanja naroda // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 115.

¹⁰⁸ 1848. travanj 1. Beč. – Državna konferencija u Beču o molbama hrvatske deputacije // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 132.

¹⁰⁹ 1848. travanj 3. Beč. – Potkancelar Ladislav Szögyény biskupu Jurju Hauliku // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 137.

¹¹⁰ 1848. travanj 2. Beč. – Kralj Ferdinand I. biskupu Jurju Hauliku // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 136.

¹¹¹ 1848. travanj 4. Beč. – Biskup Juraj Haulik kralju Ferdinandu I. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 140. 1848. travanj 4. Beč. – Biskup Juraj Haulik potkancelaru Ladislavu Szögyényju // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 141.

хорватскими триколорами по случаю назначения королем Фердинандом баном Й. Елачича и принятия депутации с «Требованиями народа» в Вене¹¹², император подтвердил мартовские законы Государственного собрания Венгрии, а все полномочия Венгерской придворной канцелярии в Вене были переданы венгерскому правительству и палатину, в том числе и право созыва хорватского сабора¹¹³.

Венгерские власти считали, что мартовские законы обязательны для всей территории королевства, в том числе и для автономных Хорватии и Славонии, поэтому разослали местным администрациям этих территорий соответствующие циркуляры¹¹⁴. Но в Загребе их воспринимали не как обязательные к исполнению, а лишь как рекомендации¹¹⁵. Бан Й. Елачич вообще не признавал власть венгерского королевского наместника палатина и правительства над Хорватией и Славонией, поэтому не собирался с ними решать вопрос созыва хорватского сабора, проигнорировав приглашения как в Пресбург/Пожонь, так и в Пешт после своей инаугурации¹¹⁶. Своим советником он сделал лидера народняков Л. Гая¹¹⁷, а 25 апреля разослал жупаниям и городским магистратам вверенной ему территории циркуляр, в котором запрещал выполнять чьи-либо указы, кроме его собственных, как «поставленного Е.К.В. верховным правителем страны»¹¹⁸.

¹¹² Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 33. 1848. 11 IV.

¹¹³ Städtische Preßburger Zeitung. N 48. 1848. 14 IV.

¹¹⁴ 1848. travanj 20. Budim. – Palatin Stjepan banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 159.

¹¹⁵ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 38. 1848. 22 IV.

¹¹⁶ Ibid. N 39. 1848. 25 IV; 1848. travanj (25) Zagreb. – Proglas bana Josipa Jelačića narodu u povodu imenovanja banom Trojedne kraljevine i zapovjednikom vojske u hrvatskoj Vojnoj krajini // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 170.

¹¹⁷ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 38. 1848. 22 IV.

¹¹⁸ Ibid. N 39. 1848. 25 IV; 1848. travanj 25. Zagreb. – Proglas bana Josipa Jelačića hrvatsko-slavonskim oblastima // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 168.

С этого момента Й. Елачич действует совсем самостоятельно, поручив подготовку созыва сабора Банскому совету, на заседаниях которого 8 и 11 мая был принят избирательный порядок¹¹⁹. Его одобрил бан и уже 13 мая разослал на места циркуляр «О созыве и представительстве Сабора Королевств Далмации, Хорватии и Славонии», который предполагал открытие сабора 5 июня¹²⁰. Однако уже 6 и 7 мая Й. Елачичу пришли императорские предписания из Вены о необходимости подчинения венгерским властям¹²¹. Одновременно палатин получил распоряжение императора о назначении королевского уполномоченного (комиссара) для подавления «сепаратистских настроений», мешающих «правовому единству» Хорватии и Венгрии, а также целостности всей Монархии¹²². Важным для судьбы Военной границы стало распоряжение императора от 7 мая 1848 г., согласно которому на основе мартовских законов Государственного собрания в ведение венгерских властей передавались не только все военные дела самой Венгрии и Хорватии, но и вся Военная граница¹²³. Таким образом, впервые с момента образования в 1578 г. Граница оказалась под управлением Венгрии, что, конечно, стало одним из важных достижений венгерских политиков.

¹¹⁹ 1848. svibanj 8.–11. Zagreb. – Naredba o pozivanju i zastupanju na Saboru Trojedne kraljevine // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 225.

¹²⁰ 1848. svibanj 13. Zagreb. – Poziv bana Josipa Jelačića hrvatsko-slavonskim oblastima da izaberu zastupnike za Sabor koji će se održati 5. lipnja 1848. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 247.

¹²¹ 1848. svibanj 6. Beč. – Kralj Ferdinand I. banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 219.

¹²² 1848. svibanj 6. Beč. – Kralj Ferdinand I. palatinu nadvojvodi Stjepanu // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 218.

¹²³ 1848. svibanj 7. Beč. – Kralj Ferdinand I. banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 220.

После того, как бан Елачич так и не прибыл на переговоры в Пешт в установленный ему палатином срок (до 10 мая), правительство Венгрии назначило 11 мая королевского комиссара для Хорватии, Славонии и Хорватско-славонской военной границы, которым стал генерал И. Храбовский¹²⁴. Таким образом, с помощью имперских властей венгры смогли реализовать свою идею о политической нейтрализации бана Й. Елачича, поставив его под контроль своего ставленника. Также циркуляры палатина жупаниям и городским магистратам Хорватии и Славонии от 10 и 11 мая объявляли все прежние распоряжения хорватского бана незаконными и оповещали о переподчинении всех местных администраций королевскому комиссару¹²⁵. В конце мая генерал И. Храбовский вместе с представителями венгерского правительства решил прибыть в Загреб из своей ставки в Петроварадине¹²⁶. Однако Й. Елачич решил его упредить и 27 мая добился встречи с королевским комиссаром в селе Градец Крижевацкой жупании, где договорился с генералом, что тот не будет въезжать в Загреб и останется в Петроварадине¹²⁷.

Еще ранее, 22 мая, И. Храбовский запретил жупаниям и городам Хорватии и Славонии участвовать в выборах сабора¹²⁸. 29 мая император подписал письмо Й. Елачичу, запрещавшее созыв сабора и требовавшее от

¹²⁴ 1848. svibanj 11. Budimpešta. – Nadvojvoda palatin Stjepan generalu Ivanu Hrabovskome // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 241.

¹²⁵ 1848. svibanj 10. Budimpešta. – Nadvojvoda palatin Stjepan Virovitičkoj županiji i ostalim oblastima // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 230; 1848. svibanj 11. Budimpešta. – Palatin Stjepan banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 232.

¹²⁶ Wiener Zeitung. N 150. 1848. 30 V.

¹²⁷ Ibidem.

¹²⁸ 1848. svibanj 22. Petrovaradin. – Ivan Hrabovski Požeškoj županiji // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 304; 1848. svibanj 24. Požega. – Požeška županija banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 307.

него прибыть ко Двору и объяснить свои действия¹²⁹. В то время императорский двор находился в эвакуации в Инсбруке в связи с народными волнениями в Вене. Оттуда письмо дошло до Загреба лишь 2 июня. Й. Елачич сразу по получении зачитал его перед банским советом, члены которого выразили поддержку своему бану и отклонили требования императора¹³⁰. Сам Й. Елачич написал в ответ в Инсбрук, что не может прибыть ко двору из-за волнений в Хорватии, а банский совет обещал применить оружие против бана в случае его отъезда¹³¹. По поводу созыва сабора он объяснял императору, что это будет лишь на благо подданным, которые смогут открыто выразить свое мнение, т. е. реализовать права, дарованные самим же монархом¹³². Таким образом, хорватский бан при поддержке своего совета взял на себя смелость пойти на политическое противостояние не только с венгерскими, но даже с имперскими властями.

Однако это было противодействие одной и той же силе – устремлениям венгерских властей, которым Двору тогда приходилось идти на уступки ради сохранения хотя бы единой имперской армии для ведения войны против Пьемонта и итальянских ирредентистов на юго-западе страны. Поэтому Й. Елачич решил просто объяснить имперскому правительству законность отстаиваемых им прав Хорватии и Славонии¹³³. Банский совет в письме императору сослался на изданный протонотарием Йосипом Кушевичем в

¹²⁹ 1848. svibanj 29. Innsbruck. – Kralj Ferdinand I. banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 321.

¹³⁰ 1848. lipanj 2. Zagreb. – Banska konferencija banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 324.

¹³¹ 1848. lipanj 2. Zagreb. – Ban Josip Jelačić kralju Ferdinandu I. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 328.

¹³² Ibidem.

¹³³ 1848. lipanj 2. Zagreb. – Ban Josip Jelačić kralju Ferdinandu I. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 328.

1830 г. первый перечень хорватских муниципальных прав, согласно которому парламент Венгрии признавал за сабором право решения вопросов, касающихся хорватских муниципальных прав¹³⁴. В 1791 г. сразу после получения от хорватских властей части их автономных прав венгерский парламент принял поправку, которая делала возможным созыв сабора только после одобрения императора. Однако сам хорватский сабор отклонил эту поправку, и она так и не вступила в силу для Хорватии и Славонии¹³⁵.

В итоге послание в Инсбрук получилось юридически противоречивое, так как, с одной стороны, в нем признавалось незаконным само вмешательство императора в процедуру выборов и начала работы сабора, с другой, монарху напоминалось, что он сам несколькими месяцами ранее приказал королевскому поверенному Ю. Гавлику определить день открытия сабора. Таким образом, хорватское правительство привело все возможные аргументы, чтобы отстоять право на созыв сабора. Здесь важно отметить то, что бан и его совет, несмотря на апелляцию к совместному венгеро-хорватскому законодательству, по факту взяли курс на прямое решение всех вопросов с императором как королем Хорватии и Славонии или номинального Триединного королевства Далмации, Хорватии и Славонии, тем самым нарушив иерархию, в которой прежде обязательной вышестоящей ступенью были венгерские власти, а монарх рассматривался преимущественно в качестве венгерского короля. Сам же народ Хорватии и Славонии в письме императору от 2 июня фигурирует уже как «свободный и конституционный»¹³⁶. Поэтому эту дату, 2 июня 1848 г., на наш взгляд,

¹³⁴ 1848. lipanj 2. Zagreb. – Banska konferencija banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 324.

¹³⁵ 1848. lipanj 2. Zagreb. – Banska konferencija banu Josipu Jelačiću // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 324.

¹³⁶ 1848. lipanj 2. Zagreb. – Ban Josip Jelačić kralju Ferdinandu I. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 328.

можно считать днем национальной революции для Хорватии и Славонии, когда правительством и его главой баном были признаны основные идеи загребской Народной скупщины 25 марта.

Уже 3 июня, когда это письмо из Загреба еще не пришло в Инсбрук, вышло новое распоряжение императора о запрете сабора и указание И. Храбовскому не давать депутатам собраться¹³⁷. Кроме того, королевскому комиссару вменялось лишить Й. Елачича всех полномочий и начать против него судебное разбирательство¹³⁸. Но у генерала к тому моменту появилось много других дел: начиналось сербское восстание в Южной Венгрии.

Таким образом, все-таки открывшийся 5 июня хорватский сабор оказался лишенным легитимности как для имперских, так и для венгерских властей. Даже сам бан, не сложивший полномочий, действовал вне закона. Свою присягу перед сабором и народом он решил принести перед таким же самозванным для императорского двора и Пешта «патриархом сербским» Йосипом Раяичем¹³⁹. Последний был сремско-карловицким митрополитом, провозглашенным патриархом на Майской скупщине сербов Габсбургской монархии. Само решение принимать присягу перед православным иерархом Й. Елачичу, по-видимому, было подсказано ориентировавшимися на союз с сербами хорватскими народняками, ближайшими сторонниками Л. Гая, входившими в команду этого советника бана¹⁴⁰. Сам лидер совсем недавно трансформировавшейся иллирской идеи находился в Вене и готовил для подачи императору текст решений загребской Народной скупщины,

¹³⁷ 1848. lipanj 3. Innsbruck. – Kralj Ferdinand I. Ivanu Hrabovskome // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 330.

¹³⁸ 1848. lipanj 3. Innsbruck. – Kralj Ferdinand I. Ivanu Hrabovskome // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 330.

¹³⁹ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 56. 1848. 3 VI.

¹⁴⁰ Такое предположение, в частности, высказывалось в «*Preßburger Zeitung*». См.: *Preßburger Zeitung*. N 69. 1848. 5 VI.

собиравшейся 25 марта¹⁴¹. Союз с сербами поддерживался не только сторонниками Народной партии, но и был необходим тактически, что понимали в хорватском правительстве: хорватско-сербский союз и, шире, объединение всех южных славян Монархии, католиков и православных, помогло бы по максимуму задействовать людские ресурсы всех населенных южными славянами регионов Австрийской империи, особенно Военной границы, в возможном вооруженном противостоянии с венграми. Сам патриарх Й. Раячич до последнего пытался как-нибудь избежать сей чести, которой его обязали хорваты, но всё же присяга перед католическим крестом с повторением слов клятвы за сербским иерархом для Й. Елачича состоялась¹⁴².

Первое заседание сабора длилось с 6 по 12 июня, а 10 июня император подписал отставку Й. Елачича со всех должностей, тем самым признав легитимной лишь власть королевского комиссара И. Храбовского над Хорватией, Славонией и Хорватско-славонской военной границей¹⁴³. Тем временем сам королевский комиссар приступил к осаде мятежных Сремских Карловиц на Военной границе. Начало работы незаконного хорватского сабора пришлось на период деятельности Славянского конгресса в Праге, на котором присутствовала и хорватская делегация¹⁴⁴. Однако уже в начале июня в Прагу для подавления вспыхнувших беспорядков прибыл с войсками генерал Виндишгрец.

¹⁴¹ Ibid. N 70. 1848. 7 VI.

¹⁴² Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 57. 1848. 6 VI.

¹⁴³ 1848. lipanj 10. Innsbruck. – Kralj Ferdinand I. Hrvatima i Slavoncima // Hrvatski državni sabor 1848. Zagreb, 2007. Knj. II. S. 93; 1848. lipanj 10. Innsbruck. – Kralj Ferdinand I. krajišnicima // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. II. S. 100.

¹⁴⁴ 1848. lipanj 7. Zagreb. – Vjerodajnice poslanicima na Slavenski kongres u Pragu // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. II. S. 77.

Использование имперскими и венгерскими властями армии против центров региональных элит, а не только против ирредентистского движения итальянцев на юге империи подтолкнули хорватское правительство и бана к обретению опоры в данной ситуации и в столице. В сложившейся обстановке было необходимо заручиться поддержкой императора и Двора для возможности законного удержания власти, иначе в Загреб могли нагрянуть либо имперские, либо венгерские войска. 10 июня министр-председатель Венгрии Л. Баттяни объявил об императорском указе арестовать Й. Елачича за самоуправство¹⁴⁵. Потерявший легитимность бан 12 июня отправился в Инсбрук, где был принят лично императором только 19 июня, но не как бан, а всего лишь как частное лицо¹⁴⁶. На обратном пути в Загреб 20 июня Й. Елачич узнал, что венгерские власти передали управление Хорватией и Славонией королевскому наместнику И. Храбовскому¹⁴⁷, и поспешил обратно в Инсбрук, где он мог находиться в безопасности¹⁴⁸. Тем временем сабор никто не разгонял, и он продолжал работу, даже лишенный легитимности в империи. После того как мятежный бан Й. Елачич оказался, фактически, выданным из Хорватии, венгерским властям оставался всего один шаг до подавления хорватской антивенгерской революции: достаточно было занять Загреб и разогнать нелегитимный сабор. Однако этого шага не дали им сделать сербы, продолжавшие на юге Венгрии вооруженную борьбу за свои права.

¹⁴⁵ Klagenfurter Zeitung. N 61. 1848. 25 VI.

¹⁴⁶ 1848. lipanj 11. Zagreb. – Ban Jelačić kralju Ferdinandu I. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. II. S. 103; 1848. lipanj 19. Innsbruck. – Hrvatsko izaslanstvo kralju Ferdinandu I. // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. II. S. 116.

¹⁴⁷ Klagenfurter Zeitung. N 61. 1848. 25 VI.

¹⁴⁸ 1848. lipanj 25. Zagreb. – Proglas Upravljučeg odbora Sabora o razlozima nedolaska bana u Zagreb // Hrvatski državni sabor 1848. Zagreb, 2007. Knj. II. S. 132.

Дальнейшему изменению ситуации способствовал перелом в ходе австро-сардинской войны. Победа при Кустоцце позволила Двору ликвидировать опасность на юге и заняться венгерскими проблемами.

1.3.2. Место Военной границы в правовых отношениях Хорватии и Венгрии в период революционных событий 1848–1849 годов и в 1850-е годы

Ключевым моментом в правовых взаимоотношениях Хорватии и Венгрии в период революции 1848–1849 гг. был статус представительных органов в глазах имперского центра и Пешта¹⁴⁹. Основной целью мартовских законов королевства Венгрия в территориальной сфере была максимальная интеграция земель короны св. Иштвана в собственно венгерское юридическое пространство, другими словами, максимальное лишение автономии как Трансильвании, так и королевства Хорватии и Славонии.

Согласно мартовским законам, статус хорватского сабора был понижен от парламента автономного королевства до обычного земельного ландтага лишь трех собственно хорватских жупаний, тогда как трем славонским жупаниям было отказано в представительстве – своих делегатов они должны были посылать напрямую в Государственное собрание¹⁵⁰. Следует заметить, что впервые венгерское законодательство распространилось и на Военную

¹⁴⁹ *Mijatović A.* Hrvatsko-mađarski rat g. 1848./1849. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 135–148; *Šokčević D.* Slika mađara u Hrvata i Hrvata u mađara 1848. godine // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 315–330; *Jareb M.* Hrvatsko-mađarski odnosi 1848. godine u svjetlu hrvatskog tiska – državni status Trojedne kraljevine prema kraljevini Ugarskoj // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 331–350; *Желички Ч.Б.* Попытки межнационального примирения в период венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. // Центральная Европа в новое и новейшее время (Сборник к 70-летию Т.М. Исламова) / отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 124–136.

¹⁵⁰ *Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske.* N 24. 1848. 22 III.

границу¹⁵¹, к чему, как уже отмечалось выше, венгерские власти стремились еще в конце Предмартовского периода, накануне революционных событий 1848 г. Все полки Хорватско-славонской границы должны были посылать своих представителей также в венгерский парламент¹⁵². Таким образом, даже Военная граница оказалась интегрирована под власть Венгрии, и тем самым была оспорена исключительность власти над ней императора и имперского Военного министерства. Утверждение мартовских законов императором впервые создало прецедент венгерского вмешательства в дела управления Военной границей. Причем, назначение в качестве королевского комиссара И. Храбовского говорило о желании объединения управления Хорватией, Славонией и Хорватско-славонской военной границей в одних руках как единого региона Венгрии. Хотя особый правовой статус, как замечено выше, был позволен лишь Хорватии, без Славонии, Границы и тем более Далмации.

Сам же хорватский сабор, созванный баном Й. Елачичем, позиционировал себя как парламент Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии, имевший равный статус с венгерским Государственным собранием и претендовавший на представительство всех исторических хорватских земель¹⁵³.

Также неоднозначным был и спектр представляемых парламентом страт общества. Политические сдвиги 1848 г. привели к изменению сущностных представительских функций парламентов как Венгрии, так и Хорватии и Славонии. Если в начале года это были еще сословно-представительные органы, то к концу года они трансформировались в общенациональные парламенты, выражавшие интересы не отдельных сословий, а всего народа. Правда, изменившие статус своего парламента в марте 1848 г. венгры не хотели признавать аналогичный за сабором

¹⁵¹ Ibidem.

¹⁵² Ibidem.

¹⁵³ Ibid. N 57. 1848. 6 VI.

Хорватии, низведя его до уровня ландтага, как писалось выше, и признавая его лишь сословным представительством. Таким образом, и новый сабор венгры видели исключительно как сословно-представительный и ожидали от него провенгерской позиции в вопросе включения Хорватии непосредственно в состав Венгрии. Так произошло с государственным собранием Трансильвании, созванным 29 мая также как сословно-представительный орган¹⁵⁴, а уже 3 июня принявшим решение о вхождении княжества в состав королевства Венгрия¹⁵⁵. Для достижения поддержки со стороны хорватского сабора в важнейшем вопросе административно-государственного устройства венгерские власти отменили даже действие императорского указа от 14 сентября 1845 г. о регулировании состава сабора, который ограничивал число представителей так называемой «сельской знати» в стенах этого сословно-представительного органа. Необходимость в «сельской знати» (домовладельцах, имеющих право избираться на равных с дворянами) была связана с исторически сложившимися провенгерскими настроениями в Туропольском округе. Именно на туропольцев делалась ставка как группу депутатов, которая бы значительно усилила мадяронов и помогла проводить нужные для венгров законы. Тем не менее, п. 11 «Требований народа», выдвинутых на Народной скупщине 25 марта 1848 г., предполагал созывать сабор без различия сословий.

25 апреля, когда Й. Елачич стал баном, он провозгласил, что сабор Триединого королевства представляет интересы всего народа, и в тот же день разорвал связи с венгерским правительством¹⁵⁶. Своей задачей сабор видел проведение в жизнь новых принципов организации Габсбургской монархии,

¹⁵⁴ Ibid. N 54. 1848. 30 V.

¹⁵⁵ Ibid. N 58. 1848. 8 VI.

¹⁵⁶ 1848. travanj (25) Zagreb. – Proglas bana Josipa Jelačića narodu u povodu imenovanja banom Trojedne kraljevine i zapovjednikom vojske u hrvatskoj Vojnoj krajini // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 170.

обнародованных императором¹⁵⁷. Сабор стал носителем суверенитета Триединого королевства и решал как политические, так и социальные проблемы. Такая решительность хорватского сабора была результатом успеха Народной партии Л. Гая в достижении своих политических целей: ей удалось не только обрести массовую поддержку горожан и регионов, увлечь за собой население на фоне революционно-военных процессов в империи, сформировать политический дискурс, пользуясь своей предмартовской электоральной и дружественной базой, но и заручиться полной поддержкой нового бана, также питавшего симпатии к народнякам.

Отталкиваясь от достигнутого и под влиянием процессов обострения борьбы за суверенность каждой региональной части Австрийской империи, хорватская Народная партия решила предпринять следующий шаг, а именно заключить союз с сербами Габсбургской монархии, чему способствовала и прежняя идеология иллиризма, хотя само понятие «иллиры» в событиях 1848 г. оказалось неприменимым. Торжественная встреча (означавшая признание) самопровозглашенного сербского патриарха Й. Раячича, оказанная ему народняками в Загребе, и стремление к политическому союзу с сербским Воеводством Южной Венгрии способствовали формированию политики и в отношении православного населения Военной границы, которое именно под влиянием Сремских Карловиц открыто выражало свою сербскость.

В напечатанном воззвании «Народу хорватскому и сербскому в Триедином королевстве Далмации, Хорватии и Славонии» бан Й. Елачич провозглашал: «пусть между нами [сербам и хорватами] будет согласие и братство без различия вероучения»¹⁵⁸. Таким образом, новый бан пытался объединить два народа внутри Хорватского королевства. Целью послания

¹⁵⁷ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 57. 1848. 6 VI.

¹⁵⁸ Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). / Уред. В. Крестић. Београд, 1995. Књ. 1. 1848–1883. С. 14.

являлись именно сербы Военной границы. Так, в том же воззвании бан посылал приветствия не только «жителям и патриотам» хорватских земель и «единокровным славянским братьям» вне Триединого королевства, но особо уделял внимание граничарам: «а моим братьям и храбрым граничарским regimentам хорватской и славонской границы особое военное и братское приветствие»¹⁵⁹.

В марте 1848 г. созыв сабора планировался Народной партией не позже 1 мая этого года, что было зафиксировано и в «Требованиях народа» (п. 2), адресованных императору¹⁶⁰. Кроме того, уже 17 марта, т. е. еще до Народной скупщины, магистрат Загреба отправил императору письмо, в котором просил о созыве «государственного сабора королевств наших», т. е. Хорватии, Славонии и Далмации¹⁶¹. Однако сабор начал работу лишь в начале июня и то как непризнанный ни императорским Двором, ни венгерскими властями представительный орган.

Первый этап работы сабора с 6 по 12 июня 1848 г. был важнейшим, так как именно эти дни были выработаны основные положения о месте Хорватии и Славонии в Габсбургской монархии. При этом большое внимание было уделено решению проблемы формата государственно-правовых взаимоотношений с Венгрией. Депутаты подтвердили все решения бана Й. Елачича по этому вопросу и официально зафиксировали разрыв с Венгерским королевством¹⁶². Й. Елачич был именован «верховным капитаном» Триединого королевства, что означало передачу ему не только гражданской, но и военной власти, т. е. он признавался главнокомандующим

¹⁵⁹ Грађа о србима у Хрватској и Славонији. Књ. 1. С. 15.

¹⁶⁰ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 24. 1848. 22 III.

1848. ožujak 17. Zagreb. – Predstavka grada Zagreba kralju Ferdinandu // Hrvatski državni sabor 1848. Knj. I. S. 74.

¹⁶² Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 57. 1848. 6 VI.

армией во всех трех частях королевства¹⁶³. Тогда как сам институт бана и его совета определялся как «государственный совет» (а не «банский» как до этого), что подчеркивало суверенитет Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии (именно так официально стали обозначать свое государство депутаты сабора)¹⁶⁴.

Преобладавшие на саборе народняки придерживались взглядов австрославизма и выступали за федерализацию Австрийской империи на национально-языковой основе. В контексте этого депутаты рассматривали возможность заключения «дружественного союза» с Воеводством Сербским, провозглашенным в Сремских Карловцах, и словенскими землями монархии¹⁶⁵. В случае отделения Венгрии от империи сабор считал нужным заключить новое соглашение с Габсбургами и остаться в составе монархии при условии переустройства нового государства на принципах федерации и равноправия живущих в нем народов¹⁶⁶.

Уже на втором заседании сабора, 6 июня, перед депутатами выступил продолжавший находиться в Загребе сербский митрополит Й. Раячич, который зачитал решения Майской скупщины¹⁶⁷. Сабор признал Воеводство Сербское, а также избранных на скупщине патриарха Й. Раячича и воеводу С. Шупликаца, кроме того, депутаты анонсировали заключение союза с Воеводиной Сербской на «фундаменте свободы и равноправия»¹⁶⁸. Однако дискуссию в хорватском парламенте вызвали два вопроса, связанные с

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ Ibidem.

¹⁶⁵ Ibid. N 58. 1848. 8 VI.

¹⁶⁶ Ibidem.

¹⁶⁷ Ibidem. О решениях Майской скупщины см.: Одлуке Мајске скупштине у Сремским Карловцима 1848. // Знаменита документа за историју српског народа: 1538–1918. С. 241–243.

¹⁶⁸ Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske. N 58. 1848. 8 VI.

выработкой основы для такого союза между Триединым королевством и Сербским Воеводством: о широте компетенций сербского воеводы и о принадлежности Срема, в том числе его части, входящей в Петроварадинский полк Славонской военной границы. Сам центр сербского восстания (Сремские Карловцы) находился на территории этого полка, там же была и резиденция митрополита-патриарха Й. Раячича. Поэтому сербские делегаты на саборе пытались получить от хорватов согласие на передачу Срема Воеводине.

Большинство депутатов не возражали против такой территориальной уступки сербам, но при условии федеративного союза, т. е. присоединения Воеводины к Триединому королевству на правах равной федеративной территориальной единицы. Меньшая часть парламентариев отстаивала то, что Срем является неотъемлемой частью собственно Триединого королевства. В итоге, если 7 июня сабор признал вхождение «Срема с границей» в состав Воеводины, то 12 июня в послании императору «Об отношениях Хорватии с Венгрией и Австрией» в п. XI Сремская жупания и Петроварадинский полк перечислялись в ряду территорий Триединого королевства. Таким образом, Срем оказался одновременно под управлением сразу трех властей: Загреба (номинально), Главного комитета сербского движения (де-факто) и венгерского королевского комиссара. Причем, лишь последний являлся легитимным в глазах имперских властей. По вопросу интеграции Триединого королевства и Сербской Воеводины предполагалось создать в хорватском саборе особый комитет, но он так и не был учрежден, поэтому до конца событий начавшейся в империи гражданской войны 1848–1849 гг. эта проблема так и не была решена, а Срем так и оставался под управлением сразу нескольких сил.

9 июня на 9-м заседании хорватского сабора на повестке дня оказалась ситуация в Вировитицкой жупании Славонии, где местные власти приняли решение отделиться от королевства Хорватии и Славонии с тем, чтобы войти

непосредственно в состав Венгрии. Такие новости оказались для депутатов сабора полной неожиданностью. Если ранее (еще в марте) свои претензии на территорию Славонии и всей Хорватско-славонской военной границы были выражены лишь в Прессбурге/Пожони и Пеште, то теперь уже местные власти взялись воплощать их в жизнь. На фоне вхождения Трансильвании в состав Венгрии по решению местного сословно-представительного парламента, о чем мы уже писали выше, такие действия местных властей угрожали не только целостности, но и самому существованию королевства Хорватии и Славонии. Напуганные происходящим депутаты сабора приняли прокламацию к граничарам, участвовавшим в военных действиях на юго-западе империи, о необходимости вернуться домой и защитить родную землю.

Следует заметить, что именно ирредентизм Вировитиц разжег по-настоящему милитаристский настрой как в хорватском саборе, так и в обществе. Хорваты впервые почувствовали, что смогут отстаивать свои территории против венгров лишь с оружием в руках, а не в рамках права и парламентской деятельности. Ранее вспыхнувший в Южной Венгрии сербско-венгерский конфликт не оказал такого влияния на хорватских парламентариев и загребчан как ирредента одного из регионов королевства. В начале июля, в ответ на обращение сабора о необходимости защиты страны, бан Й. Елачич, которому была возвращена легитимность, прибыв из Инсбрука, пообещал защищать свою землю. Тогда же начались массовые пожертвования горожан на предстоящую войну.

Правда, примеру Вировитиц, где администрация жупании была в руках мадяронов, никто не последовал в других регионах, что спасло ситуацию. В начале сентября, с вхождением армии Й. Елачича в Славонию, администрация области была разогнана, и тем самым был восстановлен контроль Загреба над мятежной жупанией.

Вопрос Военной границы разбирался на заседаниях сабора с 4 по 6 июля 1848 г. (14–17-е заседания). Окончательное определение статуса Хорватской и Славонской военной границы было решено отложить «до мирных времен». Тем не менее, была принята временная «Конституция Военной границы», которая должна была обеспечить интеграцию данной милитаризированной территории в правовое пространство гражданских Хорватии и Славонии. Эта конституция передавала управление обеими частями Военной границы правительству Триединого королевства (государственному совету), при этом сохраняя за военным командованием контроль за гражданскими делами. Последнее не понравилось депутатам-граничарам. Тем не менее, при сохранении всей прежней структуры управления Военной границей и ее административной автономии «жители Границы» и «домовые задруги» становились собственниками той земли, которую они обрабатывали, кроме того, была отменена государственная барщина. Также граничарам теперь разрешалось заниматься торговлей и предпринимательством, но «без ущерба военной службе».

29 июня бан Й. Елачич был наделен сабором фактически диктаторскими полномочиями. В этот же день на заседаниях 10-м, 11-м и 20-м рассматривались возможные варианты «примирения» («пацификации») с Венгрией. Затем рассмотрение этого вопроса перешло и на июль (1 и 9 июля). В итоге на заключительном (21-м) заседании 9 июля были приняты окончательные решения по программе взаимоотношений с Венгерским королевством. В целом, документ о примирении с Венгрией включал тезисы программы-минимум сторонников политической независимости Хорватии от двуединого королевства. Совместные дела с Венгрией предполагались лишь в сфере законодательства и касались только «фундаментальных конституционных законов», т. е. в сфере гражданского, уголовного и кредитного права. Кроме того, Хорватию в верхней и нижней палате Государственного собрания Венгрии должны были представлять по два

делегата с чисто наблюдательными функциями. Такая программа представляла собой лишь шаг к будущему полному суверенитету от Венгрии.

В июле 1848 г. между Триединым королевством и тогда еще самопровозглашенным Воеводством Сербия на основе июньских договоренностей (см. выше) был заключен политический оборонительный союз, а кроме того выражено «желание и требование оба народа считать равноправным и единоплеменным хорватско-сербским народом», что «было выражено взаимно»¹⁶⁹. На этом фоне 29 июля Й. Елачич и граф Л. Баттяни встретились в Вене. Однако переговоры ни к чему не привели. Венгерские власти не захотели пойти на уступки хорватам. «До встречи на Драве!» – попрощался с Й. Елачичем Л. Баттяни. 6 августа Й. Елачич заявил о неуспехе переговоров с венгерской стороной и анонсировал решение хорвато-венгерского спора лишь вооруженным путем. Через месяц, 11 сентября, он с армией перейдет Драву.

Заложенный в Предмартовский период хорватской Народной партией фундамент для перехвата инициативы у унионистов (Хорватско-венгерской партии) в политике и экономике помог народнякам взять власть в Загребе и в большинстве регионов (жупаний) Хорватии и Славонии, а также заручиться доверием и поддержкой полков Хорватско-славонской военной границы в начале революционных событий 1848 г. в Австрийской империи. Воспользовавшись ситуацией, народняки смогли собрать хорватский парламент, лояльный их партии и бану, который также симпатизировал Народной партии. Политическое поражение унионистов оказалось неприятным для венгерских властей, которые поспешили взять ситуацию под контроль и добиться от ослабевшего имперского центра отстранения Й. Елачича с поста бана и главкома Хорватско-славонской военной границы, так как совмещение этих должностей привело к беспрецедентной

¹⁶⁹ Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 22.

концентрации власти в его руках. Несмотря на большое влияние при Дворе, венгерские власти смогли лишь на бумаге взять ситуацию под контроль, введя должность королевского комиссара, который в противовес Й. Елачичу был наделен теми же широкими полномочиями. Отстранить бана от власти и воспрепятствовать созыву хорватского сабора венграм не удалось во многом из-за мощной поддержки народняков среди горожан Загреба, а также начавшегося сербского восстания в Южной Венгрии.

То, что хорватские сторонники суверенитета Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии и восставшие сербы Венгрии оказались по одну сторону баррикад, борясь против общего противника (венгров), привело к необходимости объединения их сил в политической борьбе внутри империи. Однако существенными вопросами стали, во-первых, широта компетенций избранного сербского воеводы, который мог претендовать на власть над православными граничарами, во-вторых, вопрос принадлежности Срема, оказавшегося в зоне интересов как Триединого королевства, так и Главного комитета восставших сербов. Другими словами, хорватских народняков смущали новые политические институты сербов и их территориальные претензии, тогда как граничары в связи со всеми этими конфликтами интересов и в условиях войны с внешним противником (Сардинское королевство) испытывали противоречивые чувства, главным образом, между присягой императору (королю) и желанием поддержать своих братьев по крови и вере.

Такая неопределенность для граничар сохранялась до осени 1848 г., когда Двор в открытую признал венгерские власти мятежными и, наоборот, выразил полную поддержку всем противостоящим им силам, до этого пребывавшим в (полу)опале. В результате этих перемен из революционных сил хорватские народняки и сербские повстанцы превратились в контрреволюционную опору Габсбургов и империи. Таким образом, это стратегическое решение императора дало хорватским народнякам

политический карт-бланш на послереволюционные годы и нанесло на тот момент, по сути, смертельный удар по унионистам.

В ходе подавления революции 1848–1849 гг. в том числе и силами Военной границы, император в марте 1849 г. гарантировал граничарам неприкосновенность военного устройства Границы, а также равенство в привилегиях с населением «остальных королевств», что затем было подтверждено и в письме бану Й. Елачичу¹⁷⁰. Таким образом, Военная граница за лояльность фактически приравнивалась по статусу к королевству внутри монархии. Однако уже в 1850 г. император в особом патенте указал, что «Хорватско-славонская военная граница как и прежде остается в союзе со своей метрополией Хорватией и Славонией, чтобы они вместе составили одну землю, но с отдельным провинциальным и военным управлением и с отдельным представительством»¹⁷¹. Таким образом, здесь уже закладывалась основа будущего объединения этой части Границы с королевством Хорватии и Славонии, так как указывался факт «одной земли».

Тем не менее, такая привязка части Военной границы к королевству Хорватии и Славонии, что являлось результатом поддержки властями этого королевства императора в революции 1848–1849 гг., не давала никаких правовых гарантий о будущем правовом статусе Границы в монархии Габсбургов. Только наметившийся на рубеже 1840–1850-х годов вектор по созданию в Австрийской империи полностью автономных территориальных образований с возможным включением в них частей Военной границы (в состав Сербской Воеводины и Темешского Баната могла войти Сербско-банатская военная граница) как противовесов для побежденной Венгрии, был радикально пересмотрен на рубеже 1850–1860-х годов. С ликвидацией Сербской Воеводины и Темешского Баната, а также с восстановлением

¹⁷⁰ *Utješenović Ostrožinski O. Vojna Krajina i Ustav. S. 232.*

¹⁷¹ *Ibid. S. 233.*

дореволюционного Венгерского королевства, в регионе баланс сил поменялся вновь в пользу венгров. Для хорватских политиков вопрос принадлежности Военной границы теперь стал тесно увязываться с проблемой государственно-правовых взаимоотношений с Венгерским королевством. Кроме того, в это время Военное министерство не считало нужным даже думать о возможности передачи Военной границы в состав какой-либо другой территории Габсбургской монархии. Как замечает М. Валентич, «сторонников объединения Военной границы с Хорватией венские генералы всегда оценивали как предателей и сплетников»¹⁷².

Можно заключить, что в 1840–1850-е гг. население Военной границы оказалось вовлечено в процессы быстрого «национального возрождения» и построения гражданской нации в королевстве Хорватии и Славонии. При этом также на граничар оказывали влияние идеи сербского национального сплочения, в том числе и проекты обретения сербами своей территориальной автономии в границах монархии Габсбургов.

¹⁷²*Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. S. 99.*

Глава 2.

Проекты реформ Военной границы и их реализация в двадцатилетие трансформации Габсбургской монархии (конец 1850-х – 1870-е годы)

2.1. Активизация политической жизни в королевстве Хорватии и Славонии (рубеж 50–60-х годов XIX в.)

2.1.1. Становление и развитие политических партий Хорватии и Славонии в 1860-е годы

Еще перед революцией 1848–1849 гг. Иллирская народная партия (возникла в 1841 г.) из-за запрета властей на «иллирское» наименование трансформировалась в Хорватскую народную партию (1843), что четче обозначило ее национальную привязку. Идеологи Народной партии послереволюционного периода продолжали традиции иллиризма в его ориентированности на культурное единство всех южнославянских народов, проживающих как в Габсбургской монархии, так и в Османской империи. Развивавшаяся на пограничье двух империй идеология объединения славян по разные стороны границы приводила к необходимости противопоставления себя носителям этой идеологии по отношению к двум государствам, разделившим южных славян, а в случае хорватов разделившим и историческую территорию средневековой Хорватии, как они ее себе представляли, реконструируя собственную историю.

Тем не менее, только хорваты обладали в регионе пограничья империй непрерывной традицией государственности, сохраняя институты хорватского короля (которым по политической унии 1102 г. был венгерский король, хотя в 1527 г. хорватские сословия самостоятельно избрали династию Габсбургов), бана (королевского наместника и главы правительства), а также парламента, который за 1840-е годы из сословно-представительного окончательно превратился в национальный парламент, открывшись в таком

виде в 1861 г. после беспарламентского периода 1850-х годов (эпоха «неоабсолютизма» и централизации в Австрийской империи). Наконец, королевство Хорватия сохраняло свою территорию, не потеряв ее даже будучи в сильно урезанном виде во времена турецких завоеваний XVI–XVII вв. Все эти факторы, а кроме того, наличие полной сословной структуры и самого многочисленного национального образованного слоя среди других южнославянских народов Балкан и юга Центральной Европы, определяли стремление хорватских политиков Народной партии добиться того, чтобы именно Хорватия возглавила объединение южных славян. Для этих нужд на смену культурному иллиризму пришел культурный югославизм. Именно в Хорватии в рассматриваемый период главные научные и культурные учреждения будут называться югославянскими: Общество истории и древностей югославянских (1850), Югославянская академия наук и искусств (1867) и др.

Однако на данном этапе, в отличие от периода хорватского национального возрождения, идеология югославизма получила гораздо большее отражение в политической составляющей программы Хорватской национальной партии независимости (ХНПН, либеральной¹), как стала официально именоваться Хорватская народная партия.

Осенью 1860 г. в партийной газете хорватских народняков «*Pozor*» была напечатана статья одного из главных идеологов партии Ф. Рачки «Югославянство», в которой была, по сути, сформулирована первая партийная программа. В начале статьи автор объяснял, что «волшебное имя

¹ В 1860-е годы австро-немецкий политический спектр задавал основные идеологические направления всем национальным окраинам Габсбургской монархии. Наиболее массовые политические течения в рассматриваемый период сформировали консерваторы и либералы. Оба лагеря были верны конституции 1849 г. и поддерживали централистский курс правительства, однако либералы выступали за реформы, особенно в области реализации демократических свобод, за которые боролась часть национальной австро-немецкой интеллигенции в революции 1848 г.

югославянство» хорваты должны принять с воодушевлением и гордиться им, как до этого было с предшествовавшим ему иллирством. Повод для такой гордости должно было давать ощущение принадлежности к одному «славянскому племени», которое живет «между Адриатическим и Черным морем и от реки Сочи до Марицы»². При этом Ф. Рачки признавал, что «до сего времени славянство нигде не проявляло себя в истории как один народ»³, поэтому автор бросает вызов истории в попытке в будущем такой народ создать. Здесь же делается намек на несправедливость национального устройства Австрийской империи: «малый народ господствует над многочисленными народами, между которыми связь слабая или вообще отсутствует»⁴. Такие представления вполне вписывались в рамки австрославизма, идеи которого были восприняты Хорватской народной партией еще в период революции 1848 г. При этом Ф. Рачки делал упор на то, что «только многочисленный народ велик и могуч», тогда как «югославянство разделено, разорвано и размыто»⁵. Таким образом, мысля в парадигме австрославизма внутри Габсбургской монархии, он выступал за воссоединение всех южных славян (в том числе и живших в Османской империи) как единственное средство против владычества неславянских народов над хорватами.

Далее Ф. Рачки указывал на главное препятствие осуществлению югославянского объединения – «политическое разделение» («мы есть в империи австрийской и турецкой, в полусвободной Сербии и свободной

² Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842.–1914. Zagreb, 2006. S. 131. Ср.: Ващенко М.С., Величко О.И., Дронов М.Ю., Кирилина Л.А. и др. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки / редкол.: Л.А. Кирилина, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова (отв. ред.). М., 2018.

³ Programatski dokumenti. S. 131.

⁴ Ibid. S. 132.

⁵ Ibidem.

Черногории»)⁶. В качестве примера он предлагал ориентироваться на итальянцев и немцев, которые, несмотря на длительное разделение под властью «своих или иностранных» правителей, «остаются одним народом, потому что дышат одним духом, живут одной жизнью в одной народной книге»⁷. Под «книгой» здесь понимались, скорее всего, история, язык и культура. В качестве важной задачи в связи с этим Ф. Рачки ставил «упорядочение народного духа в одну форму»⁸.

В отношении Венгрии в «Югославянстве» говорилось о том, что хорваты предпочли бы вести переговоры не с «мадьярами», а именно с «венграми», т. е. представителями всех народов Венгерского королевства. Однако, учитывая политическую реальность, Ф. Рачки был готов заключить соглашение и с одними «мадьярами»⁹. При этом он напоминал им, что хорваты восемь веков «делили с ними общую судьбу», а «каждая страница венгерской истории написана хорватской кровью», которую хорваты проливали, сражаясь за венгерскую корону вместе с самими венграми¹⁰. На основе этого Ф. Рачки доводит до сведения «мадьяр», что хорваты «хотят быть с ними под одной венгерской короной», на которую имеют «равное историческое право» с венграми, а поэтому Хорватия должна быть не частью Венгрии, а *«regnum socium, regnum foedereiunctum»*, т. е. союзным и равноправным королевством («Венгрия и Хорватия суть два *regna coordinata*»)¹¹.

Ф. Рачки требовал рассматривать хорватов не как подчиненных, а как союзников «мадьяр», а потому выступал за «полную политическую самостоятельность и правительственную автономию» Хорватии, чтобы

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. S. 133.

¹¹ Ibidem.

«никто нам в нашем доме кроме нашего короля ничего не приказывал»¹². Таким образом, в 1860 г. ХНПН выступала за федерализацию Австрийской империи на основе выделения равноправных Венгерского и Хорватского королевств, соединенных между собой лишь общим монархом (короной).

Наследницей Хорватско-венгерской партии Предмартовского периода стала Национально-конституционная партия, сторонники которой назывались унионистами. Эта партия активизировалась в Хорватии и Славонии одновременно с оживлением политических процессов в Венгрии в 1859–1860 гг. Важнейшим ее программным документом считается предложение группы депутатов-унионистов, представлявших город Загреб на хорватском саборе 1861 г., «Об отношении Триединого королевства к Венгрии», озвученное в июне 1861 г. градоначальником Загреба М. Шухаем. В п. I этого документа констатировалось, что из-за событий 1848 г. между Хорватией и Венгрией «перестала существовать и реальная, и законотворческая, и административная, и судебная связь», однако авторы считали, что такое положение «вредит народным и государственным интересам триединого королевства», а потому напоминали венграм актуальность «добровольного» со стороны Хорватии «государственно-правового союза» с Венгрией в 1102 г., который затем подтверждался обеими сторонами в 1526 и 1712 гг.¹³.

Согласно п. II этой программы, предполагалось, что Хорватии следует, памятуя о «прежних 700 лет правовой жизни», а также об общем венгеро-хорватском правовом пространстве, «опять вступить в тесный государственно-правовой союз» с Венгрией, а следовательно, «заключить с ней новый союзный договор»¹⁴. Правда, несмотря на признание прежних государственно-правовых отношений с Венгрией, авторы данной программы

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. S. 135.

¹⁴ Ibidem.

писали о необходимости учитывать при заключении нового договора с Венгерским королевством произошедшие с 1848 г. изменения: «конституционные свободы, народную самостоятельность и государственно-правовую независимость». Причем, в п. III говорилось, что переговоры будут возможны после согласия венгров с такой позицией хорватских представителей¹⁵. Таким образом, унионисты желали возрождения Венгеро-хорватского королевства, но с более широкой, чем до 1848 г., автономией в нем Хорватии. Даже говоря о «государственно-правовой независимости», они не собирались добиваться как народники полного равенства Хорватии с Венгрией по этому статусу в Габсбургской монархии.

Параллельно со старыми Народной и Национально-конституционной (унионистской) партиями на рубеже 1850–1860-х годов конституировалась и Хорватская партия права (ХПП), идеологией которой стал хорватский национальный радикализм. На предложение унионистов один из главных идеологов Партии права Э. Кватерник внес контрпредложение: во-первых, он выступил за то, чтобы сделать всё возможное, чтобы «Австрия не могла вмешиваться в дела мадьяр и хорватов, бросая между ними яблоко раздора, а затем порабощая оба народа»¹⁶. Во-вторых, в отношении самой Венгрии он высказался в защиту «нашего государственного права», а также всех писанных государственно-правовых актов из истории Хорватского королевства¹⁷. Затем он перешел к критике предложения унионистов, подчеркнув, что он сам рассчитывает на признание государственных прав непосредственно от Вены, тогда как «наши противники добиваются этого опосредованным для нас путем – через Будапешт»¹⁸.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Polić M.* Parlamentarna povjest kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije sa bilježkama iz političkoga, kulturnoga i društvenoga života. 1860–1880. Zagreb, 1899. Dio I. S. 59.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

Э. Кватерник считал договор с венскими имперскими властями гарантией в случае, если «мадьяры добились бы от Вены признания всех своих законов 1848 года»¹⁹. Именно Австрия, которую он же обвинял в желании раздоров между хорватами и венграми, являлась для правашского идеолога гарантом «свободных рук» для хорватов и их возможности иметь «равные права с венгерскими народами»²⁰. Обращаясь к представителю унионистов в саборе М. Боговичу, Э. Кватерник кричал с трибуны: «Докажите мне, что ваше предложение выполнимо, тогда я сегодня же первый вас поддержу! Но если у вас нет политического доказательства, тогда я не знаю, как это еще можно доказать в политике»²¹.

Такого же мнения придерживался и сам основатель ХПП А. Старчевич, который тоже выступил, по сути, с программным партийным заявлением. С одной стороны, А. Старчевич ставил перед венскими властями вопрос, считают ли они хорватский народ «самостоятельным и независимым» или «подчиненным Венгрии». В случае первого варианта спикер видел право хорватов на определение своих международных отношений самими, «как нам нравится»²². С другой стороны, А. Старчевич говорил, что королевства Хорватия и Венгрия, «вне зависимости от их величины», перед лицом общего короля из династии Габсбургов находятся в равном положении, «как две семьи перед их господином, или как две общины перед их жупанией»²³. При этом он подчеркивал, что «семейство Габсбургов в Хорватии правит только на основе свободного выбора хорватов»²⁴.

Следует отметить, что как народняки, так и унионисты признавали название «Триединое королевство Хорватии, Славонии и Далмации»,

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. S. 61.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid. S. 62.

причем, обе партии включали в его состав Хорватско-славонскую военную границу. Тогда как правши не признавали существования отдельных королевств (королевства Хорватии, королевства Славонии и королевства Далмации), а только единой Хорватии, в состав которой также должна была входить и Хорватско-славонская военная граница как ее неотъемлемая часть.

2.1.2. Военная граница между Военным министерством и Хорватией

На так называемой Банской конференции 1860–1861 гг. хорватский сабор, проработавший до 8 ноября 1861 г., принял важный закон № 42 о возможности заключения нового государственно-правового (униального) договора с Венгрией только в случае признания последней всей территории Триединого королевства, включая земли Хорватии, Славонии, Далмации и Военной границы²⁵. Это послужило толчком к спору о принадлежности Границы и выработке различных проектов. Как отмечает В. Крестич, на «хорошо организованную, обученную, вооруженную и многочисленную армию одинаково рассчитывали как хорватские и сербские национальные деятели, так и итальянские и венгерские борцы за свободу, а также правящие круги Вены»²⁶.

Установившийся после подавления революции режим неоабсолютизма²⁷ характеризовался, помимо прочего, отменой ряда феодальных норм и практик в экономике и социальной сфере. В этой связи, как отмечал М. Валентич, «военный состав Границы не мог вписаться в структуру нового капиталистического общества»²⁸. Наступление новых

²⁵ Das Vaterland. 1861. 14 XI. N 265.

²⁶ *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 215.

²⁷ *Deák A.* From Habsburg Neo-Absolutism to the Compromise, 1849–1867. New York, 2008.

²⁸ *Valentić M.* Vojna Krajina. S. 65.

времен остро почувствовали современники. О. Утешенович Острожинский одним из первых встал на защиту традиционного мира граничар. Вопрос демилитаризации он связывал сразу с распадом задруг. Поэтому для него попытки ускорения развития отраслей индустрии в Хорватии и Славонии путем упразднения домовых задруг «имели столько же пользы для национальной экономики, как если бы завозили опиум в Китай»²⁹. Считая целый ряд политических деятелей этого региона «своими» (т. е. придерживающимися сходных взглядов на необходимость сохранения домовых задруг), среди которых были бан Й. Елачич, архиепископ Загребский Юрай Хаулик, епископ Й.Ю. Штросмайер, О. Утешенович выдвинул собственную программу преобразований в условиях неотвратимых реформ государственности. На 10 пунктов противников задруг (за отдельные семьи) он ответил 10 симметричными пунктами в поддержку задруг³⁰.

В основу своей программы О. Утешенович положил «отечественное право со старой, гордой и долгой традицией», которой «не разумно было противиться», ведь она «не нарушала главные черты современности»³¹. Из этого он приходил к выводу о вредности радикальных реформ: «доктора якобы больному хорватско-славонскому народу не нужны», а достаточно лишь «веры в Бога, свежего воздуха и отрегулированного образа жизни»³². Это больше соответствовало заключению Хорватско-славонского сабора 1848 г. по вопросу Границы, когда «до мирных времен» откладывались всякие «радикальные реформы» в крае³³.

О. Утешенович Острожинский создал свой проект в противовес планам венских политиков распустить задруги граничар, что он считал «путем к пролетаризации граничар». Утешенович определяет «домовые задруги» (или

²⁹ *Utješenić Ostrožinski O. Kućne zadruge južnih Slavena*. S. 84.

³⁰ *Ibid.* S. 93.

³¹ *Ibid.* S. 111.

³² *Ibid.* S. 112.

³³ *Ibid.* S. 223.

«домовые общества») как «четвертый» тип аграрного устройства в Европе – тип «народно-семейного устройства южных славян». Ареалом распространения задруг О. Утешенович определяет Хорватию, Славонию, Далмацию, Воеводство Сербия, княжество Сербия и всю Военную границу³⁴. О. Утешенович опасался, что на место ушедших в города пролетаризировавшихся граничар придут немецкие колонисты и населят все их земли вплоть до рек Сава и Купа, т. е. до границы с османской Боснией. Не нравилось ему и то, что против общин выступали и старые хорватские помещики, но по другой причине: им хотелось иметь более дешевую рабочую силу, например, из безземельных батраков. Именно идея борьбы за отстаивание задруг привела О. Утешеновича в Хорватский отдел Министерства внутренних дел. Как пишет сам О. Утешенович, «не было в нашем народе никого, кто бы мог честно проинформировать власти о том, в чем наш народ нуждается»³⁵. Как он сам признается в предисловии, его «статья» имеет «не теоретическое, а исключительно практическое значение»³⁶, поэтому в своей программе О. Утешенович главное внимание уделяет лишь вопросам деления и наследования в задругах. В частности, он выступает за неделимость семейного имущества (отдельной семьи)³⁷, чтобы стабилизировать «организм семейной собственности»³⁸. Следует обратить внимание на ст. 40 (части В), где запрещался раздел задруги между родителями и детьми или внуками, как и между супругами³⁹. Следующие 2 статьи (ст. 43 и 44 – часть В) предполагали введение мирового суда общины (состоял из обычного суда тяжб и двух членов специального общинного комитета) для рассмотрения всех тяжб, споров и просьб, в том

³⁴ *Utješenić Og. Kućne zadruga južnih Slavena*. S. 19.

³⁵ *Utješenić Ostržinski O. Zlatna knjiga porodice Utješenića*. С. 262.

³⁶ *Utješenić Og. Kućne zadruga južnih Slavena*. S. 19.

³⁷ *Ibid.* S. 113.

³⁸ *Ibid.* S. 124.

³⁹ *Ibid.* S. 121.

числе и по поводу раздела задруги, а также создание особого общинного уголовного суда⁴⁰. Отличие от уже существовавшей системы было в том, что к суду, помимо граничарской окружной сессии с офицером управы, впервые подключались и местные старейшины.

Данная программа, судя по всему, являлась результатом своеобразной дискуссии различных чиновников-граничар, которая велась на страницах местной газеты «*Gospodarski list*» в 1850–1856 гг. В ней О. Утешенович особо обратил внимание на голоса в поддержку домовых задруг. Их он затем и использовал, помимо имен авторитетных политических и церковных деятелей, для обоснования правильности своей программы. В вопросе Военной границы О. Утешеновича можно отнести к либеральным кругам его времени. Так, он хотел переустроить Военную границу на основе общечеловеческого гуманизма: «Никакого насилия больше, только строгая законность», «на место чисто милитаристской должна прийти гуманная, моральная власть»⁴¹. Также О. Утешенович выступал за замену телесных наказаний денежными штрафами⁴². Когда он писал о необходимости полного уравнивания в правах неслужащего населения Границы с остальными подданными империи, то ссылался на законодательство «просвещенных наций Европы», которые бы поддержали такое его стремление⁴³.

Газета народняков «*Pozor*» отстаивала идеи интеграции Военной границы и Бановины⁴⁴, в отличие от других газет, которые выступали в защиту самостоятельности края, в том числе и за уже существующие привилегии. В таком духе писали, например, проправительственные «*Agramer Zeitung*» в Загребе и «*Militär Zeitung*» («Военная газета») в Вене.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid. S. 122.

⁴³ Ibid. S. 124–125.

⁴⁴ Бановина – территория гражданских Хорватии и Славонии (королевства Хорватии и Славонии), на которые распространялась власть хорватского бана.

16 ноября 1860 г. в газете «*Pozor*» была напечатана программа Народной партии по вопросу Военной границы. В ней предлагалось два варианта: либо полное упразднение Границы, либо отделение военной власти от гражданской, т. е. передачу гражданской власти в ведение Бановины, что касалось лишь Хорватско-славонской военной границы⁴⁵. Это было вполне в духе нереализованной Конституции 1848 г. для Военной границы.

В этом же духе выступал и Й. Штросмайер с предложением единого для Провинциала и Границы сабора, а также введения единых законов⁴⁶. Однако противниками этого проекта и за создание своего особого сабора для Военной границы выступало большинство православного духовенства Военной границы⁴⁷. Дискуссии 1850-х – начала 1861 гг. о судьбе Военной границы переместились со страниц газет и из околополитических обществ и клубов в стены нового хорватского сабора, созыв которого стал возможен после либерализации политической жизни, что было связано с принятием императором Францем Иосифом (1848–1916 гг.) Октябрьского диплома (20 октября 1860 г.) и Февральского патента (26 февраля 1861 г.).

21–27 мая 1861 г. состоялись выборы представителей Границы в сабор Бановины. Пассивным избирательным правом могли воспользоваться представители всех сословий, при условии, что они уже достигли 24 лет и имели статус «домохозяев». В результате было выбрано 55 депутатов⁴⁸. Причем, как отмечает хорватский историк М. Валентич, 15 из них были представителями городов полков (т. е. от 15 тыс. населения), но лишь 40 депутатов приходилось на 650 тыс. «обычных граничар»⁴⁹, т. е. сельское население, которое на Военной границе как раз существенно преобладало.

⁴⁵ Tagespost. 1860. 16 XI. N 265.

⁴⁶ Strossmayer – Račkomu. Več, 31. aug. 1861. // Korespondencija Rački – Strossmayer. / ured. F. Šišić. Zagreb, 1928. Knj. I. S. 2.

⁴⁷ Krestić V.Đ. Srpsko-hrvatski odnosi. S. 221.

⁴⁸ Das Vaterland. 1861. 28 V. N 122.

⁴⁹ Valentić M. Vojna Krajina S. 90.

К 13 июля 1861 г. депутаты от Военной границы подготовили свои предложения королю и передали их бану Йосипу Шокчевичу. Описав в начале документа условия жизни на Границе, они требовали упразднения военной системы, которая им уже стала «черной могилой»⁵⁰. Первым шагом в этом направлении должно было стать отделение гражданской власти от военной, что они обосновывали хорватским историческим правом. Далее требовалось провести полную демилитаризацию Границы и осуществить непосредственную ее интеграцию с Хорватией и Славонией, в том числе и через создание общей системы военного призыва⁵¹.

Только 22 августа 1861 г. свое заключение приняла и комиссия сабора: «Об упразднении Хорватско-славонской Военной границы и установлении законов по ней»⁵². Основная идея этого документа – Военная граница упраздняется навсегда и включается в хорватское правовое пространство; на территории бывшей Границы образуются три новые жупании, а не вошедшая в них территория присоединяется к уже имеющимся хорватско-славонским жупаниям⁵³. Однако программа комиссии сабора оказалась радикальнее, чем предложения представителей Границы императору, так как предполагала не поэтапную интеграцию Военной границы в Бановину, а немедленное освобождение граничар от военной службы и опять же немедленную отмену закона о военном суде на ее территории.

Относительно населения и имущества Военной границы были приняты решения в пользу граничар: каждый из них становился собственником имеющегося в его владении движимого и недвижимого имущества; все пастбища передавались в неограниченное владение общин, а все здания, которые построили община или полк, оставались во владении строителя⁵⁴.

⁵⁰ Das Vaterland. 1861. 14 VII. N 162.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Die Presse. 1861. 23 VIII. N 230.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

Также на территории бывшей Военной границы не должны были вводиться некоторые налоги, существовавшие в Бановине. Однако часть массива тамошних государственных лесов передавалась во владение Триединого королевства⁵⁵. Хорватский историк М. Валентиц оценивает данный проект как «благоприятный для граничар», однако замечает, что программа комиссии сабора имела «больше декларативный подход»⁵⁶. Основное внимание именно требованиям депутатов-граничар в саборе было посвящено и несколько номеров «*Militär Zeitung*»⁵⁷.

3 августа 1861 г. сабор большинством голосов проголосовал против делегирования своих представителей в Императорский совет, чем подтвердил свою провенгерскую ориентацию⁵⁸. На решающем голосовании 5 августа 1861 г., которое было посвящено вопросу, с кем будет Бановина – Австрией или Венгрией – только семь депутатов от Военной границы поддержали союз Хорватии с Австрией, остальные воздержались, либо голосовали за союз с Венгрией. Кроме того, 11 представителей Границы отправились к Францу Иосифу в Вену – представлять ему свои предложения⁵⁹. В общем, количество голосов за союз с Австрией и Венгрией распределилось следующим образом: соответственно 46 : 69, что, конечно, было очередным поражением бана, но не таким очевидным, как до этого⁶⁰. С другой стороны, это было определяющим для будущей судьбы Хорватии голосованием, поэтому повлекло за собой создание комитета из девяти членов с полномочием составить адрес императору о государственно-правовых отношениях Хорватии⁶¹.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 100.*

⁵⁷ *Militär Zeitung. 1861. 31 VII. N 61; 3 VIII. N 62.*

⁵⁸ *Das Vaterland. 1861. 8 VIII. N 183.*

⁵⁹ *Die Presse. 1861. 6 VIII. N 213.*

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ *Ibid. N 213. 1861. 6 VIII, N 216. 1861. 9 VIII.*

Голосование 3 августа 1861 г. можно оценивать как победу Народной партии (большинство за самостоятельность Триединого королевства), а 5 августа – как победу унионистов⁶². Важно и то, что с этого момента Хорватия передала инициативу переговоров (в том числе и о своей судьбе) венграм. В то же время после роспуска сабора 8 ноября 1861 г. (по его итогам) Хорватия оказалась в политическом отношении между Веной и Пештом как «между молотом и наковальней»⁶³. Зато оставалась хорватская канцелярия при дворе, которая, по словам О. Утешеновича, действовала как «пугало на венгерских птиц»⁶⁴.

Тем временем император Франц Иосиф 8 августа 1861 г. принял делегацию граничар весьма холодно, пообещав лишь принять в расчет их проект, но объявил, что существование Военной границы необходимо «ради силы всего государства»⁶⁵. На этом миссия депутатов от Военной границы на саборе Бановины фактически закончилась, бан Й. Шокчевич предложил им немедленно возвращаться по домам. 8 ноября 1861 г. был дан ответ императора и на решение комитета сабора. Франц Иосиф подчеркнул «политическое значение» существования Военной границы для будущего королевства Хорватия⁶⁶. Он отклонил требование объединения Военной границы с Хорватским королевством, обосновав это § 2 Основного закона 1850 г., согласно которому Граница имеет особое управление⁶⁷. М. Валентиц указывает, что это уже была «новая формула», в отличие от «старой» (военная опора всей монархии). В этом он видит намек императора на

⁶² *Valentić M. Vojna Krajina. S. 107.*

⁶³ *Ibid. S. 108.*

⁶⁴ *Утешеновић Острожински О. Златна књига породице Утешеновића. С. 262.*

⁶⁵ *Die Presse. N 217. 1861. 10 VIII.*

⁶⁶ *Die Presse. N 312. 1861. 13 XI.*

⁶⁷ *Hostinek J. Die k. k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. I. Theil. S. 138.*

использование Военной границы для присоединения Боснии⁶⁸. 21 февраля 1862 г. император отклонил вторую часть требований сабора Хорватии и Славонии, касавшихся присоединения края⁶⁹.

Острее стали и сербско-хорватские взаимоотношения. Глава 3-го Огулинского полка Границы полковник Йосип Мароичич в своем письме (на немецком языке) местному православному епископу Евгению Йовановичу пытался объяснить, что «с давних времен под властью хорватских королей на этой западной полосе земли (*Landstrich*) существовало только одно славянское племя (*Volksstamm*), а именно хорваты; они, равно как и многие другие народы, различаются только по религии, т. е. греки (православные. – *А.Д.*) и католики, однако имеют один язык, одни обычаи, один закон, одну страну и территорию, одно общее небо и жили мирно друг с другом, как один народ, выросший из одного ядра»⁷⁰. Далее полковник развивал свой тезис: «Я должен противостоять любому другому мнению, такому как, что здесь якобы существуют также и сербы»⁷¹. Свою позицию Й. Мароичич доказывал аналогией с французами, где «существуют кальвинисты, протестанты, лютеране, иудеи, католики, однако каждый из них знает и ощущает себя только как француз, – также и мы, греки ли или католики, – только хорваты. Собственно религия не определяет ни национальность, ни происхождение (племя, *Volksstamm*)»⁷². В подтверждение чего он писал, что «католики в Азии, Африке и Америке точно имеют одно вероучение, но во всех других отношениях резко отличаются»⁷³. Таким образом, Й. Мароичич в вопросе этничности считал французскую гражданскую нацию универсальным

⁶⁸ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 107.*

⁶⁹ *Die Presse. N 51. 1861. 21 II.*

⁷⁰ *Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 52.*

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

мерилом. Полковник не упоминал католиков Европы, так как, видимо, хотел подчеркнуть именно обращенных неевропейцев.

Самих сербов Й. Мароичич признавал только в «неожиданно снова появившемся Воеводстве австрийских сербов», однако они «появились слишком поздно» (имеется в виду, на территории Габсбургской монархии. – *А.Д.*) и имеют «другую историю, изолированную и совершенно не связанную со Славонией и Хорватией»⁷⁴. Тогда как «мы здесь на хорватской Военной границе знаем себя только как хорваты и бились в таком качестве во всех сражениях, в равной степени, греки ли или католики»⁷⁵. Таким образом, Й. Мароичич признавал сербами не всех православных граничар, а лишь потомков переселенцев 1690 г. на территории сербского Воеводства. Следует заметить, что в дальнейшем этот полковник с Военной границы дослужился до чина тайного советника.

Й. Мароичич лишь выразил то, что думали не только нарождавшиеся хорватские праваша Анте Старчевича, но и народняки. Похожих взглядов в отношении сербов придерживался, например, ближайший сторонник Й. Елачича великий жупан Загребской жупании Иван Кукулевич-Сакцинский. Однако лучший ответ на этот хорватский тезис о Военной границе дал сербский патриарх Й. Раячич в своем письме Хорватскому сабору от 1 мая 1861 г. На концепт хорватов о *праве на территорию* Й. Раячич отвечал *правом народа на свое название*⁷⁶. Это право именно в Дунайской монархии и на Военной границе, в частности, патриарх доказывал привилегиями, выдававшимися «влахам», которых он трактовал как «*Serborum Croatiae*»⁷⁷. Также Й. Раячич указывал, что «влахами» сербов хорваты называют и в настоящее время, а сербы хорватов – «краньци»⁷⁸.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 101.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

Однако, как и Й. Мароичич, сербский патриарх считал, что сербы имеют свою, а хорваты – свою «особую историю»⁷⁹.

Патриарх сербский Й. Раячич узнал из газет, что якобы на заседании сабора Триединого королевства 29 апреля 1861 г. великий жупан И. Кукулевич-Сакцинский заявил, что «на Военной границе в Хорватии население чисто хорватское»⁸⁰. Поэтому Й. Раячич 1 мая 1861 г. написал письмо хорватскому сабору, в котором доказывал историческими фактами неправильность утверждения И. Кукулевича-Сакцинского⁸¹. Так, в частности, патриарх писал, что изначально всё население Хорватской военной границы, возникшей на двух пустошах («*desertum primum*» и «*desertum secundum*») было как раз сербским, а хорваты-католики появились лишь при разграничении Границы на полки⁸². Также патриарх указывал на различие в названиях «серб» и «хорват» и утверждал, что «сербы имени своего, у которого есть своя история в мире и внутри Славянства, ни на чье другое имя не променяют, ни из-за любви к иллиризму, ни к югославизму, ни для хорватства, если бы им это даже хотели навязать силой»⁸³. Таким образом, Й. Раячич, полемизируя с И. Кукулевичем-Сакцинским, как одним из идеологов югославизма, уже противостоял и самому югославизму, возможно, увидев в нем стремление к «хорватизации» сербов.

В июне 1861 г. в ответ на письмо Й. Раячича хорватский сабор принял решение XXXI по этому поводу, где было уточнено, что И. Кукулевич-Сакцинский назвал население Военной границы не «чисто хорватским», а «нашим»⁸⁴. В § 1 этого решения было зафиксировано, что «в триед.

⁷⁹ Там же. С. 98.

⁸⁰ Там же. С. 97.

⁸¹ Там же. С. 102.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 104.

королевстве есть и сербский народ»⁸⁵. Однако хорватский сабор признал лишь само существование «сербского народа», но, например, о политических правах сербов ничего не было сказано.

В сентябре 1861 г. хорватский сабор принял свое LVIII решение о названии служебного языка для Триединого королевства, которым согласно § 1 этого решения, стал «язык югославянский»⁸⁶ (под этим языком, скорее всего, имелся в виду язык Венского литературного соглашения 1850 г.). Причем, этот «югославянский язык» вводился не только в административные учреждения, но и в преподавание во всех «учебных заведениях, мужских и женских, высших и низших училищах, как общественных, так и частных», а также и в церковную сферу, без различия вероисповедания⁸⁷.

Именно рубеж 1860–1861 гг. был моментом, когда хорватские политики осознали, что вопрос Границы является «одним из самых насущных»⁸⁸. Согласно господствовавшей в венских придворных кругах точке зрения, выразителем которой был, например, советник императора Кренневилль (ярый противник хорватской национальной и территориальной интеграции), объединение Военной границы с Бановиной должно укрепить южную границу монархии, тогда как дальнейшее существование Границы будет подпитывать движения «не только по ту, но и по эту сторону Савы»⁸⁹.

Однако среди граничарской элиты были и сторонники реализации § 2 Основного закона Военной границы 1850 г., которые выступали за созыв отдельного сабора именно на Границе в г. Петриня. По данным М. Валентича и В. Крестича, это были в основном православные священники⁹⁰.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 105.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 79.*

⁸⁹ *Ibidem.*

⁹⁰ *Ibid. S. 80.*

Важным событием 1861 г. стало проведение Благовещенского собора в Сремских Карловцах (Петроварадинский полк). На нем было принято решение, что Военная граница может быть упразднена лишь с согласия общенародного собора сербов восточно-православного вероисповедания из Венгрии, Хорватии, Славонии, Далмации и всей Военной границы (ст. XIV «Положений» сабора)⁹¹. Кроме того, в «Положениях» уже в п. 3 ст. I, где определялись границы новой сербской Воеводины, указывалось, что «Петроварадинский, немецко-банатский и сербско-банатский полки <...> будут считаться составными частями Воеводины сербской»⁹². Население этих полков, соответственно, могло участвовать в выборах главы Воеводины. На основе таких границ даже в случае дальнейшего существования Военной границы ее восточные части должны были попасть под управление сербского воеводы. Таким образом, сербы монархии вновь заявили о себе. Здесь следует отметить, что лишь годом ранее (1860 г.) была упразднена Воеводина и Темешский Банат, что явилось существенным завоеванием сербов по итогам революционных событий 1848–1849 гг. В письме от 3 января 1861 г., по случаю недавно произошедшего упразднения Воеводства Сербии, народняк Богослав Шулек писал Петру Прерадовичу, что «по-другому и не могло быть», так как «сербы кокетничали одним глазом с Венгрией, другим – с Хорватией»⁹³. А надо было, как считал Б. Шулек, «определенно высказаться за союз с Хорватией»⁹⁴. Он привел штамп о сербах, якобы услышанный им от подписчика газеты Й. Штросмайера «*Rozor*», что «сербы свободу любят больше, чем национальность»⁹⁵.

⁹¹ Закључења србског народног сабора држаног у Карловци Сремски год. 1861. С. 25.

⁹² Там же. С. 22.

⁹³ Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 96.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

В результате упразднения Воеводства Сербского, области Банат и Бачка отошли непосредственно Венгрии, а Срем – Хорватии и Славонии. Но по решениям Благовещенского собора Срем должен был отойти новой Сербской Воеводине, что было логично, если вспомнить описанные нами в главе 1 дискуссии о принадлежности Срема на хорватском саборе 1848 г. Тем не менее, со всеми решениями собора сербы решили познакомить депутатов хорватского сабора 1861 г., чтобы те попросили императора о создании новой Сербской Воеводины. В ответ на этот посыл сербов на хорватском саборе было принято решение создать по вопросу Срема отдельный комитет из шести человек, однако избранный комитет насчитывал пять человек⁹⁶. Четкого решения по вопросу принадлежности Срема комитет так и не вынес, однако признал, что упраздненная Воеводина была «немецко-централистским проектом», при этом выступил за новую сербскую Воеводину в «тесном союзе» с Триединым королевством, в соответствии со стремлениями 1848 г. обеих сторон⁹⁷. Комитет советовал хорватскому сабору принять окончательное решение после консультаций представителей сабора с делегатами от венгерского парламента и «конгресса сербского»⁹⁸. Таким образом, комитет хорватского сабора воспринимал сербский народно-церковный собор наравне с самим сабором и венгерским парламентом.

Уже на рубеже 1861–1862 гг. хорватский сабор вынес заключение по сербскому вопросу, исходя из предложений комитета сабора. Так, пунктом I-1 вопрос Срема считался окончательно решенным самим императором (имеется в виду передача гражданского Срема в состав Хорватии и Славонии), что уже не подлежало обсуждению⁹⁹. Пунктом I-3 Военная граница, исходя из Основного закона Военной границы 1850 г., признавалась «составной или дополняющей частью австрийской армии, вследствие чего не

⁹⁶ Там же. С. 106.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 105–106.

⁹⁹ Там же. С. 107.

могущей быть составной частью какой-либо области Провинциала»¹⁰⁰. Основанием для этого служило и то, что Военная Граница имела «свои особые, исключительные институты» и не могла участвовать в «законодательной деятельности Провинциала»¹⁰¹. Здесь была отсылка к решению императора о запрете представительства Границы на хорватском саборе¹⁰². Также и право упразднения Военной границы, согласно ст. XIV решений комитета, было прерогативой исключительно монарха¹⁰³. Однако в таком случае сабор считал, что монарх «должен был испросить согласие у всех проживавших на Границе сербов»¹⁰⁴.

В статье III доказывалось, что сербский воевода, как глава сербской Воеводины, не может быть также главой сербов за ее пределами, в том числе и на Военной границе¹⁰⁵. В связи с чем сербы вне этнически сербской Воеводины не могли, согласно заключению хорватского сабора, избирать воеводу, так как в противном случае он бы превращался в «политического патриарха»¹⁰⁶. Таким образом, хорваты, боровшиеся за территориальное воссоединение исторического хорватского «Триединого королевства» выступали против создания сербами надтерриториальной структуры власти. Несмотря на то, что хорватские депутаты пошли на уступки Вене, признав неприкосновенность Военной границы и Благовещенский собор, однако они решили жестко защищать свою принципиальную позицию по двум ключевым проблемным вопросам хорватско-сербских отношений Габсбургской монархии, возникшим в 1848 г.: правам сербского воеводы на население Военной границы и принадлежности Срема (см. Главу 1).

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 108.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 107.

¹⁰⁶ Там же.

Более того, решение Благовещенского собора об использовании кириллицы не только во внутренних, но и во внешних делах Воеводины хорватский сабор в ст. VI заключений называл «совершенно непрактичным», а в равноправности кириллицы с латиницей в служебных делах Триединого королевства было полностью отказано¹⁰⁷. Здесь еще раз упоминалось об *одном* народе Триединого королевства¹⁰⁸. Таким образом, даже хорватские народняки всячески противились выходу сербской кириллицы куда-либо за пределы церковной сферы употребления и внутренних дел сербской Воеводины и, кроме того, снова педалировали тезис о единственном народе в Триедином королевстве.

Тем не менее, «Положения» Благовещенского собора об образовании новой сербской Воеводины были отвергнуты властями. Однако, поскольку нельзя было оставить сербов вообще без представительства, эти функции в итоге были переданы Сербскому церковному народному собору в Сремских Карловцах (на территории Военной границы). Необходимо отметить, что на Благовещенском соборе проявился идейный раскол сербского общества по вопросу, на кого им опираться в монархии. Большинство собора во главе с патриархом Й. Раяичем придерживалось провенской ориентации и требовало учреждения нового Воеводства, тогда как меньшая часть выступала за интеграцию сербов упраздненной Воеводины и Темешского Баната с Триединым королевством Хорватии, Славонии и Далмации на основе решений 1848 г. (см. Главу 1). Немногочисленные участники собора (во главе со Светозаром Милетичем) выступали за продолжение сотрудничества с Венгрией и за опору на Будапешт¹⁰⁹. Однако проблема поиска политического союзника не стояла перед венгерскими сербами столь остро, как перед сабором Хорватии и Славонии, и могла стать

¹⁰⁷ Там же. С. 108.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Закључења србског народног сабора држаног у Карловци Сремски год. 1861. 1861. С. 27.

первостепенной лишь с образованием новой сербской Воеводины, чего не произошло.

2.2. Проекты реформ Военной границы 1860-х годов

2.2.1. Проекты политических реформ Военной границы первой половины 1860-х годов

Еще в 1861 г. Военное министерство, в связи с началом реформ в Австрийской империи после поражения 1859 г. в войне против Франции и Сардинского королевства, предприняло попытку реформирования Военной границы. Для этих целей была образована комиссия из 18 человек высшего офицерского состава Границы во главе с генерал-майором бароном Й. Филипповичем фон Филиппсбергом – выходцем с Хорватско-славонской военной границы. В предложениях комиссии, помимо прочего, был пункт об уменьшении числа войск Границы при «увеличении числа офицеров, чиновников, торговцев и ремесленников»¹¹⁰. Таким образом, с одной стороны, делался акцент на изменение характера армии и управления ею (меньше солдат – больше офицеров), а с другой – предполагалось развитие экономики. Прежде предпринимательство на Границе не выходило за рамки военных коммун (городов Границы, имевших особый административный статус). Помимо этого, предполагалось усилить и политический вес Военной границы путем учреждения скупщин (советов) сельских сотенных общин и скупщин полков¹¹¹. Подобная двухуровневая система могла бы в дальнейшем увенчаться особой скупщиной (сабором) всей Границы, что направило бы ее политически по пути превращения в новое королевство по типу Далмации.

О серьезности этого намерения говорит желание комитета, поддержанное и военными кругами, получить статус постоянно действующего при Военном министерстве органа – комиссии, которая бы

¹¹⁰ Klagenfurter Zeitung. N 235. 1861. 12 X.

¹¹¹ Ibidem.

созывалась раз в пять лет для подготовки преобразований Военной границы в отдельное королевство¹¹². По мнению авторитетного хорватского историка М. Валентича, эта реформа была, по сути, «средней линией» между статус-кво военных кругов и исполнением радикального постановления сабора от 22 августа 1861 г.¹¹³. Оно вышло из-под пера членов особого комитета сабора по делам Военной границы и получило название «Об упразднении Хорватско-славонской Военной границы и установлении законов по ней»¹¹⁴. Основная идея документа – Военная граница упраздняется навсегда и включается в хорватское правовое пространство; на территории бывшей Границы образуются три новые жупании, а не вошедшая в них территория присоединяется к уже имеющимся хорватско-славонским жупаниям¹¹⁵. При этом некоторые депутаты-границары тогда предлагали поэтапную интеграцию Границы в состав Бановины.

Однако министерскую реформу, считает М. Валентич, нельзя «строго связывать» с решениями хорватского сабора и требованиями депутатов-границар, потому как в Военном министерстве видели «реформированную Границу с новыми офицерскими кадрами еще более сильным клином, который, среди прочего, должен был разделить хорватские земли и таким образом замедлить процесс интеграции хорватского народа»¹¹⁶. Из этого можно заключить, что министерская реформа, направленная в том числе и на пересмотр судебной системы Военной границы¹¹⁷, хоть и была первым шагом к ревизии Основных законов Границы 1807 и 1850 гг., однако имела направленность, противоположную чаяниям хорватских и части

¹¹² Ibidem.

¹¹³ *Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. Zagreb, 1981. S. 108.*

¹¹⁴ Die Presse. N 230. 1861. 23 VIII.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 108.*

¹¹⁷ Klagenfurter Zeitung. N 235. 1861. 12 X.

граничарских политиков. Комиссия закончила свою работу 14 октября 1861 г., подарив части граничар надежду на упразднение надоевшей им военной системы при сохранении и даже развитии институтов территориальной автономии Границы.

На политической арене королевства Хорватии и Славонии в 1860-е годы после активизации партийной деятельности наблюдались подвижки. Еще в начале 1860-х годов произошел раскол национально-либеральной Хорватской народной партии (ХНП, так называемые народняки). После выделения из нее Самостоятельной национальной партии (СНП, или «самосталцы») они обе взяли курс на воссоединение Военной границы с Бановиной, но разными путями¹¹⁸. С 1864 г. СНП выступала за объединение Военной границы с Хорватией и Славонией в два этапа, поддержав программу части депутатов Границы в саборе. При этом самосталцы требовали немедленной демилитаризации «вараждинских полков, т. е. Джурджевацкого и Крижевацкого, а также военной коммуны Беловар, котара Жумберакского и города Сеня»¹¹⁹. В то же время ХНП не имела четкой программы упразднения Военной границы, но отстаивала идею воссоединения земель «исторического» Триединого королевства: Хорватии, Славонии и Далмации, а также Хорватско-славонской военной границы. Однако сходной позиции придерживались и малочисленные на саборах правашаи (Хорватская партия права, ХПП). При этом обе партии, ХНП и СНП, могли ситуационно отказываться от идеи полного присоединения

¹¹⁸ О партийном строительстве в королевстве Хорватия-Славония см.: Ващенко М.С., Величко О.И., Дронов М.Ю., Кирилина Л.А. и др. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. С. 131–137.

¹¹⁹ Uvjetno ili bezuvjetno? Mnjenje o rješenju naših državnopravnih pitanjah. Program Samostalne narodne stranke (Zagreb, 1864.) // Cipek T., Matković S. Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina 1842.–1914. Zagreb, 2006. S. 151.

Границы к Бановине, что давало их политическим противникам повод к обвинению в соглашательстве с Венной¹²⁰.

Новый сабор был созван 17 июля 1865 г., однако работать начал лишь 12 декабря 1865 г. Он существенно отличался от прежнего 1861 г.: число представителей Бановины уменьшилось со 120 до 74 чел., а число депутатов от Границы осталось прежним – 55 чел.¹²¹ Таким образом, Хорватско-славонская военная граница в общем соотношении стала существенной силой. Вместе с тем ставка австрийских военных кругов была сделана на Самостоятельную национальную партию в противовес унионистам (конституционно-либеральной Хорватско-венгерской партии, выступавшей за политическую унию с Венгрией). В итоге последним удалось получить лишь треть мест в новом саборе¹²².

Первую программу реформ Границы на этом саборе сформировали представители преимущественно католического Бродского полка. Они разработали план-минимум и план-максимум по упразднению Военной границы¹²³. Первый включал, в частности, упразднение граничных отделений Военного министерства и генерального командования в Загребе и передачу их земельному управлению Бановины¹²⁴. Согласно этому плану, граничары также переставали быть пограничниками – вместо них погранслужбу должны были нести обычные регулярные войска, как это было в гражданской Далмации¹²⁵. План-максимум предполагал полное упразднение Военной границы¹²⁶. Однако остальные депутаты от Военной границы, которые в основном были старыми боевыми офицерами, не поддержали бродских

¹²⁰ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 131.*

¹²¹ *Neue Freie Presse. N 471. 1865. 19 XII.*

¹²² *Ibidem.*

¹²³ *Neue Freie Presse. N 506. 1866. 27 I.*

¹²⁴ *Ibidem.*

¹²⁵ *Ibidem.*

¹²⁶ *Ibidem.*

представителей¹²⁷. В новый комитет сабора по выработке нового адреса (обращения) по поводу упразднения Границы вошел лишь один представитель Границы, а большинство в комитете составили сторонники ХНП¹²⁸.

В выработанном комитетом адресе на имя императора выдвигалось требование полного упразднения Военной границы. Однако против этого решительно выступили депутаты от Границы во главе с представителем преимущественно православного по составу населения Слуньского полка Г. Заставникович. Он подчеркивал, что адрес является делом лишь одной партии – народняков (его же фракция поддерживала самосталцев)¹²⁹. Он также указывал на то, что граничары не хотят упразднения военной системы Границы, доверяют императору и желают, чтобы он и в дальнейшем управлял ею, как делал это прежде¹³⁰. Такую провенскую позицию поддерживал православный священник с Границы Й. Попович, который обращал внимание на нежелание граничар идти на союз с венграми, с которыми они «совсем недавно»¹³¹ воевали¹³². Одним из главных положений опубликованной в венской газете «*Vaterland*» программы реформы Военной границы Г. Заставниковича было формирование всего офицерского корпуса Границы из местных кадров, знавших язык населения¹³³. Таким образом, граничары православного вероисповедания, в отличие от соратников-католиков, выступали за сохранение института Военной границы. Другими словами, в рядах депутатов произошел внепартийный раскол по линии

¹²⁷ Ibidem.

¹²⁸ Ibidem.

¹²⁹ Neue Freie Presse. N 517. 1865. 07 II.

¹³⁰ Ibidem.

¹³¹ Отсылка к активному участию граничар на стороне императорских войск и сербских повстанцев против венгерских революционеров в 1848–1849 гг.

¹³² Neue Freie Presse. N 517. 1865. 07 II.

¹³³ Vaterland. 1865. 24 V.

конфессионально-национальной принадлежности¹³⁴. При этом сербов-граничар и хорватских самосталцев можно считать лишь ситуационными союзниками на саборе, что стало возможным лишь из-за того, что сама СНП была во многом венским проектом¹³⁵, а в существовании Военной границы были также заинтересованы Военное министерство и венский двор. Однако, несмотря на формальную поддержку сербами-граничарами хорватских самосталцев, ни эта партия, ни какая-либо другая из хорватских не были заинтересованы в сохранении Военной границы, что в дальнейшем даст толчок сначала внепартийному политическому граничарскому движению за сохранение Границы (это станет ответом на решение властей о ее демилитаризации), а затем и появлению на рубеже 1870–1880-х годов особой Самостоятельной сербской партии (ССП) для отстаивания интересов сербов-граничар уже в новой реальности, в составе королевства Хорватии и Славонии.

Глава самосталцев на саборе И. Вончина внес в текст адреса императору «Исправление», в основу которого лег императорский рескрипт от 8 ноября 1861 г.¹³⁶. В нем говорилось о «политическом значении» существования Военной границы для будущего королевства Хорватия, но исключалась возможность демилитаризации Границы¹³⁷. Поправка И. Вончины лишь смягчала характер адреса, исключая из него слова о том, что существование Границы противоречит хорватскому государственному

¹³⁴ Подробнее о национальных и конфессиональных группах населения Военной границы см.: *Djordjević D. Die Serben // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. Teil 1 / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1980. S. 751–754; Turczynski E. Orthodoxe und Unierte // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. IV. Die Konfessionen / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1985. S. 424–432.*

¹³⁵ Подробнее о СНП как венском проекте, направленном на срыв сближения Хорватии с Венгрией, см.: *Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 251.*

¹³⁶ *Neue Freie Presse. 1866. 09 II. N 519.*

¹³⁷ *Die Presse. 1861. 13 XI. N 312.*

праву и развитию народа¹³⁸. М. Валентич видит ошибку И. Вончины в том, что он не консультировался с депутатами от Военной границы, а следовательно, не заручился их поддержкой¹³⁹. Однако самосталцы договорились с Хорватской народной партией, которая учла эту поправку и внесла соответствующие изменения в текст адреса.

Ответ императора-короля на адрес сабора 27 февраля 1866 г. был категоричнее и жестче, чем 8 ноября 1861 г.: «Никакого изменения в системе Границы не будет». Монарх давал понять, что полное упразднение Границы несвоевременно и приведет лишь к «конфликтам, мешающим службе и порядку»¹⁴⁰. Впрочем, это был последний ответ императора-короля хорватскому сабору по вопросу Границы, так как с этого момента постепенно решение вопроса Военной границы перейдет от Вены к Пешту. В этом ответе Франц Иосиф предложил депутатам сабора в первую очередь решить вопрос государственно-правового статуса королевства Хорватии и Славонии как в отношении Венгрии, так и внутри всей монархии¹⁴¹.

11 марта 1866 г. уже новый сабор, куда не вошли самосталцы (после этого СНП прекратила существование), начал рассмотрение предложения императора по выработке основы государственно-правовых отношений между Хорватией и Венгрией¹⁴². При этом предложения граничар о демилитаризации частей Границы продолжали поступать. Так, 15 февраля 1866 г. представитель города Сень В. Винский внес на рассмотрение сабора просьбу об «освобождении от военного управления» этой военной коммуны Границы, где он, в частности, ссылаясь на решение сабора от 11 мая 1861 г.,

¹³⁸ Neue Freie Presse. 1866. 09 II. N 519.

¹³⁹ Valentić M. Vojna Krajina... S. 137.

¹⁴⁰ Saborski spisi sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od godine 1865.–1867. Zagreb, 1900. S. 181.

¹⁴¹ Saborski spisi sabora. S. 181.

¹⁴² Ibid. S. 214.

которое тогда не было подписано императором¹⁴³. И уже 21 февраля 1866 г. сабор удовлетворил это предложение, направив императору просьбу о демилитаризации Сенья с подробным историческим экскурсом, доказывавшим его невоенное назначение. Одним из последних аргументов являлся тот, что военная система тормозит развитие города, который в экономическом плане отстает от других городов побережья¹⁴⁴. Таким образом, представители Сенья продолжали борьбу за демилитаризацию города, начатую еще в Предмартовский период.

16 февраля народняк Й. Суботич выступил в саборе за равноправие депутатов от Военной границы с остальными народными представителями, так как депутаты-границары не могли участвовать в решении вопросов, касавшихся функций сабора и регулирования избирательного процесса¹⁴⁵. Однако 21 апреля 1866 г. сабор был распущен и снова созван указом императора лишь 21 октября. При этом с 26 октября депутаты от Военной границы не могли участвовать в его работе, поскольку не был окончательно решен вопрос о дальнейшей судьбе Военной границы¹⁴⁶. Габсбургская монархия находилась на пороге больших перемен. 4 января 1867 г. сабор был распущен императором в связи с предстоящими переговорами с венгерской стороной о переустройстве Австрийской империи¹⁴⁷.

2.2.2. Политическая и экономическая борьба за Военную границу в период дуалистического преобразования монархии в 1867–1869 годы

На заседании Министерского совета 1 апреля 1867 г. было одобрено требование венгров о передаче им территории Бановины, но с условием, что и они должны будут заключить особое соглашение с Хорватией. 3 апреля

¹⁴³ Ibid. S. 139.

¹⁴⁴ Ibid. S. 140.

¹⁴⁵ Ibid. S. 152.

¹⁴⁶ Ibid. S. 257.

¹⁴⁷ Ibid. S. 309.

1867 г. вышел императорский указ, где на основе адресов сабора от 24 сентября 1861 г. и 10 февраля 1866 г. (оба раза хорватские партии сходились во мнении о необходимости альянса с венграми в достижении политической автономии от Вены) признавалась «историческая связь» хорватского парламента с Венгерским королевством¹⁴⁸. Но в новых условиях дуализма, когда венгры уже добились желаемого, а хорваты – нет, такое решение императора вызвало прения между хорватскими политиками. В конце концов 18 мая 1867 г. сабор, в котором преобладали разочарованные в австро-венгерском соглашении народняки, не признал нового политического устройства монархии, поэтому 25 мая того же года был распущен¹⁴⁹. Коронация Франца Иосифа 8 июня 1867 г. венгерской короной прошла без хорватских представителей. Совмещавший¹⁵⁰ должность хорватского бана и главкома Военной границы и делавший ставку на народняков в саборе Й. Шокчевич, не вписавшись в новую систему дуализма, подал в отставку. Однако на его место по просьбе эрцгерцога Альбрехта исключительно для Хорватско-славонской военной границы был поставлен генерал Л. Габленц, имевший безупречную репутацию. Тем самым Вена хотела показать свою заинтересованность в Военной границе в пику венгерским претензиям на нее.

Новый главнокомандующий Л. Габленц с одобрения Военного министерства немедленно принялся проводить умеренные реформы Границы. На фоне этих событий произошло сближение между военными кругами и Хорватской народной партией на почве противодействия венгерской экспансии внутри монархии. Главный орган ХНП «*Pozor*» в это

¹⁴⁸ Ibid. S. 313.

¹⁴⁹ Ibid. S. 332–334.

¹⁵⁰ Такое совмещение двух должностей возникло в период революции 1848–1849 гг. из-за чрезвычайной ситуации в Австрийской империи, требовавшей противопоставить венского назначенца главой Хорватии, Славонии и Военной границы особому пештскому комиссару, в функции которого входило управление теми же территориями.

время выступал в защиту интересов собственно Границы и управлявшего ею генерального командования. Чтобы избежать давления со стороны венгров, издательство газеты в сентябре 1867 г. переехало в Вену, где начало выпускать газету «*Novi Pozor*». Таким образом, на краткий период турбулентности в монархии нишу ушедшей с политической сцены СНП заняла сама ХНП.

Помимо новой линии народняков, в высших кругах военного управления края всё большую популярность получала идея об опоре на Хорватию как возможный противовес Венгрии. Так, произведенный в генералы австрийской армии сразу после отставки Й. Шокчевича И. Гривичич, глава генерального командования в Загребе Л. Габленц и эрцгерцог Альбрехт, критикуя соглашение о дуализации империи, а также коронацию императора-короля в Пеште, выступили за дальнейшую федерализацию на основе выделения третьей части в монархии – Хорватии. Согласно их программе, требовалось образовать южнославянский союз, состоящий из Военной границы, Хорватии, Далмации, а также в дальнейшем из тогда еще турецких Боснии и Герцеговины, в качестве сильной опоры династии против Венгрии¹⁵¹. Таким образом, в военных кругах появилась идея не только традиционного противостояния Венгрии, но и получения новой, третьей (хорватско-южнославянской) частью монархии равных прав с Венгерским королевством.

Во время переговоров в Вене с венгерской делегацией по вопросу военных полномочий в монархии (венгры добивались своего особого военного министерства) перед военным министром встал вопрос, принять проект И. Гривичича (сохранение жесткой централизации и единства армии) или пойти на уступки венграм¹⁵². Ситуация была сложной. С одной стороны, как отмечает перешедший на русскую службу граничарский офицер

¹⁵¹ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 145.*

¹⁵² *Ibid. S. 146.*

Б. Каталинич, И. Гривичич «находился в тесных отношениях с национальной кроато-сербской партией (народняками. – *А.Д.*) и с венской камарилою»¹⁵³, с другой, венгерская делегация была готова покинуть Вену в случае одобрения проекта И. Гривичича. При этом Б. Каталинич пишет, что «Военная граница видела в нем (И. Гривичиче. – *А.Д.*) своего вождя для своих интересов»¹⁵⁴.

Тем не менее, в этой ситуации личные переговоры министра-президента Венгрии Д. Андраши с императором изменили положение в пользу венгров. В результате успеха венгерского лидера И. Гривичич оказался в опале (ему запретили в будущем даже появляться в генеральской делегации), а венгры добились существенных уступок. Венгрия приобретала собственное министерство обороны (Военное министерство в Вене все-таки оставалось общим для двух частей империи)¹⁵⁵.

При этом Д. Андраши позаботился и о Военной границе. Он добился образования особой новой «Комиссии Границы». Хотя она могла рассматриваться в качестве конкурента Военного министерства и генерального командования, продолжавших управлять краем, особых трудностей в сотрудничестве с министерством у комиссии не возникало. Таким образом, когда венгерские власти открыто заявили о своих притязаниях на Границу, этим они еще раз доказали хорватским унионистам Бановины желание добиваться объединения Военной границы с гражданскими Хорватией и Славонией. Такое единство целей окончательно переориентировало хорватских провенгерски настроенных политиков, число

¹⁵³ Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записка Б. Каталинича «О путешествии через южно-славянские земли. 1870 г. июль-август» // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1961. С. 225.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ *Allmayer-Beck J.C.* Die bewaffnete Macht in Staat und Gesellschaft // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band V. Die bewaffnete Macht / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1987. S. 90–91.

которых в новом саборе 1868 г. выросло, на передачу вопроса об упразднении Границы в Государственное собрание в Пеште. С этой целью они обратились к венгерскому парламенту с просьбой рассматривать вопрос объединения как свой и помочь им объединить Границу с гражданскими Хорватией и Славонией в единое политическое тело. Тем самым они, по сути, не только признавались в своей неспособности осуществить заветное объединение, но и поддерживали присоединение территорий края (вместе с Бановиной) к Венгрии (Транслейтании)¹⁵⁶.

На последнем заседании (22–23 июня 1868 г.) хорватский сабор принял требования исключительно по вопросу Военной границы: ее конституционное переустройство с незамедлительным введением гражданских администрации и суда, а также демилитаризацией военных коммун. Предполагалось и моментальное упразднение самых северных Крижевацкого и Джурджевацкого полков, что повторяло программу самосталцев 1864 г. Как замечает М. Валентич, «требование Хорватии упразднить Границу по частям соответствовало только политической стратегии венгров»¹⁵⁷. Все эти требования уже были обращены не к Вене, как до этого, а к венгерскому парламенту.

Тогда же венгры выразили заинтересованность в переподчинении Петроварадинского полка Хорватско-славонской военной границе, однако натолкнулись здесь на сопротивление военных кругов. Только в 1868 г. эти задачи всё-таки удалось реализовать. В тексте Хорватско-венгерского соглашения были прописаны полки, которые входили в Хорватско-

¹⁵⁶ *Heka L.* Osam stoljća Hrvatsko-ugarske državne zajednice s posebnim osvrtom na Hrvatsko-ugarsku nagodbu. Szeged, Subotica. 2011; *Čepulo D.* Hrvatsko-ugarska nagodba i reforme institucija vlasti u Hrvatskom saboru 1868.–1871. // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. Rijeka, 2001. S. 117–148. Br. 1; *Медяков А.С.* Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) // Центральная Европа в новое и новейшее время / отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 152–172.

¹⁵⁷ *Valentić M.* Vojna Krajina. S. 150.

славонскую границу и, что важно, признавались частью королевства Хорватии и Славонии (§ 66 соглашения)¹⁵⁸. В их числе был и Петроварадинский полк, в результате чего восточная граница Хорватии-Славонии проходила по Дунаю, включая весь Срем в состав королевства, хотя еще в 1848 г. по вопросу принадлежности Срема были серьезные дискуссии в хорватском саборе между сербской делегацией только что провозглашенной сербской Воеводины и хорватскими депутатами всех фракций¹⁵⁹. Именно вопрос Срема тогда внес раскол в хорватско-сербский антивенгерский альянс. 15 марта 1869 г. новый сабор, в котором преобладали провенгерские унионисты, принял законодательство Хорватии и Славонии, связанное с Хорватско-венгерским соглашением, в том числе и само это соглашение (решение сабора № 30)¹⁶⁰. Через две недели после этого, 29 марта 1869 г., императорским рескриптом баном был официально назначен унгарофил Левин Раух¹⁶¹, что облегчило проведение венгерских интересов в Хорватии и Славонии.

В вопросе о Военной границе произошло столкновение и экономических интересов двух частей монархии. Австрийскую сторону привлекало построение железной дороги Сисак – Сплит¹⁶². С ее помощью можно было теснее привязать Далмацию к наследственным владениям Габсбургов, а затем (в случае отхода Границы к Транслейтании) получить далматинские полки в Цислейтанию. Для построения дороги решили

¹⁵⁸ The Hungarian-Croatian Compromise of 1868 (The Nagodba) // *Seton-Watson R. W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy*. London, 1911. P. 373.

¹⁵⁹ См.: 2. saborska sjednica – 6. lipnja 1848. // *Hrvatski državni sabor 1848*. Zagreb, 2001. Knj. I. S. 386–399.

¹⁶⁰ *Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu godine 1868.–1871*. Zagreb, 1884. S. 395.

¹⁶¹ *Saborski spisi sabora*. S. 95.

¹⁶² О планах строительства железных дорог на юге Габсбургской монархии в 1860-е годы см.: *Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу*. М., 1970. С. 3–34.

использовать леса Военной границы. И тут заявили свое решительное несогласие венгерские власти. Ведь они считали Границу уже практически своей, тогда как австрийцы собирались вырубать на этой территории один из главных на тот момент ресурсов – леса. Тем более, согласно Б. Каталиничу, Венгрия собиралась проложить железную дорогу через Славонию на Брод (Славонски-Брод), «чтобы ее (Славонию. – *А.Д.*) разделить и посредством этой дороги она могла бы скорее двинуть в случае надобности в какой-либо пункт свое войско»¹⁶³.

На XXXIV заседании хорватского сабора 18 марта 1869 г. депутатом от Границы А. Стояновичем был поднят вопрос об угрозе продажи 30 тыс. моргенов¹⁶⁴ леса из Бродского и Петроварадинского полков Военной границы, которые воспринимались как часть «территории Хорватии и Славонии»¹⁶⁵. Но в полной мере тезис о том, что Военная граница – часть хорватских земель, раскрывается на XLII заседании сабора 17 апреля 1869 г., на котором речь зашла о лесах Границы. Всю суть полемики по вопросу лесов очень точно выразил депутат от Вуковара (Срем) И. Живкович: выручка с продажи лесов должна была пойти либо в хорватский, либо в венгерский бюджет, но никак не в «какую-либо третью кассу». В качестве такой «третьей кассы» могло выступить «некое совместное министерство» (подразумевалось управлявшее Границей военное ведомство)¹⁶⁶.

Этот же депутат связал вопрос продажи лесов с проблемой самой принадлежности Границы. По его мнению, Военную границу нельзя сравнивать с Далмацией (по отношению к Хорватии и Славонии), потому что Граница не относится к Цислейтании – ее пограничные таможи являются венгерскими, а следовательно, управляются венгерским финансовым

¹⁶³ Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записка Б. Каталинича. С. 227.

¹⁶⁴ 1 австрийский морген = 5754,64 м².

¹⁶⁵ Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu godine 1868.–1871. S. 439.

¹⁶⁶ Ibid. S. 556.

ведомством, как и таможи Баната. Таким образом, делался вывод о принадлежности Военной границы Транслейтании, так как «*res nullius*¹⁶⁷ Граница быть не может»¹⁶⁸. На основе этого вывода И. Живковича депутаты сабора пришли к консенсусу об апелляции именно к «святой короне св. Стефана», т. е. венгерскому королю, о нарушении австрийским военным министром Ф. Куном § 8 Хорвато-венгерского соглашения, согласно которому такой вопрос, как продажа государственного имущества, решал венгерский парламент¹⁶⁹.

Здесь следует обратить внимание на то, что депутаты сабора апеллируют не лично к венгерскому королю Францу Иосифу, а именно к символу государственности – короне, т.е. тем самым признают политическую унию с Венгрией, вне зависимости от правящей династии. В тот же день, 21 апреля 1869 г., хорватский сабор отправил императору адрес, в котором доказывал принадлежность лесов Границы Хорватии и Славонии, защищая их также и от притязаний венгров, упомянутым выше § 66 Хорвато-венгерского соглашения 1868 г., согласно которому Хорватско-славонская военная граница признавалась частью именно Хорватии и Славонии¹⁷⁰. Однако отстаивать экономические интересы в этой борьбе за земли Границы хорватские политики так и не смогли, а решающую роль в начале процесса демилитаризации Границы сыграли политически гораздо более сильные венгры.

Несмотря на согласие венгерских лидеров в 1867 г. на сохранение Военной границы в неизменном виде, уже в августе 1869 г. премьер-министр правительства Венгрии Д. Андраши снова смог договориться лично с Францем Иосифом и министром-президентом Австрии Ф. Бейстом о том, что

¹⁶⁷ *Res nullius* (лат.) – бесхозяйная вещь.

¹⁶⁸ *Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu godine 1868.–1871.* S. 570–571.

¹⁶⁹ *Ibid.* S. 573.

¹⁷⁰ *Saborski spisi sabora.* S. 94.

Военная граница должна упраздняться частями и в конечном итоге войти в состав Венгеро-Хорватского королевства. В частности, премьер-министру Венгрии удалось получить согласие императора на немедленное упразднение военного управления в Джурджевацком и Крижевецком полках, а также в военных коммунах Сене, Беловаре, Иваниче и Сисаке. Решение об этом было вало поддержано австрийскими министрами лишь после выступления Ф. Бейста (противник триализма¹⁷¹), который представил его как компромисс с венграми. Таким образом, по сути, венгерская сторона реализовала первый этап программы хорватских самосталцев от 1864 г. в отношении Военной границы, а также давние чаяния депутатов сабора от города Сень.

Императорский рескрипт о начале демилитаризации Границы был издан 19 августа 1869 г., а 22 августа опубликован в «*Wiener Zeitung*»¹⁷². Данное решение бывший советник Хорватской придворной канцелярии О. Утешенович назвал «дамокловым мечом» над граничарами¹⁷³. Осознав то, что у них больше нет поддержки на самом верху, граничары стали активнее политизироваться. Так, в том же 1869 г. среди депутатов хорватского сабора от Военной границы формируется «граничарское движение», лидеры которого выступали за глубокие реформы социально-хозяйственного уклада жизни Границы, но одновременно за сохранение ее территории как особой автономной части империи вплоть до создания особого ландтага и органов власти, подобных имевшимся у королевства Хорватии и Славонии. Ядро движения составили делегаты от упраздняемого Крижевецкого полка, что говорит об изначальном характере движения как противодействующего ликвидации особой территории Военной границы.

¹⁷¹ Триализм – планы административно-политического переустройства Габсбургской монархии на основе разделения ее территории на три равноправные части. В 1860–1910-е гг. триализм противопоставлялся австро-венгерскому дуализму.

¹⁷² *Wiener Zeitung*. N 193.1869. 22 VIII.

¹⁷³ *Утјешеновић Острожински О.* Златна књига породице Утјешеновића. С. 280.

Итак, реализованными в отношении Границы оказались самые радикальные проекты хорватских политических партий (прежде всего, самосталцев и унионистов) и прохорватского меньшинства депутатов-граничар. Военное министерство, провенские силы в саборе и большинство депутатов-граничар, настроенные на сохранение особой территории Военной границы, потерпели поражение. Также не увенчался успехом и лоббировавшийся частью высшего австрийского и хорватского офицерства проект триализма империи. Однако хорватам не удалось отстоять свои экономические права на Хорватско-славонскую военную границу, поэтому приобретение ее территории в условиях дуализма империи не соответствовало в полной мере ожиданиям всех хорватских партий, кроме унионистов. Таким образом, из-за реализации венгерского дуалистического проекта другие проекты были либо отброшены, либо встроены в рамки интересов Пешта.

2.3. «Граничарское движение» и упразднение Военной границы

Граничарское движение впервые заявило о себе посланием граничар сотни св. Ивана Крижевацкого полка, которое было представлено 7 сентября 1869 г. на хорватском языке. Требования, выраженные в этом послании, можно классифицировать так: 1) граничарами были – граничарами и останемся; 2) решения по Границе необходимо принимать с согласия сотни и каждого граничара в отдельности; 3) возможность избирать надежных мужей для отстаивания прав граничар¹⁷⁴. Таким образом, здесь уже проявляются общее региональное самосознание (граничары), связанное с корпоративно-сословной составляющей, а также политическая зрелость (участие в решении проблем своего региона, представительство). Упразднение Границы и ее присоединение к Бановине рассматривалось после событий второй половины 1860-х годов как вхождение Военной границы напрямую в состав Венгрии.

¹⁷⁴ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 177.*

Но ведь всего 20 лет назад многие граничары подавляли венгерскую революцию, считая мадьяр врагами. А теперь они должны были признать себя подданными Венгерского королевства! Свое неприятие этому выражали еще депутаты от Военной границы на саборе Бановины. После их возвращения и хорвато-венгерского соглашения на территории Границы было распространено мнение, что хорваты Провинциала продались венграм и добровольно дали себя мадьяризировать. Развитию такого мнения во многом способствовал и режим нового бана Провинциала Л. Рауха, ставленника и сторонника венгров. В такой обстановке у граничар оставалась надежда только на своих полковников, австрийского генерала Л. Габленца, как главкома Военной границы, и «доброго императора». Однако после императорского рескрипта о частичном упразднении Военной границы высшее офицерство края было дезориентировано, не говоря уже о низших чинах. Офицеры не знали, что сказать своим солдатам, служилым граничарам. Здесь следует указать и на массовость начавшегося движения – первое послание подписали сразу 120 наиболее авторитетных граничар этой сотни¹⁷⁵. Идеи о созыве особого сабора Границы поддерживали Военное министерство и венские политические и экономические круги, тогда как за «новый» сабор и ревизию соглашения выступала Народная партия и ее орган «*Zatočnik*». Б. Каталинич замечает, что Народная партия и ее газета «имеет целью освободить кроато-сербский народ от венгерского ярма»¹⁷⁶.

Главной причиной движения граничар являлась угроза особому квази-сословному статусу граничарского населения. Так, с присоединением к Провинциалу и Венгрии граничары теряли свои привилегии на леса и луга, на которых держалось их аграрное хозяйство и которых они добились на саборе 1848 г. Также они могли лишиться права на дешевую соль (тоже достижение 1848 г.).

¹⁷⁵ Ibid. S. 180.

¹⁷⁶ Жуковска Н.П., Шнейдер А.Е. Записка Б. Каталинича. С. 224.

Такая ситуация вызвала у некоторых крупных чиновников идею о возможности с помощью граничарского движения взять реванш и в австро-венгерском соглашении 1867 г. Так, придворный советник О. Утешенович Острожинский в октябре 1869 г. написал книгу с изложением ситуации в монархии и своих взглядов на нее¹⁷⁷. М. Валентич назвал ее «брошюрой, написанной в форме политического памфлета»¹⁷⁸. Основная идея О. Утешеновича: Великий патент и Австро-венгерское соглашение уничтожили Октябрьский диплом как гарантию равноправности народов Австрийской империи. О. Утешенович предлагает союз австрийских немцев и славян монархии против венгров. Во главе славянского движения должна была стоять Хорватия. Главная цель этого движения: добиться федерализации империи. Но в качестве сильного орудия против венгров О. Утешенович предлагал использовать и Военную границу как особую территорию со своими привилегиями и сабором, что, по его мнению, должно было помешать проникновению венгерского капитала в пределы Границы. Таким образом, О. Утешенович во многом выступал с позиций Военного министерства, но при этом был сторонником австрофедерализма. Эта работа стала, по сути, настольной книгой граничарского движения.

Однако развивалось и конкретно сербское национальное движение в восточной части Военной границы. Центр сербского движения был в Нови Саде, а его лидером стал С. Милетич, который составил «Решение» (решение вопроса Границы и сербов Венгрии). Основой этой программы стало положение возглавляемой С. Милетичем Сербской партии свободомыслящих о необходимости соединения Военной границы с Венгрией¹⁷⁹. Главными положениями программы С. Милетича были следующие: разработка конституции для всей Границы; решение вопроса о Границе на совместном

¹⁷⁷ *Utješenić Ostrožinski O. Die Militärgrenz-Frage und der österreichisch-ungarische Constitutionalismus. Wien, 1869.*

¹⁷⁸ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 181.*

¹⁷⁹ *Основа програма за српску либерално-опозициону странку. С. 34.*

саборе в Загребе из представителей Далмации, Хорватии, Славонии при участии депутатов от Военной границы (т. е. Триединого королевства и Границы); все сербы, в каких бы землях Венгерского королевства они ни жили, в вопросах развития народности сербской и языка должны быть в ведении сербского народного конгресса по церковно-народным делам. Таким образом, программа С. Милетича предполагала создание единого органа управления сербами внутри всего Венгерского королевства. Идею сербского народного конгресса как органа, руководящего всеми сербами, следует считать новаторской и предвещающей создание общесербской партии особого типа – с альтернативными государственным ведомствами и функциями.

Народная партия выступала за «третий путь» в данном вопросе: созыв особой «конференции по Границе» военным министром для выработки компромисса¹⁸⁰. Однако В. Крестич считает, что Народная партия в граничарском движении руководствовалась исключительно общехорватскими мотивами, тогда как, например, Сербская независимая партия (самосталцы Воеводины) – сербскими. В. Крестич замечает, что хотя «планы, выдвинутые сербами, было труднее осуществить, зато сербы выступали сплоченнее и организованнее, чем хорваты»¹⁸¹.

Сербы-граничары боролись за собственную автономию и воспринимали упразднение Границы как последнюю благоприятную возможность для создания своей особой территории в монархии. В то время как хорваты-граничары теперь опасались, что вместе с упразднением Границы они потеряют свои привилегии, хотя совсем недавно они еще были в большинстве за объединение с «матерью-землей». За сохранение Военной границы тогда также выступала венская газета «*Zukunft*», близкая военным кругам и имевшая антидуалистическую направленность.

¹⁸⁰ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 181.*

¹⁸¹ *Krestić V.Đ. Srpsko-hrvatski odnosi. S. 262.*

В такой ситуации завоевания Д. Андраши оказались под угрозой, особенно концессия по лесам и решение о частичном упразднении Военной границы. Тогда венгры через свою прессу стали апеллировать ко Двору, указывая на опасность «панславистского» граничарского движения не только для Венгрии, но и монархии вообще. Бан-унионист Л. Раух пошел даже на союз с хорватскими правашами, чтобы иметь хоть каких-то союзников на политической сцене против народняков и граничарского движения.

Не осталось в стороне и Военное министерство. Военная антивенгерская партия в лице эрцгерцога Альбрехта и военного министра барона Франца Куна фон Куненфельда объединила усилия, чтобы предложить и свое решение проблемы Военной границы. Проект Военного министерства разработал глава управления Границей (сменивший Г. Застанковича) Кёниг. С одной стороны, он доказал несовместимость начавшей вводиться в империи всеобщей воинской повинности и существования особого милитаризованного региона в виде Военной границы, предлагая упразднить и демилитаризовать Границу. С другой стороны, на базе Основного закона Военной границы 1850 г. Кёниг выводил право края считаться особым королевством в составе Цислейтании со своим особым ландтагом. Венгерской стратегии упразднения Военной границы по частям, которая уже начала реализовываться, Кёниг противопоставил свою программу «постепенной провинциализации» Границы, предусматривавшей переход от военного управления к гражданскому в два этапа. Причем, реформы должны были затрагивать всю Границу, но с учетом мнения отдельных полков. Хотя Кёниг был опытным военным, однако позволял и такую демократию, противоречившую единству реформ на Границе.

Согласно Австро-венгерскому соглашению о дуализме 1867 г., Военная граница обозначалась общим достоянием обеих частей монархии, но пропорции налогов были в пользу Цислейтании, как главенствующей части империи (70 : 30). При этом такие же пропорции сохранялись и по косвенным налогам, хотя, согласно историческому праву, Венгрия могла

получать и 100%. В 1870 г. в связи с передачей Венгрии частей Военной границы были проведены совместные переговоры правительств двух частей империи об изменении квоты налога. Венграм и Д. Андраши удалось добиться уступок австрийцев и изменения общего процентного соотношения с 30 : 70 на 32 : 68. Однако рейхсрат окончательно утвердил это изменение лишь в следующем, 1871 г.

В январе 1870 г. на место главкома Военной границы вместо Л. Габленца был утвержден главком австрийской обороны Тироля фельдмаршал барон Антон Моллилари. М. Валентич считает, что назначение А. Моллилари главой Хорватско-славонской границы было связано с решением упразднить не всю Военную границу, а лишь конкретно ее Вараждинскую часть и Жумберакский котар. Это он доказывает тем, что в 1870 г. император еще серьезно рассматривал возможность реализации проекта Кёнига¹⁸². Однако именно из-за поддержки проекта Кёнига, ставившего во главу угла постепенную демилитаризацию Границы, Военное министерство охладело к граничарскому движению.

Это поняли и граничары. Находившийся во главе движения город Сисак и выходивший там печатный орган «*Zatočnik*» переориентируются с поддержки Вены на конфронтацию с ней, добиваясь теперь сохранения статус-кво. Проехавший по территории Границы А. Моллилари, тем не менее, обнаружил наиболее сильные очаги граничарского движения лишь на территориях, которые, согласно рескрипту императора 1869 г., передавались Венгрии, выразив также озабоченность сильной антимадьярской пропагандой на Хорватской и Славонской границах. Однако А. Моллилари не совсем верно оценил обстановку, так как делал акцент в изучении политического фона Границы на отношении граничар к венграм (из этого вытекал вывод о лояльности/нелояльности Вене)¹⁸³.

¹⁸² *Valentić M. Vojna Krajina. S. 194.*

¹⁸³ *Ibid. S. 196.*

Тем временем, в конце 1869 – начале 1870 гг., во всей территории Военной границы проходили собрания (скупщины) по общинам, сотням, городам и полкам граничар. На них обсуждались актуальные политические вопросы о положении края и принимались требования, просьбы или послания разным органам и руководителям, связанным с управлением Границей, вплоть до императора. Однако идея посылки депутации напрямую к императору появилась там, где была наиболее актуальной, – на бывшей Вараждинской границе. Затем ее подхватили народняки и их орган «*Zatočnik*», в результате чего идея уже общей депутации распространилась по всей Границе. Выборы представителей для этой депутации состоялись в марте-апреле 1870 г. Однако своих депутатов не выдвинули Ликский, Оточский, Первый Банский и Градишский полки. Поэтому М. Валентич даже сомневается, проводились ли там выборы вообще.

Как пишет хорватский историк, граничары хотели выступить единым фронтом с чехами, которые надеялись заключить аналогичное хорвато-венгерскому соглашение с австрийцами, но тщательно скрывали и даже опровергали это. Были разработаны и сами требования: 1) представители граничар отвергают все односторонние решения по Военной границе; 2) Военной границе возвращается право представительства на саборе Хорватии; 3) строительство железной дороги Осиек – Риека; 4) создание особой Комиссии с функцией контроля за расходом доходов и залогов автономного края до его полного воссоединения с Хорватией; 5) во главе отделения по делам Границы в Военном министерстве поставить хорватского генерала (вместо немца). Последний пост предполагалось в дальнейшем сделать должностью хорватского министра в объединенном правительстве¹⁸⁴. Такую программу, как и предшествовавшие разрозненные послания и требования, поддержала Народная партия. Главный смысл этих требований: показать Вене, что у граничарского движения существует ясная программа,

¹⁸⁴ Ibid. S. 205.

которой по факту не было (вспомним различное видение проблемы католиками и православными среди граничар).

И впечатление произвести удалось, однако не совсем с тем результатом, какого ожидали организаторы (народняки и сами депутаты). Так, депутация была остановлена уже в Загребе. Представители Военной границы (21 человек от шести полков) были избраны без контроля властей, поэтому в их лояльности сомневались. Тем более в Вене они нужны не были: император был полностью занят чешскими делами. Добравшуюся всеми правдами и неправдами до Вены группу депутатов император всё-таки не принял (хотя Кун и Кёниг были за разрешение аудиенции, и лишь Д. Андраши – против). Венгры снова победили. Это появление народных депутатов Военной границы в Загребе и Вене настроило теперь против Народной партии и патриотов-граничар не только Пешт, но и Вену¹⁸⁵.

Недаром Б. Каталинич сожалеет об опале и синхронном данным событиям самоубийстве наиболее яркого сторонника триализма генерала Гривичича. Сомнений в том, что это было именно самоубийство, у Б. Каталинича нет. Он приводит следующие доказательства: 1) Гривичич после освобождения из тюрьмы (перед началом франко-прусской войны) колебался «между обязанностью и национальным долгом», но главное 2) он оставил завещание своему родственнику из австрийского Генштаба, где, как намекает русский агент, речь шла и о возможности опоры на Россию¹⁸⁶. Таким образом, Б. Каталинич конструировал некую легитимность варианта опоры на Россию Военной границы в случае угрозы ее полной ликвидации.

При этом успех венгров был временным. А. Моллилари в своих отчетах императору-королю уже успел представить бана Л. Рауха в негативном свете и достаточно объективно намекнуть венским властям, что именно существование этой фигуры обостряет ситуацию на Границе. Таким

¹⁸⁵ Ibid. S. 206.

¹⁸⁶ Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записка Б. Каталинича. С. 225.

образом, конец карьеры бана был предрешен. 26 января 1871 г. бан Л. Раух ушел в отставку, и в этот же день были возобновлены австро-венгерские переговоры о Военной границе. Инициатива в решении вопроса Границы снова перешла к Вене. Военное министерство охотнее брало в расчет требования и проекты самих граничар, чем слушало советы венгров. Поэтому на австро-венгерских переговорах с 26 января по 14 мая 1871 г. имела место попытка найти компромисс между требованиями граничарского движения, с одной стороны, и военными и стратегическими интересами Вены и Пешта по отношению к Хорватии и Балканам – с другой.

Еще в августе 1870 г. Б. Каталинич указывал, что в связи с окончанием трехлетней «законодательности» Хорватии, которая «венгерскою силою была навязана», должны были состояться новые выборы в сабор¹⁸⁷. Уже в 1871 г. состоялись новые выборы в сабор Бановины, на которых победу неожиданно одержали народняки (51 место), тогда как унионисты получили лишь 13, а праваши (А. Старчевич) – 1. Таким образом, даже Провинциал перестал поддерживать политику унионистов (сближение с Венгрией). У народняков вместо запрещенного «*Zatočnik*»¹⁸⁷ появилось новое издание – «*Branik*». Здесь следует отметить, что в августе 1870 г. Б. Каталинич отмечал скудное материальное положение «национальной партии» (народняков). Они, согласно его данным, за период семилетней «национальной борьбы» потратили более 3 млн гульденов. Б. Каталинич оправдывает народняков, что им приходится вкладывать большие суммы для хорошего результата выборов, так как «Венгрия совсем господствует» и «составляет выборы с помощью денежных средств»¹⁸⁸. Б. Каталинич приводит «поручение» народняков, данное ему (видимо, устно) для передачи в России заинтересованным лицам. Согласно его тексту, народняки требовали от России помощь в 100 тыс. рублей, а также постоянного агента в Вену для

¹⁸⁷ Там же. С. 226.

¹⁸⁸ Там же.

лучших «сношений» одинаково со всеми славянскими народами монархии¹⁸⁹. Возможно, это были лишь придумки самого Б. Каталинича. Знаменательно, что в случае победы, народняки обещали «с упразднением Военной границы 10 лет медлить»¹⁹⁰. Ровно столько после их победы Военная граница и просуществовала. Только программа народняков представляется в этом случае противоречивой: с одной стороны, они борются с мадьярами и противостоят унионистам, с другой – готовы за русские деньги зачем-то удерживать Границу 10 лет, а потом всё равно ее сдать. Даже Б. Каталинич пишет, что Народная партия «готова за своих братьев биться насмерть и, наверное, желает соединиться с Кроациею, Славониєю и Долмациею»¹⁹¹ (под братьями подразумеваются здесь хорваты из Провинциала). Таким образом, даже противостоящая венграм партия уже в начале 1870-х годов не была заинтересована в существовании Границы. Тем более большая часть народняков еще к концу 1861 г. пришла к идее добиваться присоединения Границы при помощи Пешта¹⁹².

Следует отметить, что австрийская сторона в лице Военного министерства рассматривала не только «новую модель» Кёнига, но и новые проекты (Ф. Куна и А. Моллиари). Так, проект Ф. Куна предполагал объединение отдельных органов по делам Границы (суда, школ, железных дорог, лесов и др.) в одну расширенную секцию. Далее эта секция должна была взять на себя функции Генерального командования в Загребе и Военного командования в Петроварадине и постепенно превратиться в самостоятельное региональное правительство, как альтернатива особому ландтагу (сабору) Военной границы (требование граничарского движения). Согласно проекту А. Моллиари, финансовые дела Военной границы следовало передать в Загреб и Пешт, а Отдел управления Генерального

¹⁸⁹ Там же. С. 226–227.

¹⁹⁰ Там же. С. 226.

¹⁹¹ Там же. С. 227.

¹⁹² *Valentić M. Vojna Krajina. S. 107.*

командования преобразовать в новое правительство, которое было бы устроено по типу правительства в Гражданской Хорватии. При этом всё равно Военная граница должна была подчиняться Военному министерству в Вене. Таким образом, оба проекта сходились на создании особого правительства для Военной границы. При этом проект А. Моллилари предполагал разделение функций по управлению Военной границей между Веной (Военным министерством), Будапештом и Загребом. Как считает М. Валентич, проект Моллилари стоит между требованиями граничарского движения и проектом Кёнига, так как предлагает особое правительство Границы с широкими полномочиями¹⁹³. Также М. Валентич отмечает, что Моллилари за основу своего плана организации гражданского правительства взял Закон об организации банского правительства (автономного правительства Хорватии, Славонии и Далмации) от 20 апреля 1869 г. Разработанная им система учитывала новые административно-правовые отношения в Дуалистической монархии, из-за чего носила сложный и несколько запутанный характер¹⁹⁴.

8 июня 1871 г. был издан пространный документ с манифестом императора только граничарам Джурджевацкого полка, городов Сень и Беловар, крепости Иванич и военной общины Сисак об упразднении этой части Военной границы. Документ состоял из двух частей. Первая содержала 30 пунктов о переходе из военного в гражданское состояние этой части Границы. Во второй части намечался путь упразднения военной системы и в остальной части Военной границы. Статьи этой части основывались на предложениях еще комиссии Габленца по реформе Границы 1868 г. и в основном касались применения к Границе закона о всеобщей воинской обязанности, а также будущего размещения войск на территории Хорватско-славонской военной границы.

¹⁹³ Ibid. S. 222.

¹⁹⁴ Ibid. S. 223.

Согласно императорскому закону, Генеральное командование в Загребе было преобразовано в правительство с 8 отделениями, полномочия которых соответствовали имевшимся у правительства Бановины. Кроме того, в 1871 г. была переустроена и сама Граница. В ней было введено так называемое «провизорное» (временное) управление, а сама территория поделена на шесть округов, которые в свою очередь делились на котары (округа), а те – на общины. Во главе округов стояли котарские (окружные) начальники. Таким образом, Военная граница теперь имела следующее деление по округам: 1) Ликский (Госпич), 2) Огулинско-слуњский (Огулин), 3) Банский (Петриня), 4) Градишский (Ново-Градишка), 5) Бродский (Винковцы), 6) Петроварадинский (Земун). В каждом округе по важным делам созывались скупщины. Во главе Военной границы, как и прежде, стоял возглавлявший Генеральное командование в Загребе генерал, напрямую подчинявшийся военному министру.

Кроме того, в тот же день (8 июня 1871 г.) был издан и закон о Военной границе¹⁹⁵. Согласно нему, все земли на Границе теперь делились на две категории: 1) наследственная поземельная собственность (Stammgut) или «лен» и 2) переходная поземельная собственность (Überland)¹⁹⁶. Под первую категорию попадали земли в собственности граничарского населения, т. е. несшего службу; второй категорией могло владеть пришлое население, т. е. не несшие службу гражданские. Л.В. Березин считал, что этот закон был направлен на то, чтобы «с одной стороны, *прикрепить* граничара к его поземельному участку, с другой стороны, сделать его лишь номинальным собственником своего поземельного владения»¹⁹⁷. Ведь если граничар в течение трех лет не обрабатывал свой надел, несмотря на нарекания

¹⁹⁵ Zakon od 29.12.1876 // Sbornik zakonah i naredabah, valjanih za kraljevinu Hrvatsku i Slavoniju. 1877. Kom. IV. S. 159.

¹⁹⁶ Ibidem.

¹⁹⁷ Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. С. 346.

начальства, его участок изымался в пользование общины, после чего обычно распределялся между наиболее бедными общинниками.

В конце 1871 г. на территории Военной границы состоялись выборы во многих общинах и городах. В октябре состоялись выборы 136 членов скупщины епархии Плашки (территории Славонской и Хорватской границ), в которых участвовало всё православное население епархии. Собравшаяся скупщина, опираясь на просьбы православных Славонской и Хорватской границ (тон задавал Огулин), потребовала перенести столицу епархии из Плашки в Карловац.

В это время Э. Кватерник, как глава проигравшей партии (праваши получили лишь 1 место), переместился на «Верхнюю границу» (западные полки), чтобы поднять там восстание. С помощью восстания он хотел ускорить объединение Хорватии. Еще в 1859 г. Э. Кватерник выдвинул лозунг: «Дом Габсбургов заслужил того, чтобы провозгласить конец Австрии (*finis Austriae*)». Однако за восстание на Границе выступали не только праваши и их газета «*Hervat*», но и народняки и их «*Zatočnik*». В отличие от правашей, народняки рассматривали восстание (вместе со многими офицерами Границы) как ответ на отставку министра-президента Цислейтании Гогенварта, приверженца федералистских взглядов. Соответственно, базой правашей стал город Раковиц, а народняков – Огулин, где были наибольшие очаги недовольства, в первую очередь, в офицерской среде. В Огулине были сильны позиции народняков, а в Раковице было еще и давнее социальное недовольство: совсем недавно город процветал на пересечении торговых путей Север – Юг (Далмация) и Запад – Восток (от моря к османскому Бихачу). Но железные дороги (середина 1860-х годов) прошли в обход Раковиц, и городок начал вымирать. И Э. Кватерник, по-видимому, знал, где есть потенциальный заряд недовольства. Однако М. Валентич отмечает, что различия между двумя партиями меркли на фоне главного вопроса: «за» или «против» восстания, на фоне чего общество делилось не на приверженцев той или иной партии, а на «всегда верных

хорватов» (патриотов) и предателей. Таким образом, М. Валентич видит готовившееся восстание как борьбу хорватских патриотов края за хорватские интересы (воссоединение с Провинциалом)¹⁹⁸. Однако это была как раз идея только Партии права, тогда как Народная партия боролась и за федерализацию всей монархии, т. е. за общеславянские интересы. Так, предполагалось создать сильное королевство (из Хорватии, Славонии, Военной границы, Далмации и Истрии) на юге монархии, а также заключить соглашение между хорватами и словенцами (по типу хорвато-венгерского). На севере чехи должны были аналогичным образом взаимодействовать со словаками и русинами Транслейтании, а также с населением Галиции и Лодомерии. Союз славянских частей севера и юга монархии должен был разрушить дуализм и привести к федерализации. Кроме того, сильное славянское королевство на юге могло бы послужить сильным фактором для воздействия на славян Османской империи с целью их присоединения.

Недовольство упразднением Вараждинской границы и вообще манифестом императора от 8 июня 1871 г. было распространено и по Военной границе, а также в австрийской Далмации («рейхсрат продал граничар мадьярам»). Это недовольство зрело в среде граничарских офицеров и раньше. Б. Каталинич, по его словам, слышал еще летом 1870 г. в «хорватских полках» следующее: «Если император не исполнит свой долг, тогда и мы наших обязанностей не исполним, потому что присяга имеет только тогда свое значение, если обе стороны свой долг честно исполняют»¹⁹⁹. Кроме того, с 1871 г. в Белграде печаталась брошюра «Граничары и императорский рескрипт» (в народе – «Граничарка»), переправлявшаяся на территорию Военной границы. Однако явное недовольство высказал лишь Огулин, открыто осудив упразднение части

¹⁹⁸ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 241.*

¹⁹⁹ *Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записка Б. Каталинича. С. 228.*

Военной границы, тем самым заменив город Сисак во главе граничарского движения. Огулинское послание подписали 228 человек.

Этой ситуацией попытались воспользоваться хорватские праваша²⁰⁰. В письме М. Павлиновичу от 10 сентября 1868 г. Э. Кватерник осуждал доминирующую на хорватском саборе Народную партию, принявшую документ об «идентичности и равноправности» сербского и хорватского народов, чем, согласно Э. Кватернику, хорватские народняки «попрали права, *кровь* и *национальность*, а также разум, т. е. науку»²⁰¹. Э. Кватерника огорчает, что на «святой хорватской земле» был признан «какой-то еще второй, *сербский* народ и язык». Ведь он придерживался мнения, что хорваты, как приверженцы «францисканского католицизма», должны противостоять как сербскому «варварству и византийству», так и «германскому безверию протестантскому»²⁰². Таким образом, Э. Кватерник совмещает традиционалистское понятие о чистоте веры с чисто модернистскими категориями нации по крови и примата разума (и научного прогресса). Обратим внимание, что в своих письмах он зачастую именуется сербов «византийцами», в первую очередь, из-за их религии.

В другом своем письме тому же М. Павлиновичу Э. Кватерник утверждал, что сербы составляют «до половины» населения Военной границы, что якобы соответствует по количеству 1/5 населения всего Триединого королевства. На основе таких данных Э. Кватерник полагал, что хорваты должны так надавить на сербов, чтобы те «и пискнуть не посмели»²⁰³. Сам документ о равноправности хорватов и сербов Э. Кватерник толкует в том ключе, что речь идет о самоопределении «мы хорваты и сербы», из чего следует отсутствие «национальности». Э. Кватерник

²⁰⁰ Pravaška misao i politika. Zbornik radova / ured. J. Turkalj, Z. Matijević, S. Matković. Zagreb, 2007.

²⁰¹ Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 103.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. С. 143.

призывал не потакать «*восточникам*», выступающим за сближение с сербами, так как исторически Хорватия культурно ориентируется на Запад²⁰⁴.

Как замечают современники тех событий, сторонники Э. Кватерника начали восстание там, где «их все презирают»²⁰⁵. Ведь половину населения Огулинского граничарского полка, на территории которого и началось Раковицкое восстание, составляли православные граничары, а кроме того там были сильны позиции хорватской Народной партии, против которой выступал Э. Кватерник. Восстание в Раковицкой сотне началось раньше времени. Тайное собрание заговорщиков случайно обнаружил разъезд из другой сотни, и об этом узнал сотник Слуня. Первоначально планировалось поднять восстание как минимум 5–6 полков на совместном сборе в Великом Скраде (где-то 11/12 октября) и объединенным войском двинуться на Карловац. Но из-за разоблачения заговорщикам пришлось действовать быстро. Отряд восставших из 400 с лишним человек перемещался четыре дня по городкам Раковицкой сотни, грабя склады с продовольствием и оружием. На четвертый день повстанцы попали в засаду императорских войск и были разгромлены, а почти все главари погибли. Э. Кватерник был привязан к дереву и расстрелян самими восставшими («уасташами»), когда те узнали, что он противник народняков. А на следующий день был арестован издатель правашской газеты «*Hrvatska*» А. Старчевич, после чего она уже не выходила. Так из-за неосторожности заговорщиков было предотвращено возможное крупное восстание на Военной границе под антимадьярскими и антиунионистскими лозунгами, а также правашским кличем «за свободную единую Хорватию!»²⁰⁶ По мнению В. Крестича, это было лишь «восстание Кватерника»²⁰⁷ и «последняя попытка со стороны хорватов использовать

²⁰⁴ Ibid. С. 144.

²⁰⁵ Ibid. С. 153.

²⁰⁶ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 250.*

²⁰⁷ *Krestić V.Đ. Srpsko-hrvatski odnosi. S. 408.*

Границу и граничар в борьбе за национальное освобождение и объединение»²⁰⁸.

В 1872 г. снова произошло улучшение отношений между сербской и хорватской оппозицией. Хорватские и сербские либералы требовали «не заключать государственно-правового соглашения без соглашения с населением Военной границы», а также добивались того, чтобы «граничары принимали участие в решении государственно-правовых отношений»²⁰⁹. Однако когда хорватские народняки в 1873 г. пришли к власти (47 мандатов в Хорватии и Славонии против 28 у унионистов), они снова эволюционировали, признавая теперь существование в Хорватии лишь одного «хорватского политического народа» в ущерб сербам.

Между тем, реформы продолжались. 8 июня 1872 г. на Границе был упразднен военный кордон, взамен которого на границе с Османской империей была введена обычная таможенная служба. Тогда же была демилитаризована и Сербско-банатская часть Границы. 8 августа 1873 г. была упразднена система полков (региментов) и введена всеобщая воинская повинность. Вместо полкового вводилось гражданское управление. То, что четыре года назад коснулось Вараждинской границы, теперь дошло и до оставшейся Хорватско-славонской части Военной границы. Это событие, в отличие от В. Крестича, хорватский историк М. Валентиц не считает важным в процессе объединения²¹⁰. Ведь сама Военная граница формально еще сохранялась и оставалась под управлением Генерального командования в Загребе. Раздельным сохранялся суд (на территории Военной границы был в силе свой Верховный суд). Граница просуществовала в состоянии такого переходного периода еще восемь лет.

²⁰⁸ Ibid. S. 263.

²⁰⁹ Ibid. S. 199.

²¹⁰ *Valentić M. Vojna Krajina. S. 273.*

Даже после более выгодного для Гражданской Хорватии и Славонии Соглашения 1873 г. с Венгрией многие граничары всё равно боролись за свои привилегии и не хотели сливаться с гражданским населением Бановины. Особенно это касалось сербского православного населения. С 1874 г. на территории Военной границы стала выходить газета «*Krajišnik*», выступавшая против полного упразднения Границы и вхождения в Бановину. Сходной позиции придерживался и появившийся в это же время в Земуне «*Graničar*». Но и Венгрия не спешила сразу упразднить всю Границу. Как считает М. Валенчич, причинами, почему венгры не были заинтересованы в быстром упразднении Границы, могли быть, например, боязнь увеличения числа представителей с территории Военной границы в саборе, а также экономические вопросы (строительство железной дороги и временное откладывание передачи Хорватии фондов Границы)²¹¹.

В 1877 г. Военную границу возглавил последний ее главком генерал Франьо Филипович. Именно он разъяснил народу Хорватии в 1880 г., что бан И. Мажуранич ушел в отставку по собственной воле, а затем стал главным участником полного упразднения автономии. Выборы 1878 г. в хорватский сабор снова выиграла Народная партия, но от нее чуть было не откололось радикальное крыло, которое требовало немедленного присоединения к Хорватии не только Военной границы, но и Далмации. С оккупацией Боснии и Герцеговины в 1878 г. у Вены не осталось аргумента, до этого обосновывавшего существование Военной границы: исчезла восточная угроза. Следует отметить, что сербские депутаты на новом саборе, создавшие сербский клуб внутри Народной партии, решили поддержать упразднение Границы при условии значительного расширения представительства для земель бывшей Военной границы в хорватском саборе. Таким образом, они фактически поддержали старую программу С. Милетича (об объединении всех сербов монархии в венгерской части). И они добились этого: число

²¹¹ Ibid. S. 282.

хорватских представителей в саборе было уменьшено. Кроме того, на период передачи функций управления территорией Военной границы гражданским властям в Загребе вводилась должность королевского комиссара.

15 июля 1881 г. вышел манифест императора-короля Франца Иосифа «Моим граничарам», окончательно упразднявший Военную границу. Верховное управление Границей с 1 января 1882 г. переходило к Хорватско-славонско-далматинскому земельному правительству в Загребе. Новый бан Хорватии (с 1880 г.) граф Л. Пеячевич написал: «Моя задача выполнена»²¹². Таким образом, с одной стороны, осуществилась давняя мечта хорватов, с другой стороны, перестал существовать многовековой военно-территориальный институт, последствия чего окажут влияние на всю дальнейшую историю хорватских земель и региона в целом.

2.4. Военная граница и Сербское княжество

История расформирования (заключительного этапа в истории) Военной границы имеет целый ряд недостаточно изученных аспектов, один из которых – место и роль Военной границы в стратегических планах Сербского княжества. Данный параграф диссертации не отвечает на все вопросы и не заполняет все лакуны по заявленной теме, но необходим для лучшего раскрытия темы диссертационного исследования.

После революции 1848–1849 гг. Сербия, пока в ней у власти находились уставобранители, не проявляла интерес к Военной границе. Изменения произошли, когда в начале 1858 г. Илия Гарашанин еще при сербском князе Александре Карагеоргиевиче (1842–1858 гг.) снова стал министром внутренних дел, но при этом продолжил заниматься и внешней политикой, в области которой он руководствовался своей программой «Начертание» (1844). На этот раз одной из главных целей его внешней политики стало присоединение Боснии. Эта провинция Османской империи

²¹² Obzor. N 161.1881. 16 VII.

(Боснийский вилайет) интересовала сербов княжества как территория со славянским населением, одноязычным с сербами; около половины населения региона было православного вероисповедания, и поэтому считалось руководством княжества сербским. Присоединение Боснии и Герцеговины к Сербскому княжеству значительно усилило бы его как территориально, так и по числу населения²¹³.

В плане на 1858 год (или, как считают некоторые историки, на 1859 год²¹⁴) И. Гарашанин выделил основные направления работы по отношению к Боснии. В п. VI плана говорилось о необходимости активной пропаганды против австрийского вмешательства в дела Боснии. Так, местным жителям следовало объяснять, что для Боснии «австрийское ярмо будет куда тяжелее турецкого», а в качестве доказательства следовало приводить австрийских граничар, которые «должны непрестанно стеречь границу, при этом оставляя свои семьи, чтобы пребывать в вечном несчастье и нищете»²¹⁵. Кроме того, акцент делался на «чуждости» славянам как Австрийской, так и Османской империй в равной степени, а целью такой пропаганды было то, чтобы у населения Боснии выработалось к «австрийским людям и австрийским наговорам» отвращение, а любой, кто

²¹³ Кузьмичева Л.В. Сербская государственная идея в 60–70-е годы XIX в. (Проблема идеологического выбора) // Двести лет новой сербской государственности (К 200-летию Первого сербского восстания 1803–1813 гг.). СПб.: Алетейа, 2005. С. 150–174.

²¹⁴ Например, сербский историк В. Вучкович провел исследование вопроса о датировке плана И. Гарашанина. По его мнению, план был написан не ранее декабря 1858 г., а значит, был актуальным для следующего, 1859 г. (см. комментарии к публикации документов). На русском языке см.: *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

²¹⁵ Илија Гарашанин – план политичке акције Србије у Босни и односи са Хрватима // *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859–1874 / уред. Ј. Тадић. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. I. Књ. XXVII. Београд, 1965. С. 2.

пытался бы их «привлечь на сторону Австрии», выглядел бы в их глазах предателем²¹⁶.

Пункт VII плана И. Гарашанина предполагал аналогичные антиавстрийским пропагандистские меры в Боснии и против хорватов. Особенно следовало мешать в этом регионе епископу Й. Штросмайеру, названному в тексте «главой хорватской пропаганды, который проплачен самой Австрией», а также «всем богатым хорватам, которые своей деятельностью показали, что ненавидят сербство и тем самым помогают Австрии»²¹⁷. Такое отношение к Й. Штросмайеру со стороны И. Гарашанина В. Вучкович объясняет конфликтом 1854 г. вокруг церковной юрисдикции над католиками Сербского княжества. Тогда Й. Штросмайер продвигал своих кандидатов, австрийских подданных, в епископы для княжества, а также на место священника главного католического прихода в Белграде²¹⁸. Однако сербы не захотели принять «иностранцев», а высказались в пользу боснийских францисканцев. С этого момента прервались контакты, налаженные еще правительством уставобранителей с Л. Гаем и его иллирской партией, продолжателями которой стали хорватские народняки и Й. Штросмайер как их представитель.

Внимание было уделено и Военной границе. В этом же 7-м пункте плана, где говорилось о взаимодействии с хорватами, И. Гарашанин разделил граничарских офицеров на две категории: сторонники «идей Штросмайера», с которыми не следовало сотрудничать, и «те офицеры, которые бы выступали за необходимость приготовления Боснии для Сербии». Со вторыми сербский министр считал нужным договариваться и объяснять им, что именно в Сербии они могут устроить «свое будущее» наилучшим

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же. С. 2–3.

²¹⁸ *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859–1874. С. 5.

образом²¹⁹. Другими словами, И. Гарашанин значительное место в реализации своего плана отводил граничарам, но только тем, которые бы поддерживали передачу Боснии Сербии²²⁰. Таким образом, он хотел действовать при помощи части австрийских подданных, но без вмешательства Австрийской империи в боснийские дела.

Однако о реальных возможностях влияния на Военной границе И. Гарашанина свидетельствует п. VIII плана, где в качестве наиболее желаемой фигуры на место организатора вербовки граничар называется австрийский подданный католик капитан А. Орешкович. Причем, здесь же сербский министр выражает свои опасения из-за возможной принадлежности капитана к окружению Й. Штросмайера и «хорватской пропаганде», поэтому рекомендовалось сначала испытать А. Орешковича через «вторых или третьих лиц», и только при твердой уверенности в нем давалось добро на посвящение его в детали плана²²¹. В. Вучкович предполагает, что летом 1858 г. А. Орешкович мог попытаться завязать контакт с И. Гарашанином путем отправки в Белград через третьих лиц писем, в которых уже уведомлял адресата о существующей среди хорватских политиков идее поднять восстание в Боснии²²². Следует заметить, что в программной для Хорватской народной партии статье Ф. Рачки «Югославянство» (осень 1860 г.) говорилось о том, что «югославы в империи австрийской имеют славную задачу помочь не только себе, но также и своим братьям на другом берегу Савы», причем, после освобождения от «османлийских цепей» этих «братьев» хорватские народняки были готовы принять в «наше коло» (т. е.

²¹⁹ Илија Гарашанин – план политичке акције Србије. С. 3.

²²⁰ *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 217.

²²¹ Илија Гарашанин – план политичке акције Србије. С. 3.

²²² *Вучковић В.* Политичка акција Србије. С. 6.

круг)²²³. Таким образом, уже в 1860 г. среди внешнеполитических задач ХНПН значилась акция в Боснии.

Когда в 1860 г. на сербский престол взошел князь Михаил Обренович (1860–1868 гг.), то важнейшей задачей внешней политики для него стало создание Балканского союза для совместной борьбы сербов, черногорцев, румын и греков, а также других балканских народов против турок-османов²²⁴. Однако сербская княжеская армия испытывала нехватку вооружения и образованных офицерских кадров. Обе эти проблемы можно было быстро решить лишь в случае получения влияния на Военной границе. Поэтому именно в это время И. Гарашанин задействовал свои контакты с А. Орешковичем²²⁵. Хотя поставки оружия также ожидалось сербами и из России²²⁶.

Задачей, которую ставили перед А. Орешковичем заинтересованные лица из сербского правительства, была организация вербовки граничар, их переброска в Сербию и формирование из них добровольческого корпуса в Валево. Вербуемые граничары не должны были иметь чина выше капитана и быть в возрасте, в котором от них еще долго можно было бы ожидать активной службы. Другими словами, приветствовались молодые

²²³ Вучковић В. Национално-револуционарна акција Србије у Војној граници // Зборник Матице српске. Серија друштвених наука. Св. 9. Нови Сад, 1954. С. 133.

²²⁴ Уже в августе 1860 г. о таких планах сообщал английский генеральный консул в Белграде Дж. Лонгворт министру иностранных дел Великобритании Дж. Расселу. См.: Лонгворт Расселу – о плану кнеза Михаила да створи велику државу на рачун Турске и Аустрије // Вучковић В. Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859–1874. С. 28.

²²⁵ Карасев А.В. Югославянская идея во внешнеполитических планах И. Гарашанина // Славянский альманах: 2000. М., 2001. С. 120–133.

²²⁶ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970.

образованные офицеры с некоторым боевым опытом²²⁷. Существенным поощрением для перешедших на сербскую службу было повышение в чине на одно звание и учет всего времени службы (военной или гражданской) в Австрийской империи за как будто бы отслуженные годы в Сербии. Единственное, что могло огорчить граничарских офицеров при переходе на службу в княжестве: они должны были отказаться от австрийской пенсии, получение же сербской было возможно лишь по выслуге, т.е. в соответствии с их помощью новой родине.

После поражения 1859 г. в войне с Францией и Сардинским королевством Австрии необходимо было надежно обеспечить свой тыл для наметившихся на 1860-е годы основных театров военных действий: границы с итальянскими и германскими государствами. Так, в 1860 г. Франц Иосиф готовился взять реванш у североитальянских государств. Тылом являлись границы с Россией и Османской империей, но именно на границах с турецкими владениями было не всё спокойно – из-за угрозы восстания в Боснии. Хорватский бан и одновременно командующий Хорватско-славонской военной границей Й. Шокчевич, сменивший на этих постах Й. Елачича, предупредил Военное министерство в Вене о «неудержимой лавине», которая в случае восстания на турецкой территории превратит Черногорию, Боснию, Герцеговину и Сербию в «большое поле боя»²²⁸.

Надо заметить, что варианты вторжения в Боснию с территории Военной границы начали прорабатываться военным командованием этой милитаризированной пограничной области с начала 1850-х годов. Один из самых первых официальных военных планов был разработан в 1853–1854 гг. В 1860 г. главком Хорватско-славонской границы, как раз прилегавшей к территории Боснии, Й. Шокчевич при подготовке нового актуального плана

²²⁷ Надо заметить, что реальный боевой опыт молодые граничарские офицеры могли получить лишь в войне 1859 г. с Сардинией и Францией или в период революции в Австрийской империи 1848–1849 гг.

²²⁸ *Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. S. 66.*

опирался на предшествующие. В основу его плана было положено использование разведывательного корпуса (в 30–40 тыс. чел.), который следовало разделить на две части: основные силы (15–20 тыс. чел.) сконцентрировать непосредственно у границы (Славонски Брод), а остальную часть разместить в Карловаце для прикрытия Хорватии и Далмации от возможного нападения итальянцев²²⁹. Следует заметить, что взять под контроль австрийских войск Боснию и возможно Герцеговину предполагалось при условии мощного народного восстания в этих областях, которое должно было помочь решить поставленную задачу небольшими военными силами (т. е. используя лишь силы самой Военной границы, а не всей империи). При этом прикрывалось итальянское направление, откуда, памятуя недавнюю войну, приведшую к серьезным территориальным потерям для Австрийской империи, и ожидался новый удар. Однако выбор Карловаца был связан не только с прикрытием тыла или исторической ролью этого города как защищающего наследные владения Габсбургов со стороны Балкан от турецких вторжений, но и важностью сохранения сообщения Военной границы с Внутренней Австрией в случае венгерского вооруженного восстания и угрозы окружения региона Границы антиавстрийскими силами.

В это время в Военном министерстве Австрийской империи на основе многочисленных данных о «движении» славянских народов, османских подданных, сделали вывод: «На юге Австрии готовится “великая диверсия”, с которой связаны князья Сербии и Черногории»²³⁰. Начало восстания в Боснии прогнозировалось австрийцами на весну 1861 г. Следует отметить, что определенные предпосылки для этого были. Уже в августе 1860 г. Матия Бан организовал Сербско-боснийский комитет, который координировал сеть агентов в Боснии и Герцеговине. Причем, М. Бан действовал более гибко,

²²⁹ Ibid. S. 67.

²³⁰ Ibid. S. 68.

чем И. Гарашанин – он не брезговал сотрудничать с хорватскими народняками. Поэтому комитету удалось, например, завербовать даже нескольких католических священников. Следует отметить, что у комитета были проблемы с финансированием: средства пытались получить из России, Греции и даже из Австрии²³¹. В мае 1861 г. сербский князь Михаил приказал распустить комитет. Но подготовительная работа М. Бана дала определенный результат: теперь сам И. Гарашанин взял в свои руки всю организацию национальной пропаганды в Боснии и Герцеговине. В феврале 1861 г. к сербскому князю от Й. Штросмайера, заинтересованного в согласованных действиях народняков и правительства Сербии, прибыл посланник Степан Ивичевич, который открыто переговорил с Михаилом о необходимости совместной акции сербов и хорватов в Боснии. В этом В. Крестич видит временный отход Й. Штросмайера от политики федерализма (сербский историк понимает его как идею усиления хорватов) в угоду общегославянским интересам²³². Однако даже встреча С. Ивичевича с князем Михаилом не развеяла недоверия между сербским правительством и руководством Народной партии.

И. Гарашанин видел только два варианта развития событий в случае восстания в Боснии: 1) либо Австрия полностью закрывает границы с Османской империей, выставив кордоны – тогда пользы от Военной границы вообще не будет; 2) либо поддерживает восстание, пытаясь использовать его в своих интересах. Второй вариант И. Гарашанин считал худшим, но более вероятным. В подтверждение своих опасений он указывал на признание хорватским сабором необходимости соединения Турецкой Хорватии с Австрийской Хорватией (здесь отсылка к п. 42 постановления сабора

²³¹ Матија Бан Цветку Рајовићу – моли га да извести кнеза Михаила о раду тајног одбора и да издејствује новчану подршку // *Вучковић В.* Политичка акција Србије. С. 30–31.

²³² *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 227.

Бановины 1861 г.). Также Гарашанин указывал на тесную связь Штросмайера с боснийскими францисканцами и его обещание лично пожертвовать 30 тыс. форинтов для восстания и возглавить движение граничар «с крестом в руке»²³³. Самым опасным для Гарашанина было то, что благодаря самовольным действиям Матии Бана епископ был уже посвящен в планы сербов княжества, а также то, что хорваты могли строить планы не только на Боснийскую Хорватию, но и на всю Боснию целиком. М. Валентиц указывает, что военные круги использовали «антиавстрийское движение на Балканах и Апеннинском полуострове как повод для захвата Боснии и Герцеговины», а также «рассматривали возможность быстрой реабилитации за поражение в войне 1859 г.»²³⁴. Так что И. Гарашанин вполне верно оценивал обстановку, считая вариант силового захвата Австрией всей Боснии наиболее вероятным.

В начале 1862 г. И. Гарашанин сформировал «Сербский комитет» для национальной пропаганды в соседних землях, под управлением которого находилось несколько комитетов, существовавших главным образом на территории Габсбургской монархии и особенно Военной границы и рядом с ней: в Глине, Карловаце, Загребе, Пакраце, Сисаке, Славонском Броде, Вуковаре, Кленке, Земуне и Панчево. Понятно, что быстрое формирование такой сети было связано с «легализацией» И. Гарашанином уже созданной М. Баном системы. Из-за преследования властями на Военной границе сторонников ее упразднения, т.е. приверженцев ее объединения с Хорватией и Славонией, сербские комитеты были тайные. Основной их задачей была вербовка граничар для службы княжеству Сербии. Также тайные комитеты должны были для нужд княжества грабить оружие и амуницию и перебрасывать либо в Боснию, либо в саму Сербию. Военное министерство и полиция в середине 1862 г. предлагали организовать эффективную изоляцию

²³³ Ibid. S. 229.

²³⁴ *Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. S. 68.*

Военной границы от влияния, которое исходило от итальянского и сербского движений. Примечательно, что, например, Карловацкий комитет конечной целью восстания в Боснии, которое ожидалось в 1863 г., ставил создание единого южнославянского государства, частью которого должна была стать и восставшая Военная граница²³⁵.

Однако в отличие от М. Бана, договорившегося с народняками, возглавлявший «Сербский комитет» Николич действовал не так успешно: почти сразу бану Й. Шокчевичу стало известно о существовании сети тайных комитетов, о чем он незамедлительно сообщил в Вену. Франц Иосиф созвал по этому поводу Государственный совет, так как Й. Шокчевич не сразу понял цель обнаруженных им тайных комитетов, посчитав, что они готовят восстание на самой Военной границе, и поэтому предложил укрепить полки Военной границы австрийскими регулярными войсками. Однако Госсовет отклонил предложение бана, ограничившись принятием мер против «сомнительных личностей» на территории Границы. С этими личностями и их пособниками среди граничар должны были разбираться местные военные власти. Тем не менее, в 1862 г. в разных местах Военной границы выявлялись вербовщики и сербские эмиссары, занимавшиеся антиавстрийской пропагандой, а также расхитители оружейных складов и контрабандисты, представлявшие порой группу граничар во главе с офицером. Таким образом, сербская пропаганда на территории Военной границы в целом была вполне успешна. Однако вся тяжесть организации такой пропаганды лежала на скудном сербском бюджете. В. Крестич отмечает, что все попытки договориться с итальянцами и венграми о союзе против австрийцев на этом этапе потерпели неудачу, хотя Пьемонт предлагал сотрудничество еще в 1859 г., накануне войны с монархией Габсбургов²³⁶. К венграм же как раз после 1859 г. отношение Вены стало более благоприятным.

²³⁵ Ibid. S. 125.

²³⁶ *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 235.

Пропаганда И. Гарашанина дала результат, и с апреля 1862 г. начался переход отдельных граничарских офицеров (первыми были капитаны разных классов) на сербскую службу. Особенно активно переходили граничары преимущественно православного по населению Петроварадинского полка: в октябре 1862 г. около тысячи петроварадинцев с применением оружия прорвались через границу в Сербию²³⁷. Однако среди переходивших из разных полков были не только сербы, но и хорваты (католики). Последнее В. Крестич толкует как показатель гибкой политики Сербии в области религии²³⁸. При этом на сербскую службу переходили не только идеологически или национально мотивированные бойцы, но и обычные авантюристы и даже преступники, которые бежали от австрийского правосудия, в том числе и от судов Военной границы. Следует отметить, что переход граничар на сербскую службу пытался использовать и Э. Кватерник в своих целях: некоторые его сторонники переходили в Сербию. Например, как замечает В. Крестич, даже первый перешедший на сербскую службу капитан А. Орешкович перед этим поступком проконсультировался лично с Э. Кватерником. Кстати, переход А. Орешковича в княжество В. Крестич называет «хорошим примером сотрудничества отдельных граничар-хорватов с правительством Сербии»²³⁹. Опираясь на данные русских дипломатических документов, В. Крестич указывает, что граничары, недовольные политикой по отношению к ним внутри империи, были нацелены на Боснию, и что именно из-за этого австрийские войска потерпели поражения при Мадженте и Сольферино²⁴⁰.

²³⁷ Вучковић В. Национално-револуционарна акција Србије у Војној граници // Зборник Матице српске. Серија друштвених наука. Св. 9. Нови Сад, 1954. С. 8.

²³⁸ *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 230.

²³⁹ *Ibid.* S. 398.

²⁴⁰ *Ibid.* S. 219.

В январе 1863 г. вспыхнуло восстание в Царстве Польском. Это событие повлияло и на настроения на Военной границе, а в Боснии еще больше накалило обстановку. В этих условиях А. Орешкович разработал дополнение к своему первоначальному «Военному и оперативному плану». Главное стратегическое новшество – напасть на Боснию планировалось не с востока (из Сербии), а с севера (с территории Военной границы). Этим предполагалось достичь следующего: 1) занять северные области Боснии, на которые больше всего претендовали австрийцы (Турецкую границу); 2) близость Военной границы и возможность получения подкреплений именно из нее; 3) в дальнейшем граничар можно было задействовать на болгарском фронте²⁴¹. Последнее говорит о том, что власти Сербии имели планы и на освобождение болгар и расширение княжества на восток (к слову сказать, Э. Кватерник готов был приветствовать движение сербов на восток, даже занятие ими Константинополя, лишь бы они оставили хорватам весь запад Балкан). Вследствие плана А. Орешковича, агитация на Границе увеличилась, тем более тогда же Сардинское королевство, воодушевившись восстанием в Польше, решило помогать деньгами Сербии, надеясь на новую революцию внутри монархии Габсбургов.

Сотрудничество с Италией продолжилось и в следующем, 1864 г. Согласно стратегическому плану на 1864 год, одновременно должно было начаться восстание в Венгрии и на Военной границе, а затем в войну должна была вступить и Италия. Некоторые надежды были и на Наполеона III, который мог договориться с османами об определенных уступках сербам, в том числе и территориальных. Однако времени на всё это оставалось мало: русские войска успешно подавляли польское восстание, а с территории Военной границы массово переводили в другие края империи офицеров-сербов или вообще уличенных в симпатиях к восстанию в Боснии, княжеству Сербии или антиавстрийских настроениях. Определенную роль со стороны

²⁴¹ Ibid. S. 236.

хорватов должны были сыграть И. Вончина, лидер Самостоятельной народной партии и поджупан Риекской жупании, а также Э. Кватерник. И. Вончина, по договоренности с А. Орешковичем, должен был помочь высадке Гарибальди в Далмации. Тогда как Э. Кватерник преследовал свои интересы: став агентом польского революционного правительства, он должен был в марте 1864 г. начать вербовку граничар в хорватскую гвардию, которая, согласно плану, должна была бы сражаться под хорватским знаменем. В Загребе правашами был даже создан комитет по подготовке восстания. Э. Кватерник написал воззвание граничарам, будучи в Женеве, а также договорился с итальянцами о сотрудничестве. Единственное, чего не желал Э. Кватерник – это обострение Восточного вопроса, т. е. восстания в Боснии и, соответственно, вмешательства сербов. Главной задачей для него была свободная Хорватия (в том числе от всякого подчинения венграм). Такая позиция Э. Кватерника впервые показала на практике совершенную противоположность политических интересов сербов и хорватских правашей. При этом он рассорился с итальянцами по поводу принадлежности Истрии и Далмации, что сильно повредило всему хорватско-итальянскому антиавстрийскому союзу.

Однако никакого восстания в Венгрии так и не произошло, а Италия не спешила, несмотря на призывы Сербского княжества, ввязываться в новую войну с Австрией. Также ослабило систему «Сербского комитета» на территории Военной границы предательство поручика Вукобратича, одного из ближайших соратников А. Орешковича. Он выдал ключевые звенья в цепи тайных комитетов и сербской агентуры. В итоге, сербская пропаганда на Военной границе была свернута.

До весны 1866 г. княжество Сербия не предпринимало особой активности в отношении Военной границы. Имея неудачный опыт пропаганды на ее территории, Сербия даже не воспользовалась предложением прусско-итальянского союза с началом войны 1866 г. также напасть на Австрию. В. Крестич считает это вполне правильным решением,

так как от сербов тогда «ожидали лишь жертв, не давая никаких гарантий и обещаний»²⁴². После окончания войны 1866 г., закончившейся поражением Австрии и усилением Пруссии, сербское правительство решилось действовать активнее. Новые послевоенные внутривосточные условия в Австрийской империи, которая шла к дуалистическому разграничению, толкали к союзу с княжеством и Народную партию, осознававшую, что никакого федерализма уже не будет. Поэтому в марте 1867 г. была выработана совместная сербско-народняцкая программа о совместной работе по освобождению турецких христиан.

В мае 1867 г. была разработана новая система комитетов, более централизованная, чем во времена М. Бана или «сербского комитета». Ее особенностью было существование двух центров управления: все низовые комитеты подчинялись главному комитету в Загребе, но самым главным комитетом считался верховный комитет в Белграде. Таким путем, видимо, пытались достичь лучшего управления, чем если бы центр находился только в Белграде, однако это отражало и активное участие в этом деле Народной партии, центром которой и был Загреб. Народняцкая газета «*Pozor*» даже назвала сербского князя Михаила «проводником югославянской идеи». Однако в том же мае 1867 г. турки (по совету великих держав, особенно России) оставили все крепости автономного княжества, в том числе и Белград, полностью выведя свои гарнизоны. В Османской империи как раз в это время началось Критское восстание, и османы готовы были идти на уступки сербам²⁴³.

Осуществление давней мечты немного успокоило сербов, сбив накал их активности по подготовке восстания в Боснии. Но народняки готовились к

²⁴² *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 244.

²⁴³ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2013.

борьбе с венграми и их сторонниками унионистами, опираясь и на граничар, которые были в большинстве настроены антивенгерски и грозили в случае чего повторить события 1848 г. Однако пропаганда комитетов действовала в основном лишь на сербское (православное) население Границы. Это подтверждается сведениями австрийских агентов, которые, например, убеждали не беспокоиться за Бродский и Градишский полки, где большинство населения составляли католики, и, наоборот, выражали опасения по поводу Петроварадинского и Немецко-банатского полков, где в подавляющем большинстве жили сербы. Агенты докладывали, что именно эти сербы готовы организовать гвардию в случае восстания в Боснии и Герцеговине. Также и новый главком Границы Л. Габленц, на основе данных своих агентов, рисовал в донесениях в Вену такую картину: все население Границы до такой степени политизировано, что больше не может служить оружием австрийского правительства и императора. Влияние Белграда на население Границы столь велико, что граничары склонны к созданию единой великой славянской империи. Средоточием сербской и вообще национальной агитации Л. Габленц считал Земун. Офицеры-граничары тоже делились на сторонников «немецкой» и «сербской» партий. Также везде по Границе якобы ходили русские деньги²⁴⁴. Таким образом, в хорватско-сербском союзе пытались увидеть и влияние России, тогда стереотипно представлявшейся австрийской внутренней пропагандой как очаг негативного панславизма.

В сентябре 1867 г., имея целью освободить Хорватию от давления Венгрии, Загребский тайный главный комитет совместно с правительством Сербии разработали план действий в Боснии. Нападение на Боснию должно было начаться с территории Военной границы (явно был использован план Орешковича). Это должно было создать впечатление, что цель акции – присоединение Боснии к Австро-Венгрии, поэтому послужить поводом для вмешательства формально нейтральной Сербии, как вассала Османской

²⁴⁴ Ibid. S. 255.

империи, для защиты османских интересов в регионе, что определенно должно было втянуть турок в войну. По-видимому, конечной целью было еще и втягивание России, как арбитра или участника конфликта, а также и подключение других великих держав к боснийскому вопросу. Но с этим планом не согласилась посвященная в него Пруссия, в результате чего И. Гарашанин отказался его реализовывать.

Тем временем планы относительно Османской империи и восстания в Боснии не были оставлены. Б. Каталинич, посетивший Белград летом 1870 г., писал, что застал там «вновь учредившийся комитет под названием „южно-славянского“», который, по оценке русского агента, «состоит из неопытных офицеров и чиновников и имеет целью инсургировать Боснию и Герцеговину и освободить ее»²⁴⁵. Также Б. Каталинич отмечает, что во главе этого комитета стоит министерский секретарь (значит, комитет был вполне официальным), однако бывший граничар не уверен, «приступит ли этот комитет к выполнению своей задачи»²⁴⁶. Согласно данным В. Крестича, к этому комитету была причастна и сербская Омладина²⁴⁷. Однако австро-венгерская осведомительная служба предположила существование тайного комитета лишь в конце октября 1871 г. Тогда как восстание было запланировано на конец января – начало февраля 1872 г.²⁴⁸ Хотя Б. Каталинич замечает улучшение сербской армии по вооружению, однако также он видит и страх сербских офицеров перед венгерскими гонведами.

²⁴⁵ Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записка Б. Каталинича. С. 222.

²⁴⁶ Там же. С. 223.

²⁴⁷ Омладина (серб. «молодёжь») – организация сербской образованной молодёжи Габсбургской монархии Объединённая омладина сербская возникла в 1848 г. в виде литературных кружков, а с 1866 г. представляла собой сеть комитетов и субкомитетов, распространившихся по многим населённым пунктам монархии Габсбургов и Османской империи с большой долей сербского населения. Целями организации было просвещение сербского народа и его политическая консолидация.

²⁴⁸ *Krestić V.Đ.* Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. S. 264.

Следовательно, сербы боялись вступления Венгрии в войну за Боснию. Однако восстание не состоялось, в том числе из-за неготовности и разногласий в Омладине, а также отрицательного отношения России к подобной акции²⁴⁹. Такая позиция российской стороны в этом случае вполне понятна, так как после встречи в сентябре 1872 г. трех императоров Россия советовала Сербии и Черногории улучшить отношения с Австро-Венгрией.

Восстание в Боснии началось только в 1875 г. Однако Сербия переоценила свои силы и возможность вмешательства еще существовавшей Военной границы. Несмотря на помощь, материальную и добровольцами, со стороны России, уже 29 октября 1876 г. княжество Сербия было выведено из войны²⁵⁰. Военные круги в Вене снова обратили внимание на Военную границу, ведь теперь как никогда явной стала возможность присоединения Боснии и Герцеговины. Тем более хорваты Провинциала желали объединения: на хорватском саборе было принято решение добиваться полного упразднения Военной границы как таковой: тогда бы Хорватия получала общую границу с Боснией. Даже в конце 1878 г. хорватский сабор значительным большинством голосов выражал требование присоединения к Хорватии оккупированной Боснии и Герцеговины, но у правительства на этот счет были совсем другие планы: баланс в империи нарушать было нельзя. Таким образом, в качестве предлогов упразднения Военной границы нельзя исключать и фактор опасения австрийских и венгерских властей чрезмерного сербского влияния на нее.

Процессы, происходившие вокруг Военной границы в 1860–1870-е годы можно охарактеризовать как кризис постфронтирного положения этой

²⁴⁹ Ibid. S. 265.

²⁵⁰ *Никифоров Д.И.* Восстание в Боснии и Герцеговине и политический кризис Сербии в 1875 г. // Теория и практика общественного развития, 2014. № 1. С. 259–263.
Шмелёва О.И. Влияние боснийско-герцеговинского восстания 1875–1876 годов на национально-освободительные движения на Балканах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 2 (27). С. 46–61.

милитаризированной области Габсбургской монархии. Именно в этот период всем политическим акторам в монархии стала очевидна назревшая необходимость проведения реформы Военной границы и изменение ее статуса в империи. Каждая из заинтересованных политических сторон рассматривала и пыталась, насколько то было в ее силах, реализовать возможности по использованию населения или ресурсов Военной границы в своих интересах.

Заключение

Военная граница, исторически сформировавшаяся на территории южного пограничья средневекового Венгерско-хорватского королевства, в XIX в. заняла одно из ключевых мест в концепциях как построения хорватской национальной государственности, так и в тесно связанных с ней идеях хорватской нации.

Хорватские и славонские земли несколько веков были разделены на гражданскую и военную части, что наложило отпечаток на саму политическую модель развития королевства Хорватии и Славонии. В королевстве вторым лицом после короля являлся бан, тогда как на Военной Границе – генерал, возглавлявший вверенный ему под управление участок Границы (генералат). В связи с тем, что действовавшая с 1102 г. венгеро-хорватская политическая уния предполагала нахождение на хорватском троне венгерского короля, сословия Венгрии до 1848 г. оказывали сильное влияние на выбор кандидатуры нового бана. Однако в период урезанной автономии Венгерского королевства (с 1849 по 1867 гг.) должности хорватского бана и главы Хорватско-славонской границы совмещал один человек, тем самым как бы объединяя в своем лице управление обеими территориями.

С одной стороны, в политическом ракурсе это было сделано для придания большего веса общей территории Хорватии и Славонии перед угрозой возрождения венгерской государственности, с другой стороны, являлось фиксацией достижений пронациональной деятельности хорватского сабора в период революции. Сочетание этих факторов определило популярность бана Й. Елачича после революции 1848–1849 гг. и такое явление как «елачичеада» среди хорватов. Однако после преобразования Габсбургской монархии на принципах дуализма королевство Хорватии и Славонии заключило в 1868 г. государственное соглашение с Венгрией,

возродившее Венгеро-хорватское королевство с хорватской автономной частью, а практика совмещения функций хорватского бана и главкома Хорватско-славонской военной границы была прекращена, так как Военная граница оставалась в ведении Военного министерства. Таким образом, в XIX в. можно было наблюдать два варианта практического управления территориями гражданской Хорватии-Славонии и Хорватско-славонской военной границы:

1) венгерский и хорватский король назначает хорватского бана по предложению венгерского парламента, а главкомов частей Военной границы назначает Военное министерство (до 1848 г. и с 1868 г.);

2) на место хорватского бана и главкома Хорватско-славонской военной границы выбирается один человек по предложению хорватского сабора и Военного министерства (с 1848 по 1867 г.)

Управлявшаяся Военным министерством как особая административно-политическая территория в Габсбургской монархии Военная граница, тем не менее, включалась по умолчанию в земли венгерской короны, а Хорватская, Славонская и Вараждинская границы, кроме того, признавались хорватскими политиками частью Хорватского королевства. Однако попытка самостоятельной интеграции Хорватско-славонской военной границы в состав королевства Хорватии и Славонии, предпринятая хорватами в период революции 1848–1849 гг., сначала натолкнулась на сопротивление венгерских властей, желавших взять под свой контроль вообще всю территорию тогдашней Военной границы, а затем была пресечена и Веной, хотя австрийские власти и пошли на определенные уступки хорватам как союзникам в подавлении венгерской революции. Так, например, часть Военной границы от Адриатики до Срема получила официальное название Хорватско-славонская, что указывало на ее идентичность с королевством Хорватии и Славонии, тогда как само королевство получило политическую самостоятельность от Венгрии, что подтолкнуло национальных хорватских

политиков ориентироваться прежде всего на Вену в вопросе интеграции Хорватско-славонской военной границы в состав королевства.

Вопрос Военной границы стал остро актуален для Габсбургской монархии в период военных поражений Австрийской империи (с 1859 по 1866 гг.). В Военном министерстве началась проработка различных планов реформы данной территории. Свое влияние на принятие решений по Военной границе пытались оказать хорватские власти в лице бана и сабора, где ведущую роль до 1867 г. играла Хорватская народная партия, а также существенную долю составили депутаты от Военной границы, вновь допущенные в стены хорватского парламента, что легитимировало самостоятельные действия Хорватского королевства по политической интеграции Военной границы в период революции. Господствовавшие в саборе народняки, заручившись поддержкой граничар-католиков, выступали за полную демилитаризацию Военной границы и включение ее территории в состав королевства Хорватии и Славонии, хотя против выступали православные граничары, желавшие сохранить особую территорию Военной границы и преобразовать ее в отдельное королевство внутри империи со своим ландтагом. Такие чаяния православных граничар, ассоциировавших себя с сербами, на начальном этапе поддерживались в Военном министерстве.

Ситуация изменилась с дуалистическим преобразованием Габсбургской монархии, когда хорватский вопрос вместе с проблемой будущего Военной границы был передан для решения венграм. Однако в 1867–1868 гг. сложился ситуационный союз между противниками дуализма из армейской верхушки и хорватскими национальными политиками. Они выступали за продолжение федерализации монархии и выделение в противовес существенно усилившейся Венгрии еще и южнославянской части империи на базе как раз не признавшего дуализм королевства Хорватии и Славонии и оставшейся в ведении Военного министерства Военной границы. Несмотря на влияние этой партии, венгерским властям удалось не

допустить реализации такого проекта, а пришедшие к власти в Хорватии при помощи венгров унионисты заключили Хорватско-венгерское соглашение, по которому, тем не менее, впервые 11 полков Военной границы признавались территорией королевства Хорватии и Славонии. После этого венгры добились от императора согласия на постепенную демилитаризацию Военной границы. Эти события повлияли на проекты Военного министерства в плане реформы Военной границы, теперь был взят курс на создание особого гражданского переходного правительства Военной границы вместо ландтага, что и было реализовано в 1871 г. путем преобразования Генералкомандования Хорватско-славонской Военной границей в Загребе в Земельное управление Границей. Согласно тогда же изданному императорскому манифесту о демилитаризации Границы, это управление должно было за 10 лет перестроить военную систему Границы на гражданский лад и способствовать инкорпорации Хорватско-славонской военной границы в состав королевства Хорватии и Славонии.

Таким образом, проекты Военного министерства можно разделить на два этапа:

1) 1861–1869/1870 («Парламентское десятилетие»): за особый ландтаг (сабор) для Военной границы.

2) 1870–1881 («Правительственное десятилетие»): за особое правительство для Военной границы.

В этот же период наиболее острых политических дискуссий о будущем Военной границы хорватские политики, вне зависимости от принадлежности к той или иной политической силе в спектре от унионистов до правашей, сходились в вопросе принадлежности всей территории Хорватско-славонской военной границы королевству Хорватии и Славонии, а также необходимости полной демилитаризации особого военного института Границы. В то же время, акцентируя свое внимание на государственно-правовой (исторические территории Хорватии), экономической (принадлежность земли, недр, лесов и водоемов Границы) и этно-

конфессиональной (взаимоотношения с православными граничарами) проблемах возможной инкорпорации Военной границы в состав королевства Хорватии и Славонии, хорватские политики, тем не менее, не старались изучить и понять особенности военного общества, социальное устройство которого складывалось веками и было закреплено законодательно. В частности, не уделялось внимания домовым задругам, которые клеймились как тормоз для экономического и интеграционного развития территории Границы. Лишь отдельные чиновники высокого ранга, происходившие с Военной границы, обращали внимание на такие проблемы и пытались, как например О. Утешенович, предложить особое решение по проблеме задруг как основы граничарского общества.

Изначально имевшая большой колонизационный потенциал, задруга после прекращения практики территориальной экспансии Габсбургов в пределы Османской империи, способствовавшей расширению Границы, оказалась в кризисе. Помимо утраты военной угрозы с юга с начала XIX в. превращению Военной границы в постфронтир способствовало завершение внутренней колонизации граничарами новых областей Границы, полученных ими в середине XVIII в. Хорватские политики с 1840-х годов в своих планах по включению Боснии в состав Хорватского королевства рассматривали граничар лишь как военную силу, которая сможет помочь отвоевать исторически важную территорию у турок-османов, но даже не учитывали возможность использовать колонизационный потенциал задруг для нового освоения территории Боснии и Герцеговины, которую планировали присоединить. С другой стороны, и чиновники Военного министерства тоже не допускали такую возможность, а план О. Утешеновича заключался лишь в дальнейшей искусственной заморозке института домовых задруг в том кризисном состоянии, в котором он находился в 1860-е годы, что говорит о том, что среди политиков и высших чиновников, решавших судьбу Военной границы, отсутствовало понимание корней ее кризисных явлений, а также ее возможного потенциала.

Сербское влияние на православных граничар имело два уровня в рассматриваемый период. Во-первых, тесная связь граничар с венгерскими гражданскими сербами, исторически начавшаяся из-за единой сербской церковной структуры как для граничар, так и для всех прочих православных в XVIII в., а затем переросшая и в тесные политические контакты с сербскими националистами Южной Венгрии. Во-вторых, планы автономного Сербского княжества по использованию граничар как военной силы для военных акций против турок. Причем, сербские политики, как и их хорватские коллеги, также совершенно не учитывали фронтирный потенциал Военной границы и домовые задруги как его основу. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода хорватское и сербское национальные движения Габсбургской монархии были лишь ситуационными союзниками при возникновении сильных внешних вызовов.

Однако существовали две проблемы даже в рамках их союза: 1) дискуссионность широты компетенций сербских властей в их борьбе за территориальную автономию (Воеводство), куда должна была войти часть Военной границы, 2) проблема пограничья Восточной Славонии, которую все хорватские политики считали исторически хорватской, а сербские – важной церковно-политической территорией для сербского народа монархии. Эти проблемы, впервые затронутые на саборе 1848 г., периодически поднимались и на последующих хорватских саборах 1860–1870-х годов, актуализированные временной передачей Петроварадинского полка (в него входил Восточный Срем) в состав Банатско-сербской военной границы.

После упразднения Сербской Воеводины и Темешварского Баната у либеральных сербских политиков монархии появилась идея рассматривать Военную границу (всю или какую-то ее часть) как возможную особую сербскую территориальную единицу в Габсбургской монархии. Именно эта идея вдохновляла православных граничар, боровшихся за сохранение территориальной автономии Границы в хорватском саборе, которые затем стали основой граничарского движения, выступившего против

де милитаризации института Военной границы в 1860-е годы, когда Военное министерство еще рассматривало возможность создания особого парламента (ландтага, сабора) для Границы. Однако поражение этого движения вместе с идеей парламентаризма привело и к трансформации идеи части сербских политиков Габсбургской монархии о территориальной автономии в идею о единой сербской диаспоре в рамках большой Венгрии и отстаивания своих прав через имеющиеся представительные институты, т. е. хорватский сабор и венгерский парламент. В итоге православная часть граничарского движения приложила усилия к обособлению сербских депутатов от Военной границы внутри хорватских политических партий. Были созданы Сербский клуб в саборе, а затем, в последний год существования самой Военной границы, и полноценная сербская политическая партия у граничар.

Таким образом, развитие политического движения и его проектов реформы Военной границы среди сербского/ православного населения Хорватско-славонской военной границы можно разделить на следующие этапы.

- 1) 1848/1860–1865 гг. сербы идут в русле общеграничарских интересов, а свои интересы имеют лишь на уровне полков (наказы), разрозненно;
- 2) 1865–1878 гг. – от выработки особой программы сербами-граничарами в саборе до образования сербского клуба в рамках ХНП;
- 3) 1878–1881 гг. от клуба в рамках ХНП до образования своей политической партии.

Общественно-политические процессы в Хорватии и Славонии, а также в целом в Габсбургской монархии в 1840–1870-е годы не могли не отразиться на Военной границе, которая оказалась вовлечена во все важные процессы в регионе: национально-культурное строительство у хорватов и сербов в 1830–1840-е годы, революционные события 1848–1849 гг., а затем и парламентско-партийную политическую жизнь.

Список источников и литературы

Источники

Архивы

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 296. Оп. 608. Д. 1, 2.

Архив Сербской академии наук и искусств (АСАНУ). 7370. Основни Закон о Хрватско-Славонској и Банатско-Српској војеној Граници. У Бечу 7 маја 1850.

Опубликованные источники:

Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. СПб., 1879. Т. 2.

Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюбa Каталиничa // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1961. С. 219–236.

Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). Књ. 1. 1848–1883 / уред. В. Крестић. Белград, 1995.

Панчевац

Утјешеновић Острожински О. Златна књига породице Утјешеновића // Зборник о србима у Хрватској. Београд, 1995. Књ. 3. С. 213–303.

Agramer Zeitung

Bartenstein J.C., von. Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen Illirischen Nation in der kaiserl. königl. Erblanden. 1761.

Csaplovics J., von. Slavonien und zum Theil Croatien. Ein Beitrag zur Völker- und Länderkunde. Theils aus eigener Ansicht und Erfahrung (1809–1812), theils auch aus späteren zuverlässigen Mittheilungen der Insassen. Bd. II. Pesth, 1819.

Danica ilirska

Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonijedržana u glavnom gradu Zagrebu godine 1868.–1871. Zagreb, 1884.

Hietzinger C.B., von. Statistik der Militärgrenze des österreichischen Kaiserthums: 3 Bände. Wien, 1817–1821.

Hostinek J. Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Wien, 1861. Theile 1–2.

Hrvatski državni sabor 1848. Zagreb. Sv. 1, 2001; Sv. 2, 2007; Sv. 3., 2008.

Ilirske narodne novine

Klagenfurter Zeitung

Korespondencija Rački – Strossmayer / ured. F. Šišić. Zagreb, 1928. Knj. I.

Militar-Gränitz-Rechten von Ihro Kaiserl. Königl. Majestät für das Karlstädter- und Warasdiner-Generalat vorgeschrieben im Jahr 1754. Wien, 1754.

Militär Zeitung

Milković K. Grundgesetze für die Carlstädter-Warasdiner, Banal, Slavonische, und Banatische Militär-Gränze. Wien, 1807.

Neue Freie Presse

Neues Fremden-Blatt

Neueste statistisch-geografische Beschreibung des Königreichs Ungarn, Kroatien, Slavonien und der ungarischen Militär-Grenze. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1834.

Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske (Novine dalmatinsko-hérvatsko-slavonske)

Obzor

Österreichische Reichszeitung

Die Presse

Saborski spisi sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od godine 1865.–1867. Zagreb, 1900.

Sbornik zakonah i naredabah, valjanih za kraljevinu Hrvatsku i Slavoniju. 1877. Kom. IV.

Städtische Preßburger Zeitung

Stopfer M. Lehrbuch über die Statistik der Militär-Gränze des österreichischen Kaiserthums. Gratz, 1840.

Tagespost

Utješnović Og. Die Militärgrenze und die Verfassung. Wien, 1861.

Utješenić Ostrožinski O. Kućne za druge južnih Slavena / prev. S. Joka // Povijesna istraživanja. Zagreb, 1988. S. 19–176.

Das Vaterland

Wiener Zeitung

Литература

Авербух Р.А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

Арато Э. Венгеро-славянские культурные отношения в первой половине XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978.

Белов М.В. Проблема институализации и легитимации власти в Сербии 1804–1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. СПб., 2006. С. 53–81.

Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.

Бернштейн С.Б. Культурный язык – письменный язык – литературный язык // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 106–111.

Беспамятных Н.Н. Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы. Минск, 2012.

Ващенко М.С., Величко О.И., Дронов М.Ю., Кирилина Л.А. и др. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки / редколл.: Л.А. Кирилина, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова (отв. ред.). М., 2018.

Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика / пер. с нем. М., 2007.

Дронов А.М. Междисциплинарная практика изучения границ и пограничий // Историческая экспертиза. СПб., 2017. № 3 (12). С. 128–143.

Дронов А.М. Русские консульства в Далмации в контексте политических процессов у южных славян Австро-Венгрии и на габсбургско-османском пограничье в 70-е гг. XIX в. // Славянский альманах. М., 2018. № 3–4. С. 70–84.

Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. М., 2018. № 1. С. 55–69.

Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С.М. Факлькович. М., 2001.

Желички Ч.Б. Попытки межнационального примирения в период венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. // Центральная Европа в новое и новейшее время (Сборник к 70-летию Т.М. Исламова) / отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 124–136.

Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. М., 1996.

История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2013.

История Югославии: В 2 т. / под ред. Ю. Бромлея. Москва, 1963. Т. 1.

Каппелер А. Казачество. История и легенды: монография / пер. с нем. Н. Мининкова. Ростов-на-Дону, 2014.

Карасев А.В. Югославянская идея во внешнеполитических планах И. Гарашанина // Славянский альманах: 2000. М., 2001. С. 120–133.

Колосов В.А., Мироненко В.С. Геополитика и политическая география. М., 2001.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Пер. с англ. М., 2002.

Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

Крючков И.В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2001.

Кузьмичева Л.В. Сербский вопрос в период демилитаризации и реинкорпорации Военной Границы в 60–80 гг. XIX века. Истоки сербо-хорватских политических конфликтов // Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Воронеж, 2005.

Кузьмичева Л.В. Сербская государственная идея в 60–70-е годы XIX в. (Проблема идеологического выбора) // Двести лет новой сербской государственности (К 200-летию Первого сербского восстания 1803–1813 гг.). СПб.: Алетейа, 2005. С. 150–174.

Лециловская И.И. Иллиризм. К истории Хорватского национального Возрождения. М., 1968.

Лециловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848–1849. М., 1977.

Лециловская И.И. Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.

Марков В. Иллирийские провинции Наполеона // Французский ежегодник 1973. М., 1975. С. 163–175.

Медяков А.С. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2009.

Медяков А.С. Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) // Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998. С. 152–172.

Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986.

Микавица Д. Српско питање на Угарском сабору: 1690–1918. Нови Сад, 2011.

Миллер А.И. Национализм, или Могущество мифа. М., 2016.

Мининков Н.А. Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера // Границы и пограничье в южнороссийской

истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.) / отв. ред. Д.В. Сень. Ростов-на-Дону, 2014. С. 370–379.

Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма / отв. ред В.И. Фрейдзон. М., 1981.

Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970.

Никифоров Д.И. Восстание в Боснии и Герцеговине и политический кризис Сербии в 1875 г. // Теория и практика общественного развития, 2014. № 1. С. 259–263.

Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995.

Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

Перетяцько А.Ю. Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть I // Военный сборник. 2016. № 12. С. 79–99.

Перетяцько А.Ю. Оценка роли границы в истории донского казачества авторами 1860-х – 1880-х гг.: Н.И. Краснов, М.Н. Харузин, С.Ф. Номикосов // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.) / отв. ред. Д.В. Сень. Ростов-на-Дону, 2014. С. 417–427.

Савченко В.Н. Политические границы и этносоциальная ситуация на польско-восточнославянском пограничье. XIX – первая половина XX в. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 162–174.

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

Соколовский С.В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная

сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., 2016.

Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2012.

Флакер А. Структура культуры хорватского национального Возрождения // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 48–56.

Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в.: К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.

Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

Фрейдзон В.И. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной границе в 50-х – начале 70-х гг. XIX в. (кризис и ликвидация военной системы) // Ученые записки Института славяноведения. М., 1963. Т. XXVI. С. 80–115.

Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в. Дубна, 1999.

Хаванова О.В. Нация, отечество патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.

Хаванова О.В. Чиновничество в монархии Габсбургов XVIII века. Сочетания и конфликты идентичностей // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 54. 2016. С. 266–290.

Хершак Э. Этничность как форма интеграции (теоретические проблемы и некоторые примеры стран Средней Европы) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 1997.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 2018.

Шмелёва О.И. Влияние боснийско-герцеговинского восстания 1875–1876 годов на национально-освободительные движения на Балканах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2010. № 2 (27). С. 46–61.

Гавриловић С. Срби у Хабсбуршкој монархији (1792–1849). Нови Сад, 1994.

Грбић М. Карловачко владичанство. Прилог к историји Српске православне цркве. Карловац, 1891. Књ. 1.

Историја српског народа. Књ. 5: Од Првог устанка до Берлинског конгреса: 1804–1878. Београд, 2000. Т. 2.

Крестић В. Срби у Угарској: 1790.–1918. Нови Сад, 2013.

Крестић В. Суштинска спорна питања Срба и Хрвата током историје // *Крестић В.* Из историје Срба и српско-хрватских односа. Београд, 1994. С. 97–109.

Спасовић И. Банатска војна граница и њеноукидање 1872 године. Панчево, 2004.

Стоячковић А. Черте живота народа србског у унгарским областима, од времена, кад су Мађари у ове дошли, па до славног доба воскресенія Войводовине Сербіе, или од године 895–1848. Беч, 1849.

Швикер Ј.Х. Политичка историја Срба у Угарској / прев. Т. Бекић. Нови Сад; Београд, 1998

Allmayer-Beck J.C. Die bewaffnete Macht in Staat und Gesellschaft // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band V. Die bewaffnete Macht / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1987.

Beschnitt W.D. Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München, 1980.

Bogdanov V. Друштвене и политичке борбе у Хрватској 1848./49.: прилог историји наше четрдесетосме. JAZU, Zagreb, 1949.

Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma. Zagreb, 2008.

Buczynski A. Gradovi Vojne krajine. Zagreb, 1997. Knj. 1–2.

Buczynski A. Pa to su samo Hrvati! Građa za povijest kantonske reorganizacije Vojne krajine 1787. godine. Zagreb, 2011.

Buczynski A. Trojna zapovjedna podređenost Vojne krajine 1848. godine // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 123–134.

Clewing K. Staatlichkeit und nationale Identitätsbildung: Dalmatien in Vormärz und Revolution. München, 2001.

Czoernig K. Ethnographie der österreichischen Monarchie. Wien, 1857. Bd. II.

Čorić A. Novine Zatočnik u Vojnoj Krajini. Zagreb, 2018. URL: <https://repositorij.hrstud.unizg.hr/en/islandora/object/hrstud%3A1759/datastream/PDF/view> (дата обращения: 15.12.2019).

Čepulo D. Hrvatski državno-pravni identiteti hrvatsko-ugarski odnosi 1790.–1868. // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004.

Čepulo D. Hrvatsko-ugarska nagodba i reforme institucija vlasti u Hrvatskom saboru 1868.–1871. // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. Rijeka, 2001. Br. 1. S. 117–148.

Čulinović F. Mogu li se pokreti krajišnika uvrstiti u seljačke bune? // Historijski zbornik. 1952. N 3–4. S. 433–436.

Deák A. From Habsburg Neo-Absolutism to the Compromise, 1849–1867. New York, 2008.

Diószegi I. Bismarck und Andrassy. Ungarn in der deutschen Machtpolitik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Wien; München; Budapest, 1999.

Djordjević D. Die Serben // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. Teil 1 / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1980.

Englesfeld N. Povijest hrvatske države i prava: razdoblje od 18. do 20. stoljeća. Zagreb, 2002.

Fónagy Z. Paralelnosti i konflikti u eri nacionalnog preporoda // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004.

Gergely A. Das staatsrechtliche Problem im Jahre 1848 // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 89–100.

Grenze und Staat. Paßwesen, Staatsbürgerschaft, Heimatrecht und Fremden gesetzgebung in der österreichischen Monarchie 1750–1867 / W. Heindl, E. Saurer. Wien; Köln: Graz, 2000.

Gross M. Kak opisati “historiju društva”? // Naša tema. Zagreb, 1989. N 7–8. S. 1881–1885.

Gross M. Socijalna historija i istraživanje Vojne krajine // Naša tema. Zagreb, 1982. N 11. S. 1886–1887.

Gross M. O značaju francuske “nove historije” // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1983. N 2. S. 237–270.

Heka L. Osam stoljća Hrvatsko-ugarske državne zajednice s posebnim osvrtom na Hrvatsko-ugarsku nagodbu. Szeged, Subotica. 2011.

Holjevac Ž. Gospić u Vojnoj krajini (1689.–1712.–1881.). Prilog slici gospićke prošlosti. Hrvatski zemljopis. Zagreb, 2002.

Holjevac Ž. Ivan Dominik Vukasović. Zemljopisni i povijesni novi opis Karlovačkog generalata u Kraljevini Hrvatskoj (1777.). Državni arhiv. Gospić, 2005.

Holjevac Ž. Ogulinska pukovnija (1746.–1873.). Polazišta. Matica hrvatska. Ogulin, 2012.

Houtum H. The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. N 10. P. 672–679.

Hrvatska 1848. i 1849.: Zbornik radova / gl. ured. M. Valentić. Zagreb, 2001.

Jareb M. Hrvatsko-mađarski odnosi 1848. godine u svjetlu hrvatskog tiska – državni status Trojedne kraljevine prema kraljevini Ugarskoj // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 331–350.

Käser K. Slobodan seljak i vojnik / Prev. J. Brkić od «Freier Bauer und Soldat». T. 2: Povojačeno društvo (1754–1881). Zagreb, 1997.

Kessler W. Politik, Kultur und Gesellschaft in Kroatien und Slawonien in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Historiographie und Grundlagen. Oldenbourg, 1981.

Kessler W. Vom Recht der Stände zum "kroatischen Staatsrecht" // Reiche und Territorien in Ostmitteleuropa. Historische Beziehungen und politische Herrschaftslegitimation. Oldenbourg, 2006. Bd. 2.

Kolar M. Politička pitanja i ideologije u Hrvatskoj od 1790.–1868. (s posebnim osvrtom na hrvatsko-mađarske veze) // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004.

Koselleck R. Begriffsgeschichten. Frankfurt-am-Main, 2006.

Krestić V. Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. Beograd, 1988.

Kudelić Z. Marčanska biskupija. Habsburgovci, pravoslavlje i crkvenaunija u Hrvatsko-slavonskoj vojnoj krajini (1611.–1755.). Zagreb, 2007.

Leto M.R. Danica Ilirska i pitanje hrvatskog književnog jezika // Slavica tergestina. 2004. N 11/12. S. 163–190.

Martinstetter H. Die Staatsgrenzen. Berlin, 1952.

Mijatović A. Hrvatsko-mađarski rat g. 1848./1849. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 135–148.

Milković K. Krajiška prava (1754.) i Osnovni krajiški zakon (1807.) // Povijesni prilozi. Zagreb, 2006. S. 161–182. N 31.

Močanin F. Periodizacija historije Vojne Krajine (XV–XIX st.) // Historijski zbornik / ured. J. Šidak 1960. God. XIII. S. 111–117.

Pavličević D. Kućne zadruge u Vojnoj krajini // Naša tema. Zagreb, 1982. N 11. S. 1890–1900.

Perić I. Hrvatski državni sabor: 1848.–2000. Sv. 1, 2, 3. Zagreb, 2000.

Perić I. Hrvatska državotvorna misao u XIX. i XX. stoljeću. Zagreb, 2002.

Picot E. Les Serbes de Hongrie. Prague, 1873. *Пико Е.* Срби у Угарској / прев. С. Павловић. Нови Сад, 1883. С. 69.

Potrebica F. Ban Josip Jelačić i narodni pokret u Slavoniji tijekom ljeta 1848. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 167–182.

Povijest Hrvata. 2 Knj.: Od kraja 15. stoleća do kraja Prvog svetskog rata. Zagreb, 2005.

Pravaška misao i politika. Zbornik radova / ured. J. Turkalj, Z. Matijević, S. Matković. Zagreb, 2007.

Puttkamer J. Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. München, 2003.

Rački F. Ob obrani hrvatsko-slavonske granice u XVI. i XVII vjeku s gledišta državnopravnoga // Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znanosti. Zagreb, 1866. Godina III.

Ravlić J. Ilirska čitaonica u Zagrebu // Historijski zbornik. XVI. Zagreb, 1963. S. 159–215.

Roksandić D. Srbi u hrvatskoj i srpskoj historiografiji: problemi usporedbe dvije interpretacijske tradicije // Dijalog povjesničara-istoričara. Zagreb, 2002. Sv. 5. S. 211–230.

Roksandić D. Srpska i hrvatska povijesti «nova historija». Zagreb, 1991.

Roksandić D. Triplex confinium ili o granicama i regijama hrvatske povijesti 1500–1800. Zagreb, 2003.

Roksandić D. Vojna Hrvatska. La Croatie Militaire. Zagreb, 1988.

Roksandić D. Vojna krajina i “nova historija” // Naša tema. Zagreb, 1982. N 11. S. 1917–1926.

Rothenberg G. The Military Border in Croatia 1740–1881. A study of an imperial institution. Chicago, 1966.

Šafařík P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Prag, 1869.

Schödl G. Ungarn und Kroaten: Wechselbeziehungen und Identitätsbildung zwischen Tradition und Konstruktion // Beitrag zur Eröffnung des II. Panels “Identitätsformen im Wandel zwischen modernen Nationalstaatskonzeptionen und ständischer Lebenswelt”. Berlin, 2010.

Schwicker J.H. Geschichte der Österreichischen Militärgrenze. Wien, Teschen, 1883.

Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880.

Schwicker J.H. Zur Geschichte der kirchlichen Union in der croatischen Militärgrenze. Wien, 1874.

Šidak J. Jugoslavenska ideja u hrvatskoj politici do I svjetskog rata. Zagreb, 1973.

Šidak J. O uredniku i značenju ilirskog "Branislava" (1844–45) // Historijski zbornik, XIV. Zagreb, 1961. S. 75–87.

Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848.–1849. Zagreb, 1979.

Šidak J., Sučević B. Ferdo Čulinović. Seljačke bune u Hrvatskoj // Historijski zbornik. 1952. N 1–2.

Smičiklas T. Povijest Hrvatske. Dio II. Zagreb, 1879.

Šokčević D. Slika mađara u Hrvata i Hrvata u mađara 1848. godine // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 315–330.

Stančić N. Das Jahr 1848 in Kroatien: unvollendete Revolution und nationale integration // Südost-Forschungen, 1998. N 57. S. 103–128.

Stančić N. Godina 1848. u Hrvatskoj, središnje državne institucije u transformaciji. Zagreb, 2010.

Stančić N. «Naš narod» Ljudevita Gaja iz 1835. godine // Radovi. Zagreb, 1990. Vol. 23. S. 53–80.

Stančić N. Socijalna struktura i nacionalna integracija // Naša tema. Zagreb, 1982. N 11. S. 1901–1907.

Sučević B. Šta su bili krajišnici? // Historijski zbornik. 1952. N 3–4. S. 437–448.

Šurmin Đ. Hrvatske novine u Beogradu 1844 godine // Srpski književni glasnik. XXVII/11. Beograd, 1911. S. 827–835.

Švooger V., Tvrković T. Između ugrofilije i ugrofobije. Slika Mađara u Hrvatskoj od 16. do 19. stoljeća // A horvát-magyar együttélés fordulópontjai. Prekretnice u suživotu Hrvata i Mađara. Budimpešta, 2015.

Turczynski E. Orthodoxe und Unierte // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. IV. Die Konfessionen / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1985.

Vaniček Fr. Specialgeschichte der Militärgrenze, aus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft. Wien, 1875. Bd. 1–4.

Valentić M. Hrvatsko-slavonska Vojna Krajina 1790–1881 // Vojna Krajina u Hrvatskoj / ured. F. Moačanin, M. Valentić. Zagreb, 1981. S. 42–77.

Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. Zagreb, 1981.

Valentić M. Vojna krajina u događajima 1848./49. // Hrvatska 1848. i 1849. Zbornik radova. Zagreb, 2001. S. 111–122.

Vukcevič I. Croatia: Ludvig von Gaj and the Croats are Herrenvolk Goths Syndrome. New York, 2012.

Wachsmuth W. Geschichte des Illyrismus oder des süd-slavischen Antagonismus gegen die Magyaren. Leipzig, 1849.